

Н. ОТРАДИН

Об основах российского государства

Размышлений о будущем строе, который должен сменить «диктатуру пролетариата», т. е. коммунистическое насилие, в эмигрантской печати встречается мало, хотя они — первая задача эмиграции. Если же встречаются, то в них часто обнаруживаются следы распространенных ныне заблуждений. Так, один из новейших эмигрантов, диссидент, недавно заявил, что будущее общество будет создаваться у нас на основе «научного мировоззрения». Невольно подумалось: 60 лет господства у нас «самого научного, самого прогрессивного, передового и т. д. мировоззрения», очевидно, еще недостаточно.

Правда, в той же среде на этот счет высказываются и трезвые мысли. Например Юрий Орлов, осужденный недавно за несогласие с диктатурой и служащими ей, в самиздатской статье «Возможен ли социализм не тоталитарного типа?» («Зарубежье», август—ноябрь 1977), писал: «Не только во времена Маркса, но и сейчас не представляется возможным построить настоящую научную теорию общества». И как ее построишь, если большие ученые честно говорят, что полным знанием наука не обладает — и вряд ли когда будет обладать? Ленин, правда, полагал иначе, но его пресловутая «теория познания» может ею признаваться только под мощной защитой КГБ.

Кстати, создатель совсем не лучшей, но самой мощной и по-своему эффективной государственной структуры, Сталин, в качестве основного «научного» пособия пользовался трактатом Макиавелли «Государь», написанном в XVI веке и, казалось бы, давно утратившим «научное» значение. Но Сталину эта древность служила хорошо!

Не лишне вспомнить и еще более древнее: прошло уже больше двух тысяч лет, когда Платон размышлял об «идеальном государстве». Он оставил потомкам свои взгляды на государство, население которого состоит из трех главных слоев: первый — правители, во главе с жрецами-философами (сейчас сказали бы — идеологами). Второй слой — воины, стража, охраняющая государство. И третий, нижний слой — ремесленники, земледельцы (сейчас это «рабочие и служащие», крестьяне, да еще советские ИТР — «инженерно-технические работники»). Т. е. все те, кто производит не только материальные ценности, к выделке которых Маркс и его последователи сводили деятельность народов). Во время Платона этот нижний, производящий слой состоял из рабов, — таким, из рабов, представлял его себе Платон и в будущем, может быть на вечные времена.

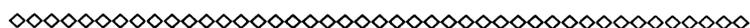
Схема государства Платона (сейчас скажут — «модель») сохраняет свое значение для характеристики и современных государств. А там, где властвуют компартии, эта схема сохраняет и первоначальные черты, до сохранения даже рабства, и не только нижнего слоя. В мире, не подвластном компартиям, вероятно главное изменение, наиболее заметное и значительное — это выделение в третьем слое возглавляющей его прослойки специалистов, руководителей и организаторов всей производственной и культурной жизни государства.

Так, многие тысячи лет, существуют на земле государства, и в основном, и в деталях отвечающие схеме Платона. И вся сложность и необъятность современной науки не внесла в нее сколько-нибудь существенных, принци-

пиальных изменений. Почему же надо стараться ее менять, подгоняя жизнь под утопии тех или иных «научных» воззрений? И откуда могут взяться такие перемены, если, например, социология, наука об обществе, еще не вышла из пеленок? Не освободилась от них и работа по изучению массовой психологии? Где же взять «научные теории» построения общества, если научного знания поведения общества и людей мы не имеем? Не ясно ли, что в этих условиях любые предлагаемые нам «научные теории» общественного устройства могут представлять собой лишь предположения и гадания, способные заводить народы в новые трясины утопий, на подобие утопии марксизма-ленинизма? Кому нужны такие зловещие повторения?

Государства даже не веками, а тысячелетиями возникали из потребности организации, сохранности и лучшего обеспечения нужд так или иначе сложившихся сообществ. С веками это получило четкое выражение в формуле обеспечения национальных интересов. На Западе «защита национальных интересов» — настолько понятное определение, и настолько священное, неотменяемое, что западные правительства до сих пор не совсем верят тому, что коммунисты действуют во имя других интересов. На этом неверии сильно сыграл Сталин в Ялте и Потсдаме, обставив англичан и американцев и значительно, до катастрофических размеров расширив владения коммунистов.

У нас интеллигенция как бы стеснялась проявления национальных чувств, фактически подавляла их. С появлением и усилением открыто левой, революционной интеллигенции, явное проявление национальных чувств стало приравниваться ею даже к черносотенству, — хотя запад-

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Отрадин. Об основах российского государства	1
Епископ Нафанаил. Слово к прославлению блаженной Ксении	2
Оксана Ангич. Советская молодежь и атеистическая пропаганда	3
А. Авторханов. Оборона Запада	8
Ю. Мейер. Как защищены интересы рабочих в США?	10
А. Солженицын. Расколотый мир	11
Г. Андреев. Вокруг гарвардской речи	16
Е. Климов. Виктор Васнецов	17
А. Дуриков. Выставка Марка Шагала в Мюнхене	18
Максимilian Волошин. Русь глухонемая (стихотворение)	19
Зденко Ангич. Еврокоммунизм — угроза или вызов?	20
В. Ильин. Проблематика Льва Толстого	25
Е. Вагин. Встречи диссидентов в Турине	27
Иеромонах Хризостом. Обновленческий раскол	31
А. Макриди. Милосердный самарянин в африканских джунглях	33
ОБЗОР ПЕЧАТИ И РЕЦЕНЗИИ	
С. О. Как из нас делали «советского человека»	36
К. Кромпади. О книге протоиерея Александра Кисилева	37
ХРОНИКА зарубежной жизни	42

ным народам та же интеллигенция подчинение их политики национальным интересам отнюдь в вину не ставила. Мы в сущности хотели в этом вопросе быть дальше, «переднее» всех — и может быть поэтому легче поверили в возможность провозглашенного Марксом будто бы в скором будущем «отмирания государства», которым наша революционная интеллигенция совершенно не дорожила.

Ленин в особенности ненавидел Россию и был ярким ее поносителем. По крайней мере однажды он сказал, что на Россию ему наплевать, — этого однако мало. По существу, ему было не наплевать, а надо было ее уничтожить, и без остатка, чтобы и памяти о ней не осталось, — эту цель преследовала долготелая кампания коммунистов по опорочению России и всего русского. И этим же объясняется та легкость, с которой Ленин санкционировал убийство последнего царя Никлоя Второго и всей его семьи, — преступление, неустрашимым тавром врезанное в толщу всех преступных деяний коммунистов. Оно навсегда останется таким, — именно потому, что в основе его лежит стремление уничтожить и память о России.

В эмиграции национальной идее внимания уделялось мало, — может быть потому, что левоинтеллигентские привычки так твердо въелись в сознание, что их не устранил даже страшный большевицкий шок. Левые в эмиграции, привыкшие постоянно оглядываться на «просвещенные народы» Европы и очень боясь прослыть «реакционерами», оставались интернационалистами и разговоры о национализме встречали в штыки (хотя давно надо было разграничить здоровый национализм от его злокачественной болезни — нацизма). Наиболее близко и основательно подходили к этой идее евразийцы, — к сожалению, вокруг их высказываний они сами же сумели создать столько путаницы, туманов и соблазнов, что в наследство от них ничего законченно-ценного не осталось. В наследство осталось вздорное младороссовство с лозунгом «царь и советы», с известным вождем Казембеком, не так давно мирно закончившим свои дни под гостеприимной для такой сомнительности (впрочем и для нее только с ведома и под контролем КГБ) сенью московской патриархии.

Наверно отчасти и из-за нашей неозабоченности относительно русского национализма определение «русский националист» считается едва ли не оскорбительным. Оправдываются и одобряются любые национализмы — украинский или грузинский, белорусский, узбекский, татарский или башкирский, — а русским националистом быть будто бы нельзя. Здесь, конечно, сказывается влияние всей той по сути дела чуши, что была нагорожена не только сепаратистами, но и нашей же левой интеллигенцией о России, как о «тюрьме народов», о будто бы невыносимом угнетении и преследовании русскими народов других нацио-

нальностей и т. п., хотя отношение русского народа к другим, подчиненным народам всегда было несравненно более мягким и человечным, чем, например, отношение европейских «просвещенных» народов к захваченным ими народам. Дело тут однако было не в справедливости или гуманности, а совсем в другом.

Размышляя о нашей, в эмиграции, беспечности в этом отношении, нельзя не прийти к выводу, что беспечность наша вероятно полностью объясняется тем, что при всех условиях мы всегда чувствуем за своими плечами стомиллионный народ, тысячу лет нашей истории, богатство русской культуры, — под такой сенью все волнение антиросийских страстей естественно кажется отнюдь не таким мощным, чтобы оно могло еще раз погнать нашу историю куда-то в неподобающую сторону, как это удалось коммунистам в 1917 году.

Все несчастья нашей страны и ее народов в истекшие 60 лет проистекли именно от этого непотребного поворота — в сторону темной немислимой утопии. Коммунисты уложили на свои языческие алтари «создания нового человека», нового, конечно же самого справедливого социалистического общества, наконец, ради уничтожения во всем мире капитализма десятки миллионов человеческих жертв. А в конечном счете — только для того, чтобы удерживать диктатурой строй и продолжать свое насилие.

Первым и главным устоем будущего здорового общества должно быть обеспечение нужд и потребностей народов России, без каких-либо уклонов и скачков во «всемирные масштабы», в утопизм, мессианизм и т. п. Во всемирных масштабах, для оказания помощи другим народам, наша страна может проявлять усилия только в содружестве с другими великими народами, в рамках, определенных международными общепризнанными учреждениями, чьне узурпируемы и сознательно лишаемыми эффективности коммунистами.

Это и должно быть записано первой задачей, первой заповедью в конституции новой, послекоммунистической России. Неотъемлемые права человека, о которых так много теперь говорят, — они в сознание наших народов вошли давно и настолько у нас общепризнанны, что даже коммунисты вынуждены были записать их в свои конституции, вовсе не собираясь эти права людям давать. Свобода совести, слова, собраний, печати, право на труд и достаточное обеспечение и т. п. — все это давно уже азбучные истины в демократических правовых государствах, и истины не бумажные, не признаваемые только на словах, а неукоснительно осуществляемые. Такими они будут и в государстве российском. И нет никаких, кроме коммунистического насилия, преград, чтобы все эти права не стали в российском государстве жизненной реальностью.

ЕПИСКОП НАФАНАИЛ

Слово к прославлению блаженной Ксении

10—23 сентября с. г. Православная Русская Зарубежная Церковь причислила к лику святых, т. е. канонизировала, блаженную Ксению, Петербургскую. Мы печатаем ниже слово епископа Нафанаила, посвященное этому событию.

Ныне по всем храмам нашей Православной Русской Зарубежной Церкви прославляется праведная блаженная Ксения, ибо свидетельством Церкви она причислена к лику святых. Не от своего только имени прославляет святую Ксению наша Зарубежная Церковь, но от имени всей Русской Церкви, ибо со всех концов России поступают к нам сведения от верующих русских людей о чудесах по молитвам блаженной Ксении и о почитании ее.

Двести лет тому назад по улицам Санкт-Петербурга, града святого Петра, ходила смиренная убогая женщина в рубище, босая, косматая. Некоторые смотрели на нее с ува-

жением и любовью, с умилением; большинство же смотрело с отталкиванием, оскорбляя ее выражением презрения, а злые мальчишки бросали в нее камнями и грязью.

Воле Божией было угодно, чтобы первый луч святости засиял над гордой блистательной северной столицей Российской империи не в привычной для того торжественно величавой форме архипастыря или пастыря-инока, а в уничиженной форме юродивой.

Но поспешим сказать, что смиренная уничиженность блаженной Ксении была не внешне навязанной, принуждающими причинами, а добровольно принятым ею на себя подвигом.

Она была сначала молодая, потом пожилая, вдова придворного церковного певчего, имевшего чин гвардии полковника, Андрея Федоровича Петрова. Это сочетание пол-

ковника и певчего странно и необычайно для представлений позднейшего времени. Но вспомним, что при императрице Елизавете Петровне, самой благочестивой из всех русских государей до Царя-Мученика, чин придворного церковного певчего был очень высок. Ведь в супруги себе царица избрала не иноземного принца, а церковного певчего, Алексея Разумовского, с которым Андрея Петрова связывала если не дружба, то дружественное сотоварищество.

Из этого можно заключить, что до своего вдовства Ксения Григорьевна, жена Андрея Федоровича, жила в условиях холеного самолюбия, была окружена вниманием и подобострастием, а не унижениями. Но после внезапной кончины любимого мужа Ксения Григорьевна до самой глубины души ощутила, как хрупко, как эфемерно, как мимолетно земное счастье, и она полностью отвергла его.

И пошла босою, в лохмотьях по улицам Петербурга. Свое имущество она раздала нищим, дом подарила подруге. Возмущенные родственники назвали ее умалишенной и потребовали экспертизы для установления над ней надзора и попечительства. Но консилиум врачей психиатров специалистов, опросив ее, признал ее вполне вменяемой, в здравом уме и твердой памяти и потому ограничению в своих действиях не подлежащей.

Одной из странностей рабы Божией Ксении было то, что она требовала, чтобы ее звали не Ксенией, а по имени ее мужа — Андреем. На первый взгляд это странность необъяснима. Но, если вдуматься, мы поймем ее. Андрей Федорович умер скоропостижно, и его вдова тревожилась за его вечную судьбу. Поэтому, начав подвижническую жизнь, она хотела, чтобы все ее подвиги относились не к ней, а к ее почившему мужу.

Всегда спокойная, благодушная, приветливая, она обходила дома в Петербурге. Всюду она сеяла добро: чудесно исцеляла больных, давала прозорливо мудрые советы, особенно заботилась она о том, чтобы хорошие благочестивые девушки выходили замуж за хороших благочестивых женихов. Часто ее благодеяния сопровождалась явлениями.

Терпя стужу и зной, зимой и летом, в рубище, босая, она никогда не проводила ночи в доме. Этим заинтересовалась полиция и установила за ней наблюдение. Эти

наблюдения показали, что она проводит ночи в 3-х верстах за тогдашней окраиной Петербурга, в лустом поле, где всю ночь молится, кладя бесчисленные поклоны.

Господь богато дал ей дар прозорливости. «Провидела будущее, яко настоящая», говорит о ней песнопение. Особенно прославилась св. Ксения, когда перед Рождеством 1761 г. она стала обходить дома знакомых, говоря: «Пеките блины, пеките блины, завтра вся Россия будет печь блины». На следующий день, в сочельник, скончалась государыня императрица Елизавета Петровна, давно болевшая, но как раз за несколько дней до кончины почувствовавшая себя значительно лучше, и опасения за ее жизнь по определению врачей исчезли. Надо указать, что в те времена покойников чаще поминали блинами, чем кутьей.

Но наше внимание больше привлекает другое общественное пророчество св. Ксении. При возшествии на престол Екатерины 2-й, русское дворянское общество радовалось, а св. Ксения плакала, потому что это воцарение сопровождалось убийством двух русских императоров Петра 3-го и Иоанна 6-го. Этого последнего особенно оплакивала св. Ксения, повторяя: «там кровь... реки крови, каналы кровавые!» (это она взяла образ от родных ей видов Петербурга).

Вскоре новое царствование было отмечено гонением на православное монашество и нескончаемыми кровопролитными войнами.

Что именно провидела св. Ксения в этих трагических своих видениях — мы не знаем: кровавость ли вообще царствования Екатерины с многочисленными войнами, Пугачевский ли бунт, или наступившее вскоре после ее кончины то восстание против Бога и Правды Его, которое началось с Французской революции и продолжается в русской революции до сего дня.

Нам думается, что св. Ксения провидела главным образом два последних события — Пугачевский бунт и Французскую революцию, и чрез них — порождение их обоих: богоборческий кошмар нашего времени.

Во всяком случае мы можем думать, что св. Ксения провидела эти бедствия, грядущие на вселенную, и молилась и молится за свой многострадальный народ и за свой родной любимый город.

Будем и мы с любовью молиться ей.

ОКСАНА АНТИЧ

Советская молодежь и атеистическая пропаганда *)

Прошло почти полвека с тех пор, как «профессиональный революционер» Владимир Ленин завершил работу над статьей «О значении воинствующего атеизма», которая представляет собой его атеистическое завещание и до сегодняшнего дня лежит в основе советской атеистической пропаганды.¹⁾ Эта статья, написанная в марте 1922 года, содержит ряд теоретических и методологических положений, как например, о единстве воинствующего материализма, о союзе коммунистов с некоммунистами, о необходимости использования самого разнообразного материала в атеистической пропаганде и подходе к верующим с разных сторон, о непримиримой борьбе против буржуазной идеологии и т. д. Она положила начало проведению пропаганды воинствующего атеизма в Советском Союзе.

Эта пропаганда проводится в колоссальных масштабах: целая сеть специальных учреждений занимается «формированием научного мировоззрения», то есть атеистическим воспитанием населения. Атеистическая пропаганда охватывает все сферы жизни советского гражданина. Литература на атеистическую тематику публикуется непре-

рывно массовыми тиражами; ученикам, студентам, служащим и рабочим постоянно читаются доклады по «научному атеизму». Так, только за 1977 год члены общества «Знание» прочитали около миллиона докладов на атеистические темы 50 миллионам человек.²⁾

СИМПАТИЯ К РЕЛИГИИ

Несмотря на все эти усилия, религия в Советском Союзе не вымерла. Наоборот... Если Хрущев еще предсказывал, к какому году религия окончательно исчезнет, то теперешние вожди Советского Союза вынуждены примириться с мыслью, что религия не только не вымирает, но что среди молодежи наблюдается повышенный интерес к вопросам религиозно-духовной жизни.

Как результат, за последние годы можно отметить некоторое усиление атеистической пропаганды, в особенности направленной на молодежь.

Так, например, в журнале «Молодой коммунист» была опубликована статья Д. Г. Данилова и В. Д. Кобецкого, в

*) Р. С., 48/78; 127/78; 25/78.

1) Полное собрание сочинений В. И. Ленина, т. 45.

2) «Наука и религия», № 8, 1978, стр. 26.

которой с явным беспокойством приведены некоторые сведения о религиозной молодежи.³⁾

Данилов и Кобецкий начинают статью с замечания, что «симпатии к религии» нередко высказываются людьми, которые не являются ее «приверженцами», и добавляют, что эта тенденция особенно заметна среди молодежи. «Каковы ее причины?» — спрашивают они. Но вместо ответа на этот сложный и важный вопрос они только предостерегают, что «нельзя полагаться лишь на атеистический характер общественного мнения в Советском Союзе». Конечно, совершенно очевидно, что атеистическое окружение и атеистическая пропаганда не могут предотвратить того, что часть молодежи в поисках жизненных идеалов и ответов на волнующие ее вопросы, обращается к религии. Но Данилов и Кобецкий видят корень всех неудач в деле формирования убежденного атеиста только в недостаточности хорошо поставленной атеистической пропаганды и считают, что результаты опроса группы сельской молодежи (300 юношей и девушек) это подтверждают. При этом опросе не более и не менее как половина опрошенных молодых людей на вопрос об их отношении к научно-атеистической пропаганде заявила, что «не думала об этом». Двадцать четыре же человека ответили, что «пользы атеистическая пропаганда не приносит». Так что в сумме одна шестая опрошенных молодых людей вообще отвергает атеистическую пропаганду.

Такие результаты опроса могли бы навести на мысль, что, может быть, некоторые молодые люди не хотят открыто говорить о своих убеждениях, тем более, что в брошюре тех же авторов «Общественное мнение и научно-атеистическая пропаганда» указано, что

25 процентов опрошенных молодых людей из сельской среды) сообщили о значительном влиянии религиозных настроений не только в детстве, но и более поздние периоды.⁴⁾

В то время, как статьи на атеистические и антирелигиозные темы, публикуемые в советской прессе, пестрят числами, показывающими размеры ведущейся пропаганды, в них сравнительно редко встречаются данные об отношении граждан к подобной пропаганде. В этой заметке приводятся материалы, которые могут помочь составить себе некоторое представление о том, как отдельные группы населения, а в частности представители интеллигенции и молодежи, относятся к атеистической пропаганде, которая по замыслу партии должна пронизывать все сферы их жизни.

РЕАКЦИЯ НА АТЕИСТИЧЕСКУЮ ПРОПАГАНДУ

Несмотря на громадный объем и тщательнейшую разработанность научно-атеистической пропаганды в Советском Союзе, в статьях на эту тему зачастую выражается недовольство не только самой постановкой пропаганды, но и достигаемыми результатами. Критика эта преподносится, как правило, в стиле: «неудовлетворительные результаты могут быть только лишь следствием недостаточного интенсивного проведения или же недостаточной разработанности научно-атеистической пропаганды». Поэтому наряду с критикой, в статьях такого рода часто можно встретить призывы к усилению и подтяжку эффективности атеистической пропаганды. При этом вряд ли нужно говорить о том, насколько такое, по своей сути, моральное насилие над взглядами и чувствами людей может вызвать обратное действие: духовное неприятие, а иногда и пассивное сопротивление.

Социологические опросы, касающиеся отношения различных слоев населения к атеистической пропаганде показывают, например, довольно сильный скептицизм неко-

торых представителей интеллигенции. В статье вышеназванных авторов, специалистов по проблемам атеистического воспитания — журналиста Дмитрия Данилова и кандидата философских наук Владимира Кобецкого «Верующие среди безбожников»⁵⁾ приведены данные, полученные при проведении социологических исследований в Ленинграде. Эти исследования были проведены под руководством Совета по научно-атеистической пропаганде при обкоме КПСС среди представителей интеллигенции. 60,3% опрошенных дали ответ, что атеистическая пропаганда нужна, но 6,2% ответили, что атеистическая пропаганда не нужна, так как религия со временем отомрет сама; 19,6% указали, что они считают атеистическую пропаганду ненужной и объяснили это так: если человек верит, то значит находит в этом смысл, а поэтому пусть верит.

Таким образом, около четверти всех опрошенных представителей интеллигенции высказались по разным причинам против атеистической пропаганды. Данилов и Кобецкий отмечают, что такие результаты социологических опросов показывают картину «мировоззренческой неустойчивости». Они предъявляют ко всем атеистам, в особенности же к интеллигенции и учителям требование, более серьезно относиться к вопросам научного атеизма и иметь более глубокие знания всего комплекса проблем. В то же время учителя, не желающие заниматься атеистической пропагандой и не могущие в условиях советской действительности об этом открыто заявить, вынуждены приводить разные причины для объяснения того, что они атеистической пропагандой вообще, а «перевоспитанием» верующих студентов в особенности, не занимаются.

Данилов и Кобецкий пишут о проблеме ведения атеистической пропаганды учителями:

Сами преподаватели признают свое неумение вести воспитательную работу с верующими учениками и объясняют это тем, что высшая школа не научила их методическим приемам и не выработала необходимых навыков педагогического воздействия на духовный мир верующих.⁶⁾

Для учителей и других представителей интеллигенции разрабатываются специальные меры, чтобы как можно крепче «подключить» их к атеистической пропаганде. Так, например, в статье об опыте подготовки атеистических кадров в Крымской области указывается, что вместо «кратковременных семинаров» предлагается организовать двухгодичные школы, так как «результаты социологических исследований показали, в частности, что учителя, медицинские работники, работники культурно-просветительных учреждений еще недостаточно знакомы с научно-атеистической проблематикой».⁷⁾

Но несмотря на такие и им подобные меры, некоторая часть интеллигенции упорно воздерживается от активного участия в мероприятиях, связанных с атеистической пропагандой. Этот факт отмечается на партийных собраниях, которые устраиваются с целью воздействовать на представителей интеллигенции с тем, чтобы они принимали более активное участие в атеистической пропаганде.

Например, на заседании бюро Серебряно-Прудского райкома партии, созданного для обсуждения проблем атеистической пропаганды, было сказано:

Безусловно, ведущая роль в атеистической пропаганде принадлежит интеллигенции. Между тем учителя и врачи, агрономы, зоотехники и инженеры не так уж часто читают лекции на естественно-научные и атеистические темы, выступают на вечерах вопросов и ответов, на читательских конференциях и диспутах.⁸⁾

³⁾ Статья «Верующие среди безбожников», «Молодой коммунист», январь 1977, стр. 70—73.

⁴⁾ Реферативный журнал, Серия 1, «Проблемы научного коммунизма», № 3, 1976, стр. 261.

⁵⁾ «Молодой коммунист», январь 1977, стр. 70—73.

⁶⁾ «Молодой коммунист», январь 1977, стр. 71.

⁷⁾ «Наука и религия», март 1977, стр. 22—23.

⁸⁾ «Ленинское знамя», 15 июля 1976, стр. 2.

Среди значительного числа молодежи тоже заметно стремление остаться в стороне от атеистической деятельности. Для атеистического воспитания молодежи разработана целая система разнообразнейших мер, которыми можно постоянно контролировать мировоззренческие взгляды молодых людей. Здесь приводятся только четыре примера, чтобы показать, насколько эти меры носят психологически-изоциренный характер.

В ШКОЛАХ

Так, например, известны случаи применения «анонимных» анкет, содержащих вопросы о религии. Секретарь райкома партии города Каунас описывает в статье «Индивидуальный подход»⁹⁾ как парторганизация музыкального училища имени Ю. Груодиса для того, чтобы «сделать атеистическое воспитание содержательным, боевым и целеустремленным» использует «анонимные анкеты, с помощью которых выявляет взгляды на религию учащихся первого курса, характер религиозности юношей и девушек, находящихся в плену внутренних им с детства религиозных воззрений». После четырех лет воспитанники училища опять отвечают на вопросы анкет и «путем сопоставления выявляются изменения во взглядах воспитанников». Нетрудно представить себе, что полностью эти анкеты анонимными не могут быть, так как педагогам и партийным работникам музыкального училища известны и пометки воспитанников и жизненные обстоятельства их, так что догадаться, что заполнил анкеты, не представляется неразрешимой задачей. Французская преподавательница, которая провела в Советском Союзе некоторое время и обучала детей французскому языку, тоже рассказывала о применении в школе анонимных анкет для выяснения мировоззрения учеников.¹⁰⁾ Анкеты были составлены по-французски и отвечать на них надо было тоже по-французски, но все 17 вопросов касались отношения ученика к религии и атеизму.

Некоторые педагоги проявляют особенное рвение в выработке еще более новых мер для контроля над духовным миром своих учеников. Так, учитель школы № 17 в Алма-Ате М. З. Увайсов рекомендует не только «обычные» способы перевоспитания верующих учеников, как например, беседы с верующими учениками и их родителями, но и очевидно разработанный им самим «педагогический дневник». Его идея заключается в том, что учитель должен завести на каждого верующего ученика такой «дневник», в который должны вноситься все данные о вере ученика, о его поведении, о его родителях, родственниках и т. д.¹¹⁾

О «сочинениях» учащихся старших классов средней школы в Даугелишкесе рассказывается в статье «Уроки прозрения».¹²⁾ Писали они в этих сочинениях о том, что думают о религии, костеле, о родителях и школе, причем автор статьи добавляет, «яности ради», что «большинство учащихся обещали открыто изложить свои мысли с условием, что о них не узнают родители».

Результаты всех этих мер не удовлетворяют атеистов-пропагандистов. Целые группы школьников не только не принимают участия в антирелигиозной пропаганде, но и не опасаются признаваться в том, что заниматься ею не хотят. Такое отношение показывают, в частности, данные, которые приведены в рецензии на книгу В. И. Самсонова «Атеистов воспитывает школа».

Исследования показали, что более $\frac{2}{3}$ выпускников средней школы не принимают участия в антирелигиозной работе среди младших школьников или в микрорайоне школы. Активными атеистами являются лишь 4,1% учащихся десятых классов.

На вопрос, получили ли они в школе достаточную подготовку для активного участия в антирелигиозной работе, 50,7% опрошенных ответили, что считают свои знания достаточными для этого, но 19,4% учащихся заявили, что атеистическим воспитанием заниматься не следует, а 12,7% уклонились от ответа. Те же 19,4% считают религию безвредной, а 1,3% верят, что она приносит людям пользу.¹³⁾

В СЕЛАХ

На селе отношение молодежи к атеистической пропаганде тоже нельзя назвать положительным. Из 300 опрошенных молодых людей, проживающих на селе, только одна треть признала ее полезной. 24% считают ее недостаточно эффективной, 24% заявили, что от атеистической пропаганды нет пользы, а половина, т. е. 148 человек ответили, что «не думали об этом». Автор делает из этих результатов заключение, что «в среде сельской молодежи требует разъяснения сам смысл атеистической пропаганды».¹⁴⁾ Он, как и все, занимающиеся в Советском Союзе вопросами атеистической пропаганды, игнорирует возможность, что могут быть люди, которые, будучи знакомы с этой пропагандой, ее отвергают. Но, по известным причинам, предпочитают давать уклончивые ответы при опросах. Опубликованные данные конкретно-социологических исследований отношения населения к атеистической пропаганде показывают симптомы, которые можно назвать духовной и душевной усталостью, вызванной этой пропагандой.

В ВУЗАХ

Одна из целей атеистической пропаганды — заставить, в частности, всех студентов активно заниматься атеистической деятельностью независимо от их мировоззрения и индивидуальных наклонностей. Доцент Воронежского государственного университета С. Берклиев в статье об атеистическом воспитании в высших учебных заведениях¹⁵⁾ описывает, как в его университете вынуждают студентов принимать участие в «спекурсах и спецсеминарах по истории религии и атеизма». Студенты, которые участвуют в этих семинарах, должны делать доклады на атеистические темы, читать лекции для населения (выступать с лекциями во время каникул и будучи на сельскохозяйственных работах) и т. д. Бенклиев откровенно дает другим преподавателям советы, как влиять на студентов:

Как привлечь всех студентов к активному участию в работе семинара? Как заставить их не только готовиться к своему докладу, но хотя бы познакомиться с минимумом литературы и по другим темам? Мы не обращаемся к студентам с вопросами: «Кто желает принять участие в обсуждении доклада?», «Кому предоставить слово?». Мы называем фамилию студента. «Вам, тов. Петров предоставляется слово... Все студенты знают, что руководителем может «пригласить» каждого, и поэтому стараются как следует подготовиться к занятию, тем более, что руководитель в заключительном слове подвергает критике слабые, неудачные выступления».¹⁶⁾

Несмотря на эту систему мер по «подключению» молодежи к атеистической пропаганде, тенденцию не принимать участия в этой работе можно заметить не только у молодежи, но даже и среди «профессиональных» атеистов. Лектор Крымского обкома компартии Украины в статье об

⁹⁾ «Советская Литва», 6 февраля 1975, стр. 2.

¹⁰⁾ «Посев», № 9, 1977, стр. 12—13.

¹¹⁾ «Начальная школа», № 9, 1975, стр. 25—30. См. также Р.С. № 533, 1977 — «Персональное дело на верующих учеников».

¹²⁾ «Советская Литва», 7 февраля 1978.

¹³⁾ Реферативный журнал. Общественные науки в СССР. Серия — проблемы научного коммунизма, № 3, 1977, стр. 178—181.

¹⁴⁾ «Молодой коммунист», январь 1977, стр. 70—73.

¹⁵⁾ «Агитатор», № 4, февраль 1975, стр. 47—48.

¹⁶⁾ Там же.

атеистической работе, проводимой в Крыму, пишет, что «далеко не все из тех, кто завершил учебу, несут свои знания в массы, становятся пропагандистами атеизма». По его словам, «конкретно-социологические исследования показывают, что в некоторых городах в работу включилось менее 35 процентов атеистов из числа подготовленных за последние пять лет».¹⁷⁾

Таких примеров можно было бы привести еще много, но уже эти показывают не только принудительный характер атеистической пропаганды, но и рост количества людей, в особенности молодежи, которые не боятся признаться в отрицательном отношении к этой пропаганде.

Обходя стороной истинные причины этого явления, авторы подобных статей лишь критикуют «те категории атеистов, которые в силу своего общественного назначения призваны вести пропаганду атеистических знаний» и призывают относиться более серьезно к вопросам научного атеизма.

КАК МОЖНО РАНЬШЕ

Следует отметить, что советская пропагандистская машина пытается воздействовать на дух советских людей буквально с детства. Поэтому постановка антирелигиозной пропаганды в школе является краеугольным камнем и одной из первостепеннейших задач курирующих школы партийных органов.

Так, среди многочисленных публикаций в советской печати на тему атеистического воспитания молодого поколения обращает на себя внимание недавно опубликованная статья директора средней школы литовского города Пабирж, Юозаса Стиклериса, посвященная проблеме «места учителя в формировании нового человека» и методам атеистического воспитания школьников.¹⁸⁾

Автор этой статьи предлагает вниманию читателя постановления, разработанные первичной партийной организацией Пабиржской средней школы на 1977/78 учебный год. Постановления эти представляют собой план атеистических мероприятий, разбитый на отдельные пункты. В первом же пункте содержится резкая критика в адрес тех учителей, которые видят свою педагогическую задачу в первую очередь в передаче ученикам знаний своего предмета, а не в атеистическом воспитании школьников.

В соответствии с законами СССР и союзных республик о народном образовании основой учебно-воспитательной работы современной общеобразовательной школы является урок. Логический вывод из этого — учитель выполняет основные функции воспитателя на уроке. Однако, анализируя уроки, а также учебно-воспитательные проблемы на педсоветах, заседаниях, нетрудно заметить, что учитель уделяет основное внимание знаниям и только знаниям, упуская другие неотделимые моменты педагогического процесса: *формирование научно-материалистического мировоззрения и коммунистических убеждений учащихся.*

Ю. Стиклерис анализирует причины этого явления и приходит к заключению, что виноваты в недостаточной атеистической подготовленности учителей вузы, республиканские курсы усовершенствования учителей и педагогическая печать, так как они «главным образом обращают внимание учителя на дидактические проблемы уроков, а воспитательный аспект подчеркивается недостаточно».

Второй пункт постановлений — это «ответственность за формирование нового человека, которую несет классный руководитель». Стиклерис не доволен атеистической работой классных руководителей:

Функции классного руководителя определены в Статуте общеобразовательной средней школы и

подробно изложены в письме министра просвещения СССР. Методическая литература по различным вопросам коммунистического воспитания имеется, но работа классных руководителей в школе по нашему мнению, до сих пор остается слабым звеном. Особенно следует это сказать об атеистическом воспитании молодого поколения.

В связи с этим он упрекает высшие учебные заведения в том, что они недостаточно готовят молодых учителей в области атеистического воспитания трудящихся и призывает «умело» вовлечь в атеистическую работу всех педагогов. Подобные призывы — сделать из каждого учителя воинствующего атеиста, — периодически появляются на страницах советской печати.

По мнению учителя-пропагандиста опыт педагогов Пабиржской школы подтвердили эффективность меры начинать атеистическое воспитание «как можно раньше», «... сразу же, как только ребенок перешагнет порог школы». Он указывает, что поэтому и впредь основное внимание в атеистическом воспитании будет уделяться 1—2 классам.

ПЕРЕВОСПИТАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ДЕТЬМИ

По его наблюдениям, учащиеся стремятся к общественной деятельности, и этот естественный интерес он предлагает использовать для воспитания у учеников «твердых атеистических убеждений», с целью сделать их воинствующими атеистами, причем не просто атеистами, а такими, которые должны научиться еще за школьной партией оказывать «положительное влияние» на религиозных родителей. Стиклерис считает, что

Не зря некоторые педагоги, ученые и психологи предлагают использовать детей для атеистического воспитания взрослых.

Предложение это, как кажется, совершенно выходит за рамки принятых педагогами всех стран моральных норм школьного воспитания детей. Такие методы являются грубейшим вмешательством в родительские права воспитания детей и должны вести к нарушению мира в семье, вызывая конфликты между родителями и детьми, которые их должны «перевоспитать». Стиклерис, правда, добавляет к данным «рекомендациям», что метод этот, все-таки, рискованный, но звучит его предупреждение скорее как угроза верующим родителям:

Случается, что родители сами теряют авторитет в глазах ребенка и разрушают взаимоотношения. Таких примеров немало, и мы анонимно оперируем ими, убеждая родителей не рубить сук, на котором покоится их собственный авторитет.

Положение верующих родителей при таких условиях оказывается очень трудным. Хотя Стиклерис не поясняет, какие именно примеры он имеет в виду и в каких случаях родители «теряют авторитет в глазах ребенка», можно предположить, что по его мнению отношения между родителями и детьми будут портиться, если родители не согласны с «перевоспитанием» ребенка в школе или же с его попытками, «перевоспитывать» их по школьному заданию дома.

Эти предложения учителя-пропагандиста подключить детей с первой же минуты их школьной жизни к атеистическому воспитанию показывают, насколько сложна борьба воинствующих педагогов-атеистов против верующей семьи и какими методами она ведется.

КАТАКОМБНЫЕ ХРИСТИАНЕ

В Заключение данного обзора хотелось бы отметить тот факт, что в Советском Союзе все еще существует так называемая «катакомбная церковь». Об этом свидетельствуют не только лица, покинувшие Советский Союз, но подтверждения существования этой церкви несмотря на

¹⁷⁾ «Наука и религия», март 1977, стр. 22—23.

¹⁸⁾ «Коммунист» (Литвы), № 6, 1978, стр. 87—92.

десятилетия жесточайших преследований можно найти и в советской печати. Речь идет о последователях истинно-православной церкви (ИПЦ) и истинно-православных христиан (ИПХ), ряды которых пополняются молодежью.

Сведения о жизни истинно-православных христиан и истинно-православной церкви, которые тесно связаны друг с другом и представляют собой незарегистрированную часть Русской Православной Церкви, сравнительно редко попадают на страницы советской прессы. Оба эти религиозные течения возникли после революции: ИПЦ созданы в 20-х годах той частью православного духовенства, которая отказалась признавать советскую власть и в связи с этим также и Московский патриархат. ИПХ появились немного позже — в тридцатых годах, после коллективизации. В связи с этим, в советских энциклопедиях до сегодняшнего дня указывается, что ИПХ «православная секта монархической ориентации, деятельность которой носит антисоветский, антисоциалистический характер. Социальная база — преимущественно кулаки, крестьяне-единоличники».¹⁹⁾ Причем, в одной из редких статей о жизни ИПХ было указано, что «эта организация, как контрреволюционная, была в основном ликвидирована в 1931 году».²⁰⁾ Да и крестьяне-единоличники уничтожены более 50-ти лет тому назад.

На Западе о жизни этих религиозных течений, как и о жизни других христиан, принадлежащих к *катакомбным церквям*, известно тоже сравнительно мало. В одной из последних статей о катакомбных церквях, опубликованных в западной печати,²¹⁾ анализируются причины почти полного отсутствия информации о ИПХ. Автор статьи о положении катакомбных церквей в Советском Союзе указывает, что так как государственно-атеистическая пропаганда не особенно заинтересована в том, чтобы подчеркивать существование «идеологических противников» почти 60 лет после Октябрьской революции, то в советской прессе публикуются только факты пресечения их деятельности. Причем сообщаются эти сведения, как правило, только местными газетами с целью запугивания населения.

Например, в мае 1967 года московский корреспондент агентства Рейтер сообщил, что в газете «Советская Абхазия» была опубликована статья о судебном процессе над архимандритом Истинно-православной церкви Геннадием Секачем.²²⁾ По сообщению корреспондента, в статье было указано, что в Абхазии в течение десяти лет существовала цепь тайных общин и монастырей ИПЦ. Молодые люди съезжались в Абхазию со всех концов Советского Союза. Они обучались на религиозных семинарах и потом возвращались домой — в большинстве случаев — ставши тайными монахами и монахинями. По сообщению в «Советской Абхазии» архимандрит Истинно-православной церкви был тогда приговорен к четырем годам тюремного заключения.

Одно из последних сообщений об ИПХ — это документ самиздата о 10 женщинах, Истинно-православных христианках, которые содержатся в женском политическом лагере в Мордовской АССР.²³⁾ Эти женщины, как указано в документе, признаны судом «особо опасными рецидивистками». Они отбывают максимальные сроки заключения и все осуждены по второму или третьему разу. Все они страдают различными хроническими болезнями. Содержатся они в очень тяжелых условиях — их кормят по самой низкой норме, через день дают вареную пищу, а в другие дни — кипятков и 400 гр. хлеба. «Преступления» их

закключаются в том, что они оставляли в православных храмах записки, в которых просили духовенство отказаться от сотрудничества с советской властью, не брали паспортов, не были ни где прописаны, не работали.

В СССР недавно вышла брошюра Эдуарда Филимонова «Новые тенденции в идеологии и деятельности современного сектантства». В ней содержится интересный материал об отдельных христианских сектах, а в частности об ИПХ, которых автор причисляет к «сектантским движениям». Сведения, которые приводит Филимонов, показывают, что в Советском Союзе еще существуют сравнительно крупные группы ИПХ.

Если в 40-х и 50-х годах на территории Центрального Черноземья, по ориентировочным данным, было около 3000 последователей истинно-православных христиан, то в настоящее время их осталось около 1500 человек.²⁴⁾

Автор брошюры делает еще одно примечательное замечание. Он выдвигает тезис, что, чем меньше изолируются верующие от нынешнего мира, тем сильнее преодолеваются ими «отчуждение» от общества и тем легче они разрывают со своей общиной и даже с религией. В подтверждение этой теории он указывает на то, что «преодоление отчуждения связано с появлением среди последователей ИПХ молодых людей и людей среднего возраста». Из этого заключения можно заключить, что направление ИПХ имеет притягательную силу для молодых людей, которые, конечно, будут искать новых путей как для сохранения своей веры, так и для своего существования в условиях атеистического государства. Причем этот процесс не должен обязательно привести к «размыванию веры» и ее уничтожению, как это считает Филимонов. Может создаться новый тип верующего, который меньше отдаст дань формальной стороне. Например, Филимонов отмечает, что если «слепые и глухие жилища с залепленными глиной окнами и запертыми на тяжелый засов воротами были характерны для ИПХ в Тамбовской и других областях в конце 50-х годов, то сейчас жилые дома последователей ИПХ ничем не отличаются от домов других колхозников, рабочих и служащих».²⁵⁾ Факт, что верующий «нового типа» может верить также непоколебимо, как и его отец, можно считать не подлежащим сомнению, иначе бы ИПХ должны были бесследно исчезнуть за прошедшие десятилетия.

60 ЛЕТ ГОНЕНИЙ

Подводя краткий итог вышесказанному, следует с удовлетворением отметить тот факт, что никакие гонения — и физические, и духовные — которым вот уже более 60 лет подвергается религиозная жизнь советских людей, не достигли цели полностью искоренить духовное начало в сознании человека. Очевидно, эта задача не по плечу коммунистической идеологии, обладающей столь мощным аппаратом принуждения и вынуждающая человека жить по созданному ею (идеологией) законам.

«Человек будет стремиться к восприятию духовного свидетельства, которое — и только оно — может быть венцом его мышления и поддержать его в стремлении к Истине», — сказал геофизик и радиоэлектрик Петр Леже.²⁶⁾ Этот процесс оказался сильнее атеистической пропаганды, проводимой в Советском Союзе.

¹⁹⁾ «Карманный словарь атеиста». «Политическая литература», Москва, 1973.

²⁰⁾ «Літературна Україна», 19 марта 1976.

²¹⁾ „Glaube in der 2. Welt“, Oktober, 1976, SS. 7—10.

²²⁾ *Reuter*, May 13, 1976.

²³⁾ «Русская мысль», 25 августа 1977. стр. 5.

²⁴⁾ «Новые тенденции в идеологии и деятельности современного сектантства», Э. Филимонов, «Знание», серия «Научный атеизм», № 11, Москва, 1977.

²⁵⁾ Там же.

²⁶⁾ *Vie Spirituelle du Salvant* (Etudes, 1947, tome 252).

А. АВТОРХАНОВ

Оборона Запада

Какую концепцию самообороны выдвинул Запад против усиливающейся угрозы Советского Союза? Западная политика часто менялась и никогда не была целеустремленной. Корни лежали в непонимании того простейшего факта, что отказ Сталина от политики прямых агрессий или Хрущева от необдуманных диверсий совсем не означали отказа следовать «исторической миссии» ленинизма — превратить СССР в базу и опорный пункт для установления советского мирового господства. Ведь Сталина и Хрущева только обвиняли в неэффективности их методов в новых условиях. В остальном наследники Сталина и Хрущева такие же агрессоры не только по мировоззрению, но и по психологии. Ничто они так не презирают как слабость и ничто так не обоготворяют как силу. Кто оставляет их вызывающие действия безнаказанными, тот провоцирует их на катастрофу. Нет другого средства удержать их от такой катастрофы, как ясно и твердо внушить им, что при их новой провокации они встретятся с силой, превосходящей их собственную силу. Именно такая политика президента Трумана и спасла от Сталина Корею, иранский Азербайджан, Турцию, Грецию, Берлин да и всю Европу («Доктрина Трумана», «План Маршала», НАТО). Кратковременное правление президента Кеннеди лучшее свидетельство того, как кремлевские лидеры уважают только силу и решимость ее использовать в случае необходимости (история с ракетами на Кубе). Весь этот послевоенный период от Трумана до Джонсона презрительно называют периодом «холодной войны», забывая, что как раз «холодная война» спасла мир от «горячей войны» и от дальнейшей экспансии коммунизма. Успехи коммунистической экспансии связаны с зрой «разрядки» Брежнев—Никсона. Советские лидеры открыто заявляли, что психологический климат «разрядки» наилучшим образом помогает достижению их внешнеполитических целей. Разумеется, Никсон и Кисинджер никак не хотели им в этом помочь, но трагические события внутри страны значительно парализовали внешнюю политику Америки. Поэтому Кисинджер не успел довести до конца ни одно из своих начинаний, если не считать важное и разумное решение начать нормализацию отношений с Китайской Народной Республикой. К тому же концепция Кисинджера об установлении «баланса сил» между потенциальными противниками, которую военные лидеры Запада перевели на свой военный язык как установление «стратегического паритета» между НАТО и Варшавским пактом, упустила из виду «мелочь»: коммунистическим вождям Кремля абсолютно чужда консервативная философия «баланса сил», а их военным руководителям разумная сама по себе доктрина «стратегического паритета». Они знают только одну доктрину: превосходство сил. Руководящий советский военный теоретик проф. М. П. Скирдо еще в 1970 г. прямо писал, что задача советских вооруженных сил «обеспечение военного превосходства над противником» (М. П. Скирдо, «Народ, армия, полководец», 1970, Москва, стр. 126). Сердцевиной советской военной стратегии и является принцип «превосходства сил» везде, во всем и любой ценой. Этой идеей пронизана и вся политическая стратегия Кремля. Какая же была политическая концепция Кисинджера в отношении тыла советской империи? Трудно дать здесь определенный ответ на этот вопрос, но, как сторонник классической дипломатии, он, кажется, был против «вмешательства» во внутренние дела Советов и всякие трудности, возникающие с ними, хотел решать любовными методами тайной дипломатии. Причем реальные интересы государства он ставил выше всяких моральных категорий, чему учили не только Макиавелли, но и Талейран и Меттерних. Поэтому его концепция «баланса сил», по крайней мере объективно, означала сохра-

нение статус-кво не только между западными и коммунистическими государствами, но и внутри самих коммунистических государств. (Например, «доктрина Зоненфельд»: «для мира с СССР полезно иметь „спокойствие“ в восточной Европе»). Началась «переоценка ценностей» в американской политике. Сущность «переоценки» коллег Кисинджера — министр обороны США г. Лэйрд определил так: Америка не хочет играть роль «мирового полицейского». Вот теперь Советский Союз увидел свой уникальнейший шанс.

Заранее извиняясь перед читателем, хочу привести здесь один свой старый тезис. Семь лет тому назад, анализируя создавшееся тогда положение, автор этих строк писал: «Мы сейчас проходим через тот этап в мировой политике, когда явно обозначились две тенденции двух сверхдержав, но тенденции, идущие в противоположном направлении — в то время, когда Америка склонна к сужению своей активности в глобальном масштабе, СССР стремится к расширению сфер своего присутствия во всех частях мира, в то время, как Америка предлагает «кооперацию вместо конфронтации», СССР проповедует «справедливые войны» и восстания в тылу Запада и в третьем мире» (см. «Новый журнал», книга 104, 1971, стр. 223—224). Сегодня мы имеем дело уже не с «тенденциями», а с фактами и активизации глобальной политики экспансии Советского Союза с одной стороны и с фактами устрашающей иммобильности Запада, с другой. Советские готовились к новой фазе своей политики глобальной экспансии весьма основательно. Материально-военной подготовке предшествовала психологическая подготовка собственной партии в духе пресловутого «пролетарского интернационализма». Ряд ответственных заявлений лидеров Кремля, которые на Западе решительно игнорируют как, якобы, пропагандный блеф, напоминали советским коммунистам «Заветы Ленина»: 1) секретарь ЦК КПСС И. Капитонов говорил: «Наша партия была и остается верной завету Ленина — делать „максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах“» («Правда», 23. 4. 69); 2) секретарь ЦК КПСС Б. Пономарев говорил: «Объективные предпосылки для перехода к социализму в основных центрах капиталистической системы давно сложились... В ряде стран несоциалистической зоны обстановка такова, что накопленного годами и десятилетиями горячего материала достаточно, чтобы прорвать оболочку капиталистического господства... Все зависит от умения использовать имеющиеся возможности» («Правда», 18. 3. 1971); 3) Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев говорил: «Да, Ленин родился в России, но российскую революцию он никогда не представлял себе иначе, как составную часть и фактор революции в мировом» («Правда», 22. 4. 1970). Новая политическая стратегия экспансии вытекающая из этих заявлений, была выработана, как уже упоминалось, на XXIV съезде КПСС (1971). Ее намеренно и двусмысленно назвали «Программой мира». Сущность «Программы мира» Брежнев изложил так: «Полное торжество дела социализма во всем мире неизбежно. И за это торжество мы будем бороться, не жалея сил» («Правда», 31. 3. 1971). Методы и средства достижения конечной цели политики советской экспансии для различных районов были выработаны дифференцированно, в зависимости от политических, социальных, национальных и даже географических условий. Для Западной Европы — они более или менее «мирные», с той оговоркой, что если не будет «сопротивления реакционных кругов» (см. «Программу КПСС»); для третьего мира — почти всегда насильственные.

Важнейшим элементом общеполитической подготовки новой фазы советской экспансии являлись также и настойчивые требования Кремля о созыве конференции в Хельсинки. Тут преследовались ярко выраженных три цели: 1) международное закрепление за Советами уже завоеванных ими позиций в Восточной Европе, 2) моральное разоружение Запада в борьбе с мировым коммунистическим заговором, 3) открытие легальных предпосылок для инфильтрации идей и людей Москвы в тыл Запада. Мастерство большевиков по достижению этих целей вызывает восхищение, а бесхребетность Запада в деле отстаивания собственных интересов — удивление. Кремль безнаказанно присвоил себе право игнорировать обязательства и использовать привилегии Хельсинкских соглашений. Правда, подписывая Хельсинкские соглашения, Кремль и не думал их выполнять. Кремль просто хотел этими соглашениями успокоить или даже политически нейтрализовать Европу, чтобы обратиться к поиску знаменитых ленинских «звеньев» в мире: «слабого звена», откуда надо начать «прорыв в цепи империализма» и «основного звена», взявшись за которое, можно потащить всю цепь и «подготовить прочно переход к следующему звену» (Ленин).

Африка и Ближний Восток являются сегодня в глазах лидеров Кремля одновременно и «слабым» и «основным» звеньями. Вчера им была Юго-Восточная Азия, завтра будет Южная Америка, а тем временем, с благословения Кремля, «еврокоммунисты» доконают Западную Европу. Перспектива довольно мрачная, но при нынешней имобильности Запада она может оказаться вполне реальной. Время своего нынешнего наступления большевики взяли не случайно. К постоянно действующим факторам, заложённым в агрессивной природе советского идеократического империализма, прибавились исключительно благоприятствующие внешние причины. Шок неудачной войны во Вьетнаме выключил Америку на время из окраинных зон мировой политики, а дело Вотергейта и безумные атаки американцев против собственной разведывательной службы за границей значительно парализовали свободу действия американского правительства. Образовалось нечто вроде американского «двоевластия» — беспрецедентно сильный Конгресс и столь же беспрецедентно ограниченная в своих действиях Администрация. Когда Северная Корея напала на Южную Корею, президент Труман предпринял там «полицейскую акцию» и тем спас своего союзника, а вот когда прозападные силы в Анголе попросили у Америки лишь оружия и администрация Форда — Кисинджера хотела их дать, то Конгресс наложил вето. Тем временем Кремль послал туда не только оружие, но и кубинцев и установил в сердце Африки коммунистический режим. Однако Ангола явилась для Кремля лишь испытательным полигоном в его африканской политике — здесь он проверял, насколько он может надеяться на **б е з н а к а з а н н о с т ь**. Проверка превзошла все его ожидания: воюющей национальной Анголе не только никто не помог, но даже один из ответственных представителей американской администрации объявил интервентов Кастро «стабилизирующим фактором» в Анголе. Успех вдохновил Кремль на дальнейшее расширение своей агрессии в Африке. «Африканский рог» — это только очередное «звено» в африканской политике Кремля по советизации всей Африки. Для Кастро Африка тоже является испытательным полигоном по оказанию в будущем «братской помощи» и другим народам, в первую очередь, конечно, южно-американским народам против «американского империализма». Тут уже Кремль будет еще щедрее в поставке оружия и «военных осветников». Наше изложение о «военно-материальной подготовке» советской политики экспансии было бы не полным, если не указать и на другой важнейший ее фактор: на кадры. Теперь уже

все знают, что национальные коммунистические кадры для захвата власти в бывших колониях Португалии были подготовлены Москвой за несколько лет до ухода португальцев. Более систематическая и более интенсивная подготовка таких кадров для всех континентов Советский Союз ведет с начала шестидесятих годов, когда был создан в Москве «Университет дружбы народов имени Лумумбы». «Руководящими кадрами», конечно, являются собственные, советские кадры, которые готовят в многочисленных специальных школах — в «дипломатических», чекистских, военно-разведывательных, всякого рода институтах иностранных языков, а также и в университете Лумумбы. Ведущими кадрами среди «руководящих кадров» являются чекисты, которыми сейчас в никогда небывалом масштабе наводнены Запад и третий мир. Едва ли я ошибусь, если скажу, что на своих иностранных диверсантов и шпионов Кремль расходует больше средств, чем все разведки в мире вместе взятые. Поэтому расходы на КГБ в советском бюджете куда более засекречены, чем расходы на вооружение. Вторая неограниченная статья расходов — это устная, письменная и радиопропаганда на всех языках мира; особенно интенсивно она проводится в развивающихся странах. Центральная, бесконечно повторяемая, идея всей пропаганды среди народов развивающихся стран — очернение западных порядков, антизападное воспитание бывших колониальных народов, вознесение «советского образа жизни».

Что же всему этому противопоставляет свободный мир? Какая сейчас его политическая стратегия? Можно ли еще остановить советскую экспансию? На первые два вопроса ответить трудно, но есть ответ на последний вопрос, в свете исторического опыта, он настолько очевиден, что может быть сформулирован коротко: «назад к Труману!». Америка должна вновь возгласить свободный мир и выдвинуть новый тип «Доктрины Трумана» с ясным предупреждением: отныне вмешательство Кремля и его сообщников в дела чужих народов и континентов не может остаться безнаказанным. Совершенно права была лондонская газета «Дейли экспрес», когда она недавно заявила: «Мы должны надеяться на возрождение качеств Трумана... чтобы нейтрализовать всякое проявление советской агрессии. Нам нужна сильная Америка, как человеку нужна кровь» (цитирую по «International Herald Tribune» от 17. 2. 1978).

Это только одна сторона проблемы. Есть еще и другая, не менее важная ее сторона — как и каким образом установить такой духовный контакт с народами советской империи, чтобы они, в свою очередь, оказывали систематическое давление на своих правителей для предупреждения их дальнейших внешнеполитических авантюр. Для решения этой проблемы нет иных путей, как и дальше развивать «разрядку» вглубь и вширь с тем, чтобы ее привилегиями пользовались не только советское правительство, но и советские народы. Действенная во всех отношениях и гениально простая по формулировке идея Президента Картера сделать защиту «прав человека» руководящим моральным принципом американской политики и есть самое лучшее средство для достижения данной цели. Это первый раз за всю историю советского режима, когда глава иностранного государства такой абсолютно неуязвимой идеей попал прямо в ахиллесовую пятую советской диктатуры. Отсюда бешеный вой советской пропаганды, отсюда же и заявление советского правительства на Белградской конференции, что оно не подпишет дальше ни одного документа, в котором будут вообще упомянуты «права человека». Такой взрывчатой оказалась тема об элементарных «правах человека» для режима, вся философия которого основана на обесчеловечении человека через насилие.

ЮРИЙ МЕЙЕР

Как защищены интересы рабочих в США?

Чьи интересы защищал Маркс, выпуская «Коммунистический манифест» и работая над «Капиталом»? Побудительной причиной для его деятельности было тяжелое положение английских рабочих. Он считал, что вся власть должна перейти в руки рабочего класса и отчеканил лозунг «Диктатура пролетариата». Для достижения этой цели была издана директива «Пролетари всех стран, соединяйтесь!». Для него было ясно, что рабочие смогут отстаивать свои права, лишь создав мощные классовые организации, которые могли бы выступать от их имени.

Советский Союз считается первой страной, осуществившей социализм, но этот социализм не соответствует тому, о котором мечтал Маркс для рабочих. Никакой диктатуры пролетариата в Советском Союзе нет. Страна управляется представителями другой части общества — интеллигенции, да еще к тому же из состава вновь возникшего привилегированного класса, членов компартии. Утверждение коммунистов в Советском Союзе, что интересы трудящихся хорошо защищаются партией и правительством — определенная ложь. Компартия на первое место ставит задания, ничего общего с интересами рабочего класса не имеющие. Она в первую очередь соблюдает интересы государства и партюкратии. Созданные ею советские профсоюзы действуют не в интересах рабочих, а в интересах компартии.

Всё, конечно, слышали о том, что делают американские профсоюзы, unions, борясь за права рабочих в США. Сейчас в этой стране 92 миллиона рабочих мест. За редкими исключениями, все трудящиеся объединены в unions. Эти организации рабочего класса охватывают все возможные специальности. Они существуют не только в промышленности. Пожарные, полицейские, сиделки и санитары в больницах, служащие на почте, государственные служащие объединены в unions. Выборы в правления unions свободные, и рабочие голосованием выбирают в правление людей, которым они всецело доверяют. Все члены профсоюзов платят в кассу профсоюза членские взносы. Таким образом собираются многочисленные суммы, которые в случае забастовок возвращаются рабочим в виде пособий. Профсоюзы защищают интересы рабочих главным образом посредством заключения с работодателями коллективных договоров. Эти договоры заключаются на сравнительно короткие сроки 2 или 3 года. Это дает возможность в новом договоре учитывать изменившуюся хозяйственную обстановку в стране.

Конечно, и в промежутках между договорами профсоюзы также защищают интересы рабочих в возникающих время от времени конфликтах с работодателями: в случаях неправильных увольнений рабочих, по вопросам пенсий, компенсаций за несчастные случаи на производстве и др. В Америке рабочий не предоставлен своей судьбе в спорах за свои права с администрацией предприятия. За него выступает известный адвокат, представитель правления профсоюза. Отдельные профсоюзы насчитывают сотни тысяч членов, как, например, union перевозчиков, который имеет свыше одного миллиона членов. Объединенный профсоюз СИ Е АЭФ Эл, во главе которого стоит старик Мини, насчитывает в своем составе свыше 7 миллионов членов. В дальнейшем вы увидите, что, как это ни парадоксально, завет Маркса о диктатуре пролетариата в гораздо большей степени осуществляется в стране ярко выраженного капитализма, в стране свободного, а не управляемого хозяйства, — в США. Что касается защиты материальных интересов, то профсоюзам дано средство влиять на работодателей угрозой или применением забастовки. Правительство не имеет законного права отменить забастовку и заставить рабочих вернуться на работу. В его руках как средство принуждения имеется только закон Тафт-Хартли, применение которого возможно лишь если суд признает допустимость его в данном конкретном

случае и вынесет решение рабочим вернуться на работу. Но и этот приказ действует только 90 дней, и его цель — дать возможность спорящим сторонам, т. е. представителям рабочих и работодателей, остыть и в новый срок прийти к соглашению. Использовать этот закон в каждом отдельном случае правительство может только один раз.

Проиллюстрируем общее положение, описанное выше, недавним примером забастовки углекопов. Переговоры с владельцами шахт начались за три месяца до истечения коллективного договора. К этому сроку новый договор не был выработан. Председатель union Миллер объявил забастовку, которая продолжалась 93 дня. В результате Миллер добился для своих углекопов повышения зарплаты и целого ряда новых прав — увеличения пенсий, уплаты полной зарплаты рабочим, ставшим полными инвалидами при несчастиях на производстве. Повышение зарплаты по сравнению с прежним положением выразилось в 37 процентах, распределенных на три года. В первом году прибавки рабочих составили 22 процента. Если принять во внимание, что жизнь в США дорожает в среднем на 7 процентов в год, читатели поймут, насколько американские углекопы выгадали с новым контрактом. Сейчас предстоят переговоры о новых договорах в трех крупных профсоюзах: печатников, деревообделочников и сталеваров. Председатели этих unions будут добиваться повышения зарплаты в среднем на 12 процентов. С забастовкой или без нее unions всегда побеждают и добиваются того, что нужно в интересах рабочих. Весьма характерно и то, что сама власть, правительство страны, в этих переговорах стоит на стороне рабочих. Я уже упомянул, что у него нет средств заставить рабочих продолжать работу на прежних началах. Закон Тафт-Хартли, как я уже сказал, является временной мерой. Больше того, бастующие вместо платы от работодателя получают пособия из забастовочных фондов профсоюзов. При продолжительной забастовке, однако, эти фонды могут иссякнуть, и, представьте себе! тогда забастовщики начинают получать пособие для безработных из государственных фондов. Казалось бы, что они своей забастовкой наносят ущерб хозяйству страны, в успехе которого должно быть заинтересовано правительство, а оно, начиная выдавать пособия из казны, только укрепляет положение рабочих и продлевает забастовку.

Такая эгоистическая защита интересов рабочих отдельных специальностей несомненно отзывается на работе в других областях. Уголь, например, нужен в металлургической промышленности, и из-за упомянутой забастовки пришлось потушить ряд доменных печей. Сократился выпуск проката, и это немедленно отразилось на автомобильной и строительной промышленности. Всюду стали увольнять рабочих.

Нельзя отрицать того, что забастовки отдельных профсоюзов наносят вред всему обществу, уменьшают общую хозяйственную продукцию, и от них страдают вообще все граждане. Возьмите, например, забастовки почтовых служащих, пожарных, полицейских, мусорщиков. Но в США установлен незыблемый принцип: интересы рабочего класса на первом месте, и перед ними должны отступать даже государственные интересы. Как это ни парадоксально, но заветы Маркса оказались осуществленными в капиталистической стране. Прежде всего, здесь пролетари действительно соединились, создав мощные профсоюзы, которые с громадным успехом выполняют возложенную на них задачу — защиту интересов трудящихся. Скажем больше, и в области политики голос рабочих в США играет куда большую роль, чем в Советском Союзе. Вся страна при приближении выборов прислушивается, в пользу кого из кандидатов выскажутся руководители больших unions. Решения таких председателей, как Мини, Вудкок или Фицсимонс, являются решающими для миллионов

членов их профсоюзов, а ведь это — миллионы избирателей. Из-за этого громадного политического веса профсоюзов американские президенты и министры приглашают к себе руководителей унионов и советуются с ними как с равными. И если принять во внимание, что такие руководители представляют в общем 90 миллионов трудящихся американцев, то можно сказать, что мы в Америке очень близки ко второму завету Маркса — диктатуре пролетариата.

Советских людей, читающих эти строки, поразит эгоистичность рабочих, не считающихся с общими интересами страны, и они, со свойственным им патриотизмом, осудят американских рабочих. На это им можно ответить: действительно, забастовки нередко наносят ущерб общим государственным интересам. Но по существу это только легкие царапины. Общей национальный продукт Америки, создаваемый применением принципа частной инициативы, растет неуклонно и в настоящее время превышает национальный продукт Советского Союза в два раза. Хрущевская мечта «догнать и перегнать» раз и навсегда сдана в архив. Ведь в конкуренции двух мировых экономических систем — целиком управляемой и целиком свободной — верх одерживает последняя. Советское правительство не решается признать, что Советский Союз теперь уже не на втором месте после Соединенных Штатов, а на третьем. По общему национальному продукту, как по основному экономическому мерилу, его обогнала Япония, хотя в ней всего с небольшим сто миллионов жителей против 260 миллионов в Советском Союзе, и она почти не имеет естественных богатств.

Мне скажут, что приводимые повышения зарплаты в процентах ничего не говорят, да и выражение в долларах тоже не очень убедительно. Постараемся показать более убедительную картину благосостояния американских рабочих на конкретном примере.

Возьмем зарплату некоторых категорий рабочих. Почтовые чиновники в среднем получают 15.800 долларов в год, железнодорожники — около 20.000, и даже сцепщик вагонов имеет зарплату в 19.000. Водители автобусов за час работы получают теперь 8 долларов.

Все эти заработки выше той пенсии, которую я получаю вместе с моей женой за 15 лет государственной службы. Она равняется приблизительно 15.000 долларов в год, то есть ниже указанных заработков рабочих неспециалистов. И вот, что мы с женой можем себе позволить на эту пенсию. Мы живем в одном из лучших кварталов Вашингтона, в доме с 600 квартирами. Площадь нашей квартиры равна 80 квадратным метрам. В квартире две с половиной комнаты, уборная с ванной и двумя умывальниками, кухня с плитой на 4 конфорки и духовым шкафом,

машиной для мытья посуды и большими шкафами. У нас большой балкон с видом на сам дом, в котором находятся плавательный бассейн длиной в 30 метров, которым пользуются квартиранты. В подвальном этаже дома находится продуктовый магазин, магазин сувениров, портной, парикмахерская и теперь открывается кафетерий. Помимо этого, конечно, громадный гараж для квартирантов, имеющих машины. Я перестал ездить из-за катаракта, но мог бы позволить себе и этот расход — иметь машину. Мы с женой едим 4 раза в день: пьем утром кофе с белым хлебом, маслом, сыром и ветчиной, завтракаем (суп, мясное или рыбное блюдо и сладкое), обедаем, такое же меню, и вечером пьем чай. Так как каждому из нас уже больше 80 лет, то готовить из свежих продуктов нам уже трудно. В магазине нашего дома мы покупаем (конечно, без всякой очереди) блюда-полуфабрикаты, которые надо греть или жарить, в среднем, минут сорок. Стирать белье и одежду в химическую чистку мы отдаем в нашем же доме. В нашем доме живет 4 врача разных специальностей. И при такой жизни от пенсии у нас в среднем остается около 200 долларов, которые кладутся на сберегательную книжку и приносят 5,25 до 7,5 процентов в год, в зависимости от срока, на который сделан вклад.

Я так подробно описываю нашу жизнь, чтобы показать, что в быту могут себе позволить рабочие, получающие зарплату равную примерно нашей пенсии. Есть, правда, одна существенная разница: рабочие, как правило, не живут в наемных квартирах, у 90 процентов их есть собственные дома, и ездят они на своих автомобилях. Ведь по дорогам страны движется в среднем 120 миллионов легковых машин в день.

Вот общая картина того, какую жизнь обеспечили трудящимся их профсоюзы в своей борьбе с работодателями и правительством. Выдвигаемый коммунистами довод, что только в социалистической стране интересы рабочих защищены самим правительством, — никуда не годится. Интересы партии и правительства очень редко совпадают с интересами рабочих. У руководителей партии и правительства и привилегированного класса совсем другие интересы, чем у рабочих, и они у них всегда на первом месте. В этом отношении коммунистическое государство как работодатель ничем не отличается от частного лица, и борьба с его произволом необходима.

Я забыл упомянуть один весьма важный момент в деятельности профсоюзов. Когда руководство профсоюза подпишет новый контракт с работодателем, то он сначала представляется на утверждение всего рабочего коллектива. Все члены профсоюза голосуют и могут новый контракт принять или отвергнуть. Другими словами, они имеют последнее слово при защите своих интересов.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

Расколотый мир

Речь на ассамблее выпускников Гарвардского университета 8 июня 1978 г.*

Раскол сегодняшнего мира доступен даже поспешному взгляду. Любой наш современник легко различает две мировые силы, каждая из которых уже способна нацело уничтожить другую. Но понимание раскола часто и ограничивается этим политическим представлением: иллюзией,

*) Нижеприведенная речь А. И. Солженицына настолько выдающаяся и совершенно из ряда вон выходящая и, может быть, из-за этого замалчиваемая в прессе, что редакция «Зарубежья» сочла своим долгом познакомить с ней своих читателей. Полный текст речи опубликован в русской эмигрантской печати только в «Новом журнале» (№ 131) и в журнале «Русское возрождение» (№ 2). Из последнего мы заимствуем приведенный текст.

что опасность может быть устранена удачными дипломатическими переговорами или равновесием вооруженных сил. На самом деле мир расколот и глубже, и отчужденней, и большим числом трещин, чем это видно первому взгляду — и этот многообразный глубокий раскол грозит всем нам разнообразной же гибелью. По той древней истине, что не может стоять царство — вот, наша Земля — разделившееся в себе.

СОВРЕМЕННЫЕ МИРЫ

Есть понятие «третий мир» и, значит, уже три мира. Но их несомненно больше, мы не доглядываем издали. Всякая древняя устоявшаяся самостоятельная культура,

да еще широкая по земной поверхности, уже составляет самостоятельный мир, полный загадок и неожиданностей для западного мышления. Таковы по меньшему счету Китай, Индия, Мусульманский мир и Африка, если последние можно с приближением рассматривать собранно. Такова была тысячу лет Россия — хотя западное мышление с систематической ошибкой отказывало ей в самостоятельности и потому никогда не понимало, как не понимает и сегодня в ее коммунистическом плену. И если Япония в последние десятилетия все более стала «Дальним Западом», все тесней примкнула к Западу (судить не берусь), то, например, Израиль я бы не отнес к западному миру хотя бы по тому решающему обстоятельству, что его государственный строй принципиально связан с религией.

Как еще сравнительно недавно маленький новоевропейский мирок легко захватывал колонии во всем мире, не только не предвидя серьезного сопротивления, но обычно презирая какие-либо возможные ценности в мироощущении тех народов! Успех казался ошеломляющим, не знал географических границ. Западное общество развешивалось как торжество человеческой независимости и могущества. И вдруг в XX веке так ясно обнаружилось, что оно хрупко и обрывчато. И теперь мы видим, каким коротким, шатким оказалось это завоевание (очевидно свидетельствуя и о пороках того западного мирознания, которое на эти завоевания вело). Сейчас соотношение с бывшим колониальным миром обратилось в свою противоположность, и западный мир нередко переходит к крайностям угодливости — однако трудно прогнозировать, как еще велик будет счет этих бывших колониальных стран к Западу, и хватит ли ему откупиться, отдав не только последние колониальные земли, но даже все свое достоинство.

КОНВЕРГЕНЦИЯ

Все же ддящееся ослепление превосходства поддерживает представление, что всем обширным областям на нашей планеты следует развиваться и доразвиваться до нынешних западных систем, теоретически наивысших, практически наиболее привлекательных; что все миры только временно удерживаются — злыми правителями или тяжелыми расстройством, или варварством и непониманием — от того, чтоб устремиться по пути западной многопартийной демократии и перенять западный образ жизни. И страны оцениваются по тому, насколько они успели продвинуться этим путем. Но такое представление выросло, напротив, на западном непонимании сущности остальных миров, на том, что все они ошибочно измеряются западным измерительным прибором. Картина развития планеты мало похожа на это.

Тоска расколотаго мира вызвала к жизни и теорию конвергенции между ведущим Западом и Советским Союзом — ласкательную теорию, пренебрегающую, что эти миры друг во друга нисколько не развиваются, и даже непревратимы друг во друга безнасилия. А кроме того конвергенция неизбежно включает в себя принятие также и пороков противоположностей стороны, что вряд ли кого устраивает.

Если бы сегодняшнюю речь я произносил в своей стране, я, в этой общей схеме раскола мира, сосредоточился бы на бедствиях Востока. Но поскольку я уже 4 года вынужденно нахожусь здесь и аудитория передо мною западная, — думаю, будет содержательней сосредоточиться на некоторых чертах современного Запада, как я их вижу.

ПАДЕНИЕ МУЖЕСТВА

— может быть самое разительное, что видно в сегодняшнем Западе постороннему взгляду. Западный мир потерял общественное мужество и весь в целом и даже отдельно по каждой стране, каждому правительству, каждой партии, и уж конечно — в Организации Объединенных Наций. Этот упадок мужества особенно сказывается в прослойках правящей и интеллектуально-ведущей, отчего и создается ощущение, что мужество потеряло целиком все

общество. Конечно, сохраняется множество индивидуальномужественных людей, но не им доводится направлять жизнь общества. Политические и интеллектуальные функционеры выявляют этот упадок, безволие, потерянности в своих действиях, выступлениях и еще более — в служивых теоретических обоснованиях, почему такой образ действий, кладущий трусость и заискивание в основу государственной политики, — прагматически, разумен и оправдан на любой интеллектуальной и даже нравственной высоте. Этот упадок мужества, местами доходящий как бы до полного отсутствия мужеского начала, еще особо иронически оттеняется при внезапных взрывах храбрости и непримиримости этих самых функционеров — против слабых правительств, или никем не поддержанных слабых стран, осужденных течений, заведомо не могущих дать отпор. Но коснеет язык и парализуются руки против правительств могущественных, сил угрожающих, против аггессоров и против Интернационала Террора.

Напоминать ли, что падение мужества издревле считалось первым признаком конца?

БЛАГОПОЛУЧИЕ

Когда создавались современные западные государства, то провозглашался принцип: правительство должно служить человеку, а человек живет на земле для того, чтоб иметь свободу и стремиться к счастью (смотри, например, американскую декларацию независимости). И вот наконец в последние десятилетия технической и социальной прогрессы дали осуществиться ожидаемое: государство всеобщего благосостояния. Каждый гражданин получил желанную свободу и такое количество и качество физических благ, которые по теории должны были бы обеспечить его счастье — в том сниженном понимании, как в эти же десятилетия создалось. (Упущена лишь психологическая подробность: постоянное желание иметь еще больше и лучше и напряженная борьба за это запечатлеваются на многих западных лицах озабоченностью и даже угнетением, хотя выражения эти принято тщательно скрывать. Это активное напряженное соревнование захватывает все мысли человека и вовсе не открывает свободного духовного развития.) Обеспечена независимость человека от многих видов государственного давления, обеспечен большинству комфорт, которого не могли представить отцы и деды, появилась возможность воспитывать в этих идеалах и молодежи, звать и готовить ее к физическому процветанию, счастью, владению вещами, деньгами, досугом, почти к неограниченной свободе наслаждений, — кто же бы теперь, зачем, почему должен был бы ото всего этого оторваться и рисковать драгоценной своей жизнью в защите блага общего и особенно в том туманном случае, когда безопасность собственного народа надо защищать в далекой пока стране?

Даже биология знает, что привычка к высокоблагополучной жизни не является преимуществом для живого существа. Сегодня и в жизни западного общества благополучие стало приоткрывать свою губящую маску.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Соответственно своим целям западное общество избрало и наиболее удобную для себя форму существования, которую я назвал бы юридической. Границы прав и правоты человека (очень широкие) определяются системой законов. В этом юридическом стоянии, движении и лавировании западные люди приобрели большой навык и стойкость. (Впрочем, законы так сложны, что простой человек беспомощен действовать в них без специалиста). Любой конфликт решается юридически — и это есть высшая форма решения. Если человек прав юридически — ничего выше не требуется. После этого никто не может указать ему на неполную правоту и склонять к самоограничению, к отказу от своих прав, просить о какой-либо жертве, бескорыстном риске — это выглядело бы просто нелепо. Добровольного самоограничения почти не встретишь: все стремятся к экспансии, доколе уже хрустят юридические рам-

ки. (Юридически безупречны нефтяные компании, покупая изобретение нового вида энергии, чтобы ему не действовать. Юридически безупречны отравители продуктов, удолжая их сохранность: публике остается свобода их не покупать).

Всю жизнь проведя под коммунизмом, я скажу: ужасно то общество, в котором вовсе нет беспристрастных юридических весов. Но общество, в котором нет других весов, кроме юридических, тоже мало достойно человека. Общество, ставшее на почву закона, но не выше — слабо использует высоту человеческих возможностей. Право слишком холодно и формально, чтобы влиять на общество благотельно. Когда вся жизнь пронизана отношениями юридическими — создается атмосфера душевной посредственности, омертвляющая лучшие взлеты человека.

Перед испытаниями же грозящего века удержаться одними юридическими подпорками будет просто невозможно.

НАПРАВЛЕНИЕ СВОБОДЫ

В сегодняшнем западном обществе открылось неравновесие между свободой для добрых дел и свободой для дел худых. И государственный деятель, который хочет для своей страны провести крупное созидательное дело, вынужден двигаться осмотровыми шагами, даже робкими шагами, он все время одергивается критиками (и безответственными) критиками, его все время одергивает пресса и парламент. Ему нужно доказать высокую безупречность и оправданность каждого шага. По сути человек выдающийся, великий, с необычными неожиданными мерами, проявиться вообще не может — ему в самом начале подставят десять подножек. Так под видом демократического ограничения торжествует посредственность.

Подрыв административной власти повсюду доступен и свободен, и все власти западных стран резко ослабли. Защита прав личности доведена до той крайности, что уже становится защитным само общество от иных личностей — и на Западе приспела пора отстаивать уже не столько права людей, сколько их обязанности.

Напротив, свобода разрушительная, свобода безответственная получила самые широкие просторы. Общество оказалось слабо защищено от бездн человеческого падения, например, от злоупотребления свободой для морального насилия над юношеством, вроде фильмов с порнографией, преступностью или бесовщиной: все они попали в область свободы и теоретически уравниваются свободой юношества их не воспринимать. Так юридическая жизнь оказалась неспособна защитить себя от разъедающего зла.

Что же говорить о темных просторах прямой преступности? Широта юридических рамок (особенно американских) поощряет не только свободу личности, но и некоторые преступления ее, дает преступнику возможность остаться безнаказанным или получить незаслуженное снисхождение — при поддержке тысяч общественных защитников. Если где власти берутся строго искоренять терроризм, то общественность тут же обвиняет их, что они нарушили гражданские права бандитов. Немало подобных примеров.

Весь этот переклон свободы в сторону зла создавался постепенно, но первичная основа ему, очевидно, была положена гуманистическим человеколюбивым представлением, что человек, хозяин этого мира, не несет в себе внутреннего зла, все пороки жизни происходят лишь от неверных социальных систем, которые и должны быть исправлены. Странно, вот на Западе достигнуты наилучшие социальные условия — а преступность несомненно велика и значительно больше, чем в нищем и незаконном советском обществе. (Под именем уголовных у нас там сидит в лагерях огромное множество людей, но подавляющее их большинство — не преступники, а те, кто против незаконного государства отстаивали себя неюридическими способами).

НАПРАВЛЕНИЕ ПРЕССЫ

Широчайшей свободой естественно пользуется и пресса (я употребляю дальше это слово, включая всю media). Но — как?

Опять: лишь бы не перешагнуть юридические рамки, но безо всякой подлинной нравственной ответственности за искажение, за смещение пропорций. Какая у журналиста и газеты ответственность перед читающей публикой или перед историей? Если они неверной информацией или неверными заключениями повели общественное мнение по неверному пути, даже способствовали государственным ошибкам — известны ли случаи публичного потом раскаяния этого журналиста или этой газеты? Нет, это подорожали бы продажу. На этом случае может потерять государство, но журналист всегда выходит сухим. Скорее всего он будет теперь с новым апломбом писать противоположное прежнему.

Необходимость дать мгновенную авторитетную информацию заставляет заполнять пустоты догадками, собирать слухи и предположения, которые потом никогда не опровергнутся, но осядут в памяти масс. Сколько поспешных, опрометчивых, незрелых, заблудительных суждений выказывается ежедневно, заморочивает мозги читателей — и так застывает! Пресса имеет возможность и симулировать общественное мнение и воспитать его извращенно. То создается геростратова слава террористам, то раскрываются даже оборонные тайны своей страны, то беззастенчиво вмешиваются в личную жизнь известных лиц под лозунгом: «все имеют право все знать» (ложный лозунг ложного века: много выше утерянное право людей не з н а т ь, не забивать своей божественной души — сплетнями, суесловием, праздною чепухой. Люди истинного труда и содержательной жизни совсем не нуждаются в этом избыточном отягощающем потоке информации).

Поверхностность и поспешность — психическая болезнь XX века — более всего и выражена в прессе. Прессе противопоказано войти в глубину проблемы, это не в природе ее, она лишь выхватывает сенсационные формулировки.

И при всех этих качествах пресса стала первой силой западных государств, превосходя силу исполнительной власти, законодательной и судебной. А между тем: по какому избирательному закону она избрана и перед кем стчивается? Если на коммунистическом Востоке журналист откровенно назначается как государственный чиновник, то кто выбирал западных журналистов в их состояние власти? На какой срок и с какими полномочиями?

И еще одна неожиданность для человека, пришедшего с тоталитарного Востока, с его строгой унификацией прессы: у западной прессы в целом тоже обнаруживается общее направление симпатий (ветер века), общепризнанные допустимые границы суждений, а может быть и общекорпоративные интересы, и все это вместе действует не соревновательно, а унифицированно. Безудержная свобода существует для самой прессы, но не для читателей: достаточно выпукло и звучно газеты передают только те мнения, которые не слишком противоречат их собственным и этому общему направлению.

МОДА НА МЫСЛИ

Безо всякой цензуры на Западе осуществляется придирчивый отбор мыслей модных от мыслей немодных — и последние, хотя никем не запрещены, не имеют реального пути ни в периодической прессе, ни через книги, ни с университетских кафедр. Дух ваших исследователей свободен юридически — но обставлен идолами сегодняшней моды. Не прямым насилием, как на Востоке, но этим отбором моды, необходимостью угождать массовым стандартам, устраняются от вклада в общественную жизнь наиболее самостоятельно-думающие личности, появляются опасные черты стадности, закрывающей эффективное развитие. В Америке мне приходилось получать письма за-

мечательно умных людей, какого-нибудь профессора дальнего провинциального колледжа, который много способствовал бы освежению и спасению своей страны — но страна не может его услышать: его не подхватит media. Так создаются сильные массовые предубеждения, слепота, опасная в наш динамичный век. Например, иллюзорное понимание современного мирового положения — такой окаменелый панцирь вокруг голов, что через него уже не проникает ничей человеческий голос из 17 стран Восточной Европы и Восточной Азии — а только проломит его неизбежный лом событий.

Я перечислил несколько черт западной жизни, которые поражают человека, пришедшего в этот мир по-нову. Размеры и задачи этой речи не позволяют продолжить обзор: как эти особенности западного общества отражаются на таких важных сторонах национального существования, как образование начальное, образование высшее гуманитарное и искусство.

СОЦИАЛИЗМ

Почти все признают, что Запад указывает всему миру выгодный экономический путь развития, последнее время сбиваемый, правда, хаотической инфляцией. Но и многие живущие на Западе недовольны своим обществом, презирают его или упрекают, что оно уже не соответствует уровню, к которому созрело человечество. И многих это заставляет колебнуться в сторону ложного и опасного течения социализма.

Я надеюсь, никто из присутствующих не заподозрит, что я провел эту частную критику западной системы для того, чтобы выдвинуть взамен идею социализма. Нет, с опытом страны осуществленного социализма я во всяком случае не предложу социалистическую альтернативу. Что социализм всякий вообще и во всех оттенках ведет ко всеобщему уничтожению духовной сущности человека и нивелированию человечества в смерть — глубоким историческим анализом показал математик академик Шафаревич в своей блестяще аргументированной книге «Социализм»; скоро 2 года, как она опубликована во Франции — но еще никто не нашелся ответить на нее. В близком времени она будет опубликована и в Америке.

НЕ ОБРАЗЕЦ

Но если меня спросят напротив: хочу ли я предложить своей стране в качестве образца сегодняшней Запад как он есть, я должен буду откровенно ответить: нет, ваше общество я не мог бы рекомендовать как идеал для преобразования нашего. Для того богатого душевного развития, которое уже выстрадано нашей страной в этом веке — западная система в ее нынешнем, духовно-истощенном виде не представляется заманчивой. Даже перечисленные особенности вашей жизни приводят в крайнее огорчение.

Несомненный факт: Расслабление человеческих характеров на Западе и укрепление их на Востоке. За шесть десятилетий наш народ, за три десятилетия — народы Восточной Европы, прошли душевную школу, намного опережающую западный опыт. Сложно и смертно давящая жизнь выработала характеры более сильные, более глубокие и интересные, чем благополучная регламентированная жизнь Запада. Поэтому для нашего общества обращение в ваше означало бы в чем-то повышение, а в чем-то понижение — и в очень дорогом. Да, невозможно оставаться обществу в такой бездне беззакония, как у нас, но и ничтожно ему оставаться на такой бездушевной юридической гладкости, как у вас. Душа человека, пострадавшая под десятилетиями насилия, тянется к чему-то более высокому, более теплему, более чистому, чем может предложить нам сегодняшнее западное массовое существование, как визитной карточкой предпосылаемое отвратным напором реклам, одурением телевидения и переносимой музыкой.

И это все видно глазам многих наблюдателей, изо всех миров нашей планеты. Западный образ существования

все менее имеет перспективу стать ведущим образцом.

Бывают симптоматичные предупреждения, которые посылает история угрожаемому или гибнущему обществу: например, падение искусств или отсутствие великих государственных деятелей. Иногда предупреждения бывают и совсем ощутимыми, вполне прямыми: центр вашей демократии и культуры на несколько часов остается без электричества — всего-то, — и сразу же целые толпы американских граждан бросаются грабить и насиловать. Такова толщина пленки! Такова непрочность общественного строя и отсутствия внутреннего здоровья в нем.

Не когда-то наступит, а уже идет — физическая, духовная, космическая! — борьба за нашу планету. В свое решающее наступление уже идет и давит мировое Зло — а ваши экраны и печатные издания наполнены обязательными улыбками и поднятыми бокалами. В радость — чему?

НЕДАЛЬНОВИДНОСТЬ

Ваши весьма видные деятели, как Джордж Кеннан, говорят: вступая в область большой политики, мы уже не можем пользоваться моральными указателями. Вот так, смешением добра и зла, правоты и неправоты, лучше всего и подготавливается почва для абсолютного торжества абсолютного Зла в мире. Юридическое вышление с какого-то уровня проблем каменит: оно не дает видеть ни размера, ни смысла событий.

Несмотря на множественность информации — или отчасти именно благодаря ей — западный мир весьма слабо ориентируется в происходящей действительности. Так, например, были анекдотические предсказания некоторых американских экспертов, что Советский Союз найдет себе в Анголе свой Вьетнам, или что наглые африканские экспедиции Кубы лучше всего умерятся ухаживанием за ней Соединенных Штатов. Таковы ж и советы Кеннана своей стране — приступить к одностороннему разоружению. О, знали бы вы, как хохочут над вашими политическими мудрецами самые молоденькие референты Старой Площади!*) А уж Фидель Кастро откровенно считает Соединенные Штаты ничтожеством, если, находясь тут рядом, осмеливается бросать свои войска на дальние авантюры.

Но самый жестокий промах произошел с непониманием вьетнамской войны. Одни искренно хотели, чтоб только скорей прекратилась всякая война, другие мнили, что надо дать простор национальному или коммунистическому самоопределению Вьетнама (или, как особенно наглядно видно сегодня, — Камбоджи). А на самом деле участники американского антивоенного движения оказались соучастниками предательства дальневосточных народов — того геноцида и страданий, которые сегодня там сотрясают 30 миллионов человек. Но эти стоны — слышат ли теперь принципиальные пацифисты? Сознают ли сегодня свою ответственность? Или предпочитают не слышать? У американского образованного общества сдали нервы — а в результате угроза сильно приблизилась к самим Соединенным Штатам. Но это не сознается. Ваш недальновидный политик, подписавший поспешную вьетнамскую капитуляцию, дал Америке вытянуться как будто в беззаботную передышку, — но вот уже усотеренный Вьетнам вырастает перед вами. Маленький Вьетнам был послан вам предупреждением и поводом мобилизовать свое мужество. Но если полновесная Америка потерпела полноценное поражение даже от маленькой коммунистической полустраны — то на какое устояние Запад может рассчитывать в будущем?

Мне пришлось уже говорить, что в XX веке западная демократия самостоятельно не выиграла ни одной большой войны: каждый раз она загораживалась сильным сухопутным союзником, не придираясь к его мировоззрению.

*) Старая Площадь — резиденция ЦК КПСС, истинное название того места, которое на Западе условно называют Кремлем.

Так во 2-й мировой войне против Гитлера, вместо того чтобы выиграть войну собственными силами, которых было, конечно, достаточно — вырастили себе горшего и сильнейшего врага, ибо никогда Гитлер не имел ни столько ресурсов, ни столько людей, ни пробивных идей, ни столько своих сторонников в западном мире, пятую колонну, как Советский Союз. А ныне на Западе уже раздаются голоса: как бы еще в одном мировом конфликте заслониться против силы — чужой силой, загородиться теперь — Китаем. Однако, никому в мире не пожелало такого исхода: не говоря, что это — опять роковой союз со Злом, это дало бы Америке лишь некоторую оттяжку, но затем, когда миллиардный Китай обернулся бы с американским оружием — сама Америка была бы отдана нынешнему камбоджанскому геноциду.

ПОТЕРЯННОСТЬ ВОЛИ

Но и никакое величайшее вооружение не поможет Западу, пока не преодолет потерянности своей воли. При такой душевной расслабленности самое это вооружение становится отягощением капитулянту. Для обороны нужна и готовность умереть, а ее мало в обществе, воспитанном на культе земного благополучия. И тогда остаются только уступки, оттяжки и предательства. В позорном Белграде свободные западные дипломаты в слабости уступили тот рубеж, на котором подгнетные члены хельсинкских групп отдают свои жизни.

Западное мышление стало консервативным: только бы сохранялось мировое положение, как оно есть, только бы ничто не менялось. Расслабляющая мечта о статус-кво — признак общества, закончившего свое развитие. Но надо быть слепым, чтобы не видеть, как перестали принадлежать Западу океаны, и все стягивается под ним территория земной суши. Две так называемых мировых — а совсем еще не мировых — войны состояли в том, что маленький прогрессивный Запад внутри себя уничтожил сам себя и тем подготовил свой конец. Следующая война — не обязательно атомная, я в нее не верю, — может похоронить западную цивилизацию окончательно.

И перед лицом этой опасности — как же, с такими историческими ценностями за спиной, с таким уровнем достигнутой свободы и как будто преданности ей — настолько потерять волю к защите?

ГУМАНИЗМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Как сложилось нынешнее невыгодное соотношение? От своего триумфального шествия — каким образом западный мир впал в такую немощь? Были в его развитии губительные переломы, потери взятого курса? Да как будто нет. Запад только прогрессировал и прогрессировал в объявленном социальном направлении, об руку с блистательным техническим Прогрессом. И вдруг оказался в нынешней слабости.

И тогда остается искать ошибку в самом корне, в основе мышления Нового Времени. Я имею в виду то господствующее на Западе мирознание, которое родилось в Возрождение, а в политические формы отлилось с эпохи Просвещения, легло в основу всех государственных и общественных наук и может быть названо рационалистическим гуманизмом либо гуманистической автономностью — провозглашенной и проводимой автономностью человека от всякой высшей над ним силы. Либо, иначе, антропоцентризмом — представление о человеке как о центре существующего.

Сам по себе поворот Возрождения был, очевидно, исторически неизбежен: Средние Века исчерпали себя, стали невыносимы деспотическим подавлением физической природы человека в пользу духовной. Но и мы отринулись из Духа в Материю — несоразмерно, непомерно. Гуманистическое сознание, заявившее себя нашим руководителем, не признало в человеке внутреннего зла, не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный ук-

лон преклонения перед человеком и его материальными потребностями. За пределами физического благополучия и накопления материальных благ, все другие, более тонкие и высокие, особенности и потребности человека остались вне внимания государственных устройств и социальных систем, как если бы человек не имел более высокого смысла жизни. Так и оставлены были сквозняки для зла, которые сегодня и продувают свободно. Сама по себе обнаженная свобода никак не решает всех проблем человеческого существования, а во множестве ставит новые.

Но все же в ранних демократиях — также и в американской при ее рождении, все права признавались за личностью лишь как за Божьим творением, то есть свобода вручалась личности условно, в предположении ее постоянной религиозной ответственности — таково было наследие предыдущего тысячелетия. Еще 200 лет назад в Америке — да даже и 50 лет назад, казалось невозможным, чтобы человек получил необузданную свободу — просто так, для своих страстей. Однако с тех пор во всех западных странах это ограничение выветрилось, произошло окончательное освобождение от морального наследия христианских веков с их большими запасами то милости, то жертвы, и государственные системы принимали все более законченный материалистический вид. Запад наконец отстоял права человека и даже с избытком — но совсем поблекло сознание ответственности человека перед Богом и обществом. В самые последние десятилетия этот юридический эгоизм западного мироощущения окончательно достигнут — и мир оказался в жестоком духовном кризисе и политическом тупике. И все технические достижения прославленного Прогресса, вместе и с Космосом, не искупили той моральной нищеты, в которую впал XX век, и которую нельзя было предположить, глядя даже из XIX-го.

НЕОЖИДАННЫЕ РОДСТВЕННИКИ

Чем более гуманизм в своем развитии материализовался, тем больше давал он оснований спекулировать собою — социализму, а затем и коммунизму. Так что Карл Маркс мог выразиться (1844): «коммунизм есть натурализованный гуманизм».

И это оказалось не совсем лишено смысла: в основаниях выветренного гуманизма и всякого социализма можно разглядеть общие камни: бескрайний материализм; свободу от религии и религиозной ответственности (при коммунизме доводимую до антирелигиозной диктатуры); сосредоточенность на социальном построении и наукообразность в этом (Просвещение XVIII века и марксизм). Не случайно все советские клятвы коммунизма — вокруг человека с большой буквы и его земного счастья. Как будто уродливое сопоставление — общие черты в мирознании и строе жизни нынешнего Запада и нынешнего Востока! — но такова логика развития материализма.

Причем, в этом соотношении родства закон таков, что всегда оказывается сильней, привлекательней и победоносней то течение материализма, которое левей и, значит, последовательней. И гуманизм, вполне утерявший христианское наследие, не способен выстоять в этом соревновании. Так, в течение минувших веков и особенно последних десятилетий, когда процесс обострился, в мировом соотношении сил: либерализм неизбежно теснился радикализмом, тот был вынужден уступать социализму, а социализм не устывал против коммунизма. Именно потому коммунистический строй мог так устоять и укрепиться на Востоке, что его рьяно поддерживали (ощущая с ним родство!) буквально массы западной интеллигенции, не замечали его злодейства, а уж когда нельзя было не заметить — оправдывали их. Так и сегодня: у нас на Востоке коммунизм идеологически потерял все, он упал уже до ноля, и ниже ноля, западная же интеллигенция в значительной степени чувствительна к нему, сохраняет симпатию — и это-то делает для Запада такой безмерно трудной задачей устояния против Востока.

ПЕРЕД ПОВОРОТОМ

Я не разбираю случая всемирной военной катастрофы и тех изменений общества, которые она бы вызвала. Но пока мы ежедневно пробуждаемся под спокойным солнцем, мы обязаны вести и ежедневную жизнь. А есть катастрофа, которая наступила уже изрядно: это — катастрофа гуманистического автономного безрелигиозного сознания.

Мерою всех вещей на Земле оно поставило человека — несовершенного человека, никогда не свободного от самолюбия, корыстолюбия, зависти, тщеславия и десятков других пороков. И вот, ошибки, не оцененные в начале пути, теперь мстят за себя. Путь, пройденный от Возрождения, обогатил нас опытом, но мы утратили то Целое, Высшее, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности. Слишком много надежд мы отдали политико-социальным преобразованиям — а оказалось, что у нас отбирают самое драгоценное, что у нас есть: нашу внутреннюю жизнь. На Востоке ее вытаптывает партийный базар, на Западе коммерческий. Вот каков кризис: не то даже страшно, что мир расколот, но что у главных расколотых частей его — сходная болезнь.

Если бы, как декларировал гуманизм, человек был рожден только для счастья — он не был бы рожден и для смерти. Но оттого, что он телесно обречен смерти, его земная задача, очевидно, духовней: не захлеб повседневностью, не наилучшие способы добывания благ, а потом веселого проживания их, но несение постоянного и трудного долга, так что весь жизненный путь становится опытом главным образом нравственного возвышения: покинуть жизнь существом более высоким, чем начинал ее.

Г. АНДРЕЕВ

Вокруг гарвардской речи

Прочтя речь А. И. Солженицына, произнесенную им 8 июня с. г. на ассамблее выпускников Гарвардского университета (США), я подумал, что под нею подпишется каждый из нас. Не считаю, что я поторопился и ошибся в этом мнении, несмотря на реакцию, даже и в русских зарубежных кругах неодинаковую и не всегда одобрительную.

Критическая реакция производила впечатление, что она проходит далеко от сущности сказанного выступавшим. Реакция эта — неизменно мимо и как-то «понижу», она как бы старалась снизить смысл речи, перевести его в плоскость узко понимаемой практики.

Такой, на мой взгляд, оказалась и статья Андрея Волконского «Солженицын и Запад» в газете «Русская мысль» (27. 7. 78), в которой «снижение» позволило автору допустить ненужные преувеличения. Так, он обвинил Солженицына даже в противоречии с христианством, как и в том, что Солженицын «тоскует» по утраченному «коллективному религиозному сознанию» и полагает, что последнее связано с развитием государственности. Вычитать и это из речи при желании, конечно, можно, но вычитанное останется произвольным толкованием.

Аналогично и с мнением о сильных личностях, отсутствующих сейчас на Западе в руководстве. Обычно под ними представляют Наполеона, Чингисхана, как и написал А. Волконский. Но и в наше время, в условиях правового строя, был в США, например, Труман, не великий, словно бы, человек, сумевший однако подняться до понимания мировых задач. Черчилль, де Голь — герои не моего романа, но это были крупные государственные деятели; еще более крупным был Аденауэр в Германии. Впрочем, они все — из предыдущей эпохи, откуда и некоторые их недостатки и промахи.

Неизбежно пересмотреть шкалу распространенных человеческих ценностей и изумиться неправильности ее сегодня. Невозможно, чтоб оценка деятельности президента сводилась бы к тому, какова твоя заработная плата и неограничен ли в продаже бензина. Только добровольное воспитание в самих себе светлого самоограничения вывешает людей над материальным потоком мира.

Держаться сегодня за окостеневшие формулы эпохи Просвещения — ретроградство. Эта социальная догматика оставляет нас беспомощными в испытаниях нынешнего века.

Если и минет нас военная гибель, то неизбежно наша жизнь не останется теперешней, чтоб не погибнуть сама по себе. Нам не избежать пересмотреть фундаментальные определения человеческого общества: действительно ли превыше всего человек, и нет над ним Высшего Духа? Верно ли, что жизнь человека и деятельность общества должны более всего определяться материальной экспансией? Допустимо ли развивать ее в ущерб нашей целостной внутренней жизни?

Если не к гибели, то мир подошел сейчас к повороту истории, по значению равному повороту от Средних Веков к Возрождению — и потребует от нас духовной вспышки, подъема на новую высоту обзора, на новый уровень жизни, где не будет, как в Средние Века, предана проклятью наша физическая природа, но и тем более не будет, как в Новейшее время, растоптана наша духовная.

Этот подъем подобен восхождению на следующую антропологическую ступень. И ни у кого на Земле не осталось другого выхода, как — вверх.

Совешенно плебейски, можно сказать, растленно представляя себе демократию, американские либералы вкупе с демократической партией, не могли перенести Никсона на посту президента, обвиняя его в том, что он ведет себя как «император». Они пустились во все тяжкие, чтобы его устранить и, добившись этого, выставили себя на посмешище всему миру. Одновременно они сильно ограничили президентскую власть, в свою пользу, превратив свое государство в рыхлое тесто.

Теперь в США, для следующих выборов, демократическая партия, не имея верного кандидата, готова объявить им Эдварда Кеннеди, делая ставку на магию этого имени среди части массы, — хотя никакими деловыми качествами он зарекомендовать себя не успел, как и не мог освободиться от подозрений в связи с гибелью его секретарши или любовницы (в таких случаях, с миллионерами, американская печать не очень старается «рыться в грязном белье»). Но он уже слетал в «Штаб мировой революции», благословился у Брежнева, заботясь о своей репутации у либералов. Все это — в американских привычках и традициях, — но нужно ли брать их себе в пример, перенимать для себя? Совершенно согласен с Солженицыным, что нам это вовсе не обязательно.

Русским критикам надо бы учитывать особенности среды, в которой была произнесена речь. Так, в Америке общества в нашем (или европейском) понимании нет. Его заменяет то, что можно назвать, вероятно, «деловыми группами», к тому же приобретающими значение, если они дорастают до масштабов «большого бизнеса». В США все бизнес, значение же имеет «биг бизнес», большой бизнес. «Деловые группы» обычно связаны в своей деятельности с государственными учреждениями, штатными и феде-

ральными, почему, критикуя общественные порядки, критика нередко адресуется и государству, всей стране.

Как же реагировала она на произнесенное Солженицыным? Не сама она, а ее газетчики, журналисты? По этому поводу передам сначала сказанное мне одним русским американцем. Услышав речь по телевидению, он говорил: Все это верно, все так, — но зачем говорить это им, американцам? Сколько им говорили — до них же не доходит, да и не поймут. Они живут в своем особом мире, со своими заботами и выйти за круг своих ежедневных интересов не могут.

Это интересное мнение. Солженицын говорил в университете, слушали его окончившие университет и профессора, — кому же и понимать сказанное, как не им? Кому же и интересоваться этими отнюдь не отвлеченными вопросами? И мог ли Солженицын говорить о сказанном как-то иначе, проще, применительно, скажем, к уровню телевидения, в Америке ужасающе пошлейшему, возможно, еще худшему, чем в других западных странах?

Нельзя забывать об одном обстоятельстве. С некоторых пор, — вероятно лет уже 15—20, — многие американские университеты оказались занятыми «красными профессорами», частью коммунистами разных толков (ленинцами, троцкистами, маоистами и т. д.), а частью просто «прогрессистами». Вообще чуть ли не все дело образования в Америке попало в руки «прогрессивных» людей. Они, считающие себя, конечно, демократичнее любых демократов, яро выступили против воспитания «элиты», против «элитаризма». Воспитание широко образованных лиц они считали «не демократичным»: студентам надо давать лишь необходимые для их специальности сведения, а «элитаризм» ведет к авторитарности (мерещится она им во всех снах), если не к вожизму. Теперь Америка начинает в сущности расплачиваться за деяния этой красной прогрессивности: у нее не оказывается хорошо подготовленных лиц, способных стоять в руководстве этой самой богатой и мощной в мире страны.

О газетчиках не приходится и говорить: среди них мало кто поднимается над уровнем телевизионных передач, составляемых такими же их собратьями. Такая была и их реакция: сказанное Солженицыным для них в сущности — книга за семью печатями, не имеющая интереса. И ни одна американская газета не напечатала его речь, ограничившись пересказом отдельных мест и приведением отдельных отрывков. Напечатали ее только в Англии, в «Таймсе».

К чести американцев надо все же сказать, что у них нашлось сколько-то лиц, проявивших интерес к речи и просивших прислать ее текст. Таких оказалось больше пяти тысяч и одно из издательств вероятно уже выпустило речь отдельной брошюрой, на английском и русском языках. На русском, стоит отметить, ее опубликовали полностью пока только «Новый журнал» (№ 131) и журнал «Русское возрождение» (№ 2). Газеты, еще по привычке считающиеся эмигрантскими, ограничились пересказом пересказанного в иностранных газетах.

Главное значение речи Солженицына, по-моему, совсем не в обличении, не в критике. Значение ее — в призыве внимательно присмотреться к течению дел на Западе, собрать свои нравственные силы и суметь, как сказал Солженицын, не продвигаться вперед, а взойти на следующую антропологическую ступень, что и будет выходом из затяжного современного кризиса. И нам, русским, обладающим, как мы говорим, катастрофическим сознанием, ничего не остается, как присоединиться к этому призыву.

Отмечу все же два места, где автор речи, по-моему, излишне мягок. Так, он сказал, что «на Западе приспела пора отстаивать уже не столько права людей (о чем, замечу, болтают, часто попусту, на всех перекрестках), сколько их обязанности». Можно опасаться, что пора уже пропущена и нужны особые усилия, чтобы понимание необходимости ощущения обязанностей было восстановлено. В каждой области жизни мы повседневно встречаемся с забвением обязанностей, нередко элементарной порядочности и дисциплины, из-за чего неостановимо падает прежде всего качество труда, качество продукции, что может угрожать катастрофой в ближайшем будущем. Насколько пренебрежительно сказал Солженицын о «заботе о ценах на бензин», — дело, конечно, не в одном бензине и касается оно сотен миллионов людей. И дело это не последнее — уже из-за отсутствия в Америке традиций и навыков общественного протеста, в данной области, инициативы и самодетельности в этом протесте. Жители США всецело отданы на милость и немилость «деловых групп» и умерять их частый произвол не умеют. Поэтому такой огромный резонанс в стране получил прошлым летом неожиданный протест жителей в Калифорнии против непомерных поборов с них (в виде налога на имущество, т. е. на жилище) местной администрации. Последняя, с непривычки, перепугалась смертно и сразу стала сокращать свои аппетиты.

Нет, конечно, нам далеко не все надо перенимать на Западе.

Е. КЛИМОВ

Виктор Васнецов

Прошло 50 лет со дня смерти художника В. М. Васнецова. За эти годы сменилось много различных оценок его религиозного творчества, от восторженного восприятия его иконописной деятельности, до полного пренебрежения этой стороны его творчества, оставляя за ним только его исторические и сказочные произведения, как «Аленушка», «Три богатыря», «Иван Грозный» и др.

Не пора ли сейчас спокойно взвесить все «за» и «против» и постараться найти проверенную временем оценку его росписей во Владимирском Соборе в Киеве, оставляя в стороне признаваемые всеми его историко-былинные картины?

Чем была вызвана критика его религиозных композиций? Самый уход Васнецова от бытовой живописи к исторической (от «С квартиры на квартиру» к «После побоища Игоря Святославича с половцами») уже воспринимался некоторыми критиками, как отказ от социальных за-

дач. Материалистические установки критиков не могли, конечно, одобрить дальнейший ход Васнецова в сторону религиозной живописи. Это одно. Другое заключалось в том, что люди, увлеченные русской иконой в конце 19 века и в начале нашего, приняли древнюю икону, как единственно возможный канон религиозной живописи и отвергали попытки согласования византийских традиций с современной живописью. Отвергались это будто бы во имя борьбы с ложным академизмом. Говорилось даже о «соблазне красившества» и чуть ли не о «демоничности» некоторых образов Васнецова.

Но откинем столь ретивые обвинения и посмотрим непредвзятым взглядом на роспись Владимирского Собора.

Всякого, входящего в этот храм, охватывает торжественная красота целого. Все здесь поет гимн Создателю и в этом радостном победном звуке перекликаются фигуры апостолов и святых с прекрасными орнаментами. Взор

входящего направлен к величественному запрестольному образу Богоматери, плавно шествующей по облакам и несущей миру Младенца Христа, который шлет благословение всем. Не почувствовать этого нельзя, это показано с такой внутренней силой и с такой любовью, что недаром Богоматерь Васнецова стала такой близкой и нужной русским людям, видящим в Ней заступницу и помощницу во всех тяготах жизни.

Может быть не все удачно в росписи Собора, особенно в работах Сведомского и Котарбинского, они выпадают из общего стиля. Но такая роспись, как «Святители Русской Земли», в которой Васнецов показал Антония и Феодосия Печерских, Преподобного Сергия Радонежского, Стефана Пермского, Петра и Алексея — митрополитов Московских, и всех их на фоне Московского Успенского Собора, — говорит о крепкой вере Васнецова в помощь и заступничество чтимых русских святых.

А то, что живопись Киевского Собора действует и на современных русских людей, этому может свидетельствовать рассказ моей студентки, недавно посетившей Киев. Она была около Собора и видела, как военный и его жена стояли в нерешительности перед входом в храм. Вошла только жена. Через некоторое время она вышла и говорит мужу: «Если-бы ты знал, какая там красота!».

Невольно вспоминается летописное сказание о посланцах кн. Владимира, посетивших в Византии храм св. Софии, и говоривших: «... мы не знаем, где мы находились, на земле или на небе!».

Воздействие Красоты не в смысле «красивости», а в более возвышенном ее понимании, безусловно присуще работам Васнецова.

Можно услышать обвинения в излишнем подчеркивании им выразительности глаз у изображаемых им святых и в некоторой их телесной объемности. Не знаю, почему эти обвинения не касаются многих византийских мозаик

и древних фресок, в которых земное обличие святых никоим образом не скрывалось. Что религиозная живопись Васнецова вызывает религиозные чувства у молящихся и что она прекрасно связывается с архитектурой Собора — в этом нет никакого сомнения.

А то, что теперь мы знаем мир нашей древней иконы, не мешает нам видеть ценность и значительность росписей Васнецова. «В доме Отца Моего обителей много» — приводит слова Спасителя Евангелист Иоанн, т. е. что многообразны могут быть славословия Спасителю, лишь бы они исходили от чистого сердца. А в этом сомневаться в творчестве Васнецова невозможно.

Людей, верящих в силу искусства, в его могучее воздействие на человека, становится все меньше и меньше. Нас так захватывают и оупутывают материальные помыслы, что мы часто забываем, что есть и другой мир, не подлежащий одним только законам биологического и экономического развития.

Репин писал Васнецову: «Если кто меня шевелил — учил самому важному в искусстве — творчеству, так это Ты, — да и не меня одного. Ты огромное впечатление производишь на всю русскую школу».

Глашатаем и баяном о мире ином, полном духовной бодрости и веры в конечную победу добра, является Виктор Михайлович Васнецов. «Как православный и верующий русский человек, — писал Васнецов, — я хотел поставить Господу Богу хоть копейную свечку, но от души».

«Чудный памятник по себе оставил Васнецов русским людям, — говорил художник Нестеров. — Они будут знать в лицо своих святых, угодников и мучеников, всех тех, на кого они хотели бы походить и что есть их заветные идеалы... творчество Васнецова, творчество безыскусственное, добродушное и ясное, как день Божий, способное просветлить и умирить сердца».

Выставка Марка Шагала в Мюнхене

С 5-го августа по 15-е октября с. г. в мюнхенском «Доме Искусства» («Хаус дер Кунст») состоялась большая выставка произведений нашего великого соотечественника Марка Захаровича Шагала.

Выставлено было 217 экспонатов — полотна различных размеров, графика, гобелены. Немало работ было самого последнего времени. Глядя на них, просто трудно себе представить, что их автору уже 91 год, столько в них жизненности и, можно сказать, даже молодости. Нельзя забыть также истовость и нежность, красной нитью проходящие через все творчество художника. В нем действительно «жизнь жительство», как говорится в Пасхальной проповеди с. Иоанна Златоуста. Он один из немногих великих художников нашего времени, о котором можно сказать, что он глубоко проникнут религиозностью. И не случайно им написано столько Распятый и столько вещей на библейские темы. Не зная Священного писания творчество Шагала понять не возможно.

Он много потрудился над украшением не только многочисленных гражданских зданий. В 1957 г. он принял участие в художественном оформлении церкви в Плато д'Асси во французских Савойях. Ему принадлежат знаменитые витражи синагоги при иерусалимском госпитале Хадассах (1962 г.), изображающие двенадцать колен Израиля. Его витражи можно найти в соборах в Меце (1963 г.), в Цюрихе (1970 г.), в Реймсе (1974 г.). Всего лишь несколько недель тому назад в соборе города Майнца был торжественно освящен один витраж Шагала. Второй заказан и художник над ним работает.

7-го июля 1974 г. в Ницце был торжественно открыт «Государственный музей библейского свидетельства Марка Шагала».

И еще одна характерная черта искусства Шагала. Это его укорененность в русском, в родной стране. Вот экспонат № 87, цветная литография под названием «Вос-

кресенье» (1954 г.). Внизу в центре Собор Парижской Богоматери, по бокам — Эйфелева башня и, не то туннель метро, не то мост через Сену, над ними мужское и женское лицо и обнимающая рука с букетом цветов. Одним словом — Париж. А вот, наверху, в уголку: река, родные избушки, церковка с куполом, крестьянские дровни. Как это они попали в Париж? И вот этот «уголковый» мотив далекой родины мы постоянно встречаем и в других композициях. А вот, литография «Колесница пророка Ильи» (1978 г.). Слева направо вверх скачет огненная колесница. Кони тройкой впряжены, хотя перед ними и маячат еще две конские головы. Навстречу летят ангелы. Знающий, так и видит перед собой древнерусские иконописные изображения взятия св. пророка Ильи на небо.

Марк Захарович Шагал родился 7-го июля 1887 г. в г. Витебске, в бедной еврейской семье. В 1907 г. он поступил в Академию художеств в Санкт-Петербурге, где учился на стипендию Императорского общества покровительства искусства. В 1910 г. он в Париже, потом в Берлине. Но в 1914 г., конечно, возвращается на родину. После революции он уезжает в родной Витебск и основывает там Академию художеств. Но уже в 1922 г. он покидает советскую Россию. Навсегда.

А вот, в интереснейшем интервью, которое он дал К. Д. Померанцеву (см. альманах «Мосты» № 4, Мюнхен 1960) на последний вопрос он отвечает следующее:

«... Уже в дверях:

— Вы бы хотели повидать Витебск?

— Хотел бы. Но вот — я еду сейчас в Швейцарию, я ездил в Соединенные Штаты, в Грецию, во много стран, как к себе домой... Но ехать в Витебск, в мой родной Витебск, в свою страну, как турист... Не могу. Слишком тяжело. Простите...»

(Окончание на 19-ой стр.)

ТРОПАРЬ.

Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума, въ немъ бо звѣздамъ служащии, звѣздоу учахуся, Тебѣ кланяются Солнцу правды, и Тебѣ вѣдѣти съ высоты Востока: Господи, слава Тебѣ..

В части нашего издания на этой странице, на этом месте помещена репродукция литографии иконы Богоматери с Младенцем Христом, написанной известным русским иконописцем старообрядцем Софроновым, не так давно скончавшимся в США.

Мы очень надеемся, что эта репродукция доставит нашим читателям, в частности в странах так называемого Восточного блока, радость. Особенно ввиду приближающегося Великого Праздника Рождества Христова.

Репродукция только слегка прикреплена к странице и может быть без труда и без ее повреждения вынута из журнала. Мы надеемся, что эти иконы, которые изготовлены на средства, пожертвованные глубоко верующими христианами, найдут себе соответствующее место в жилищах наших читателей и полагающееся им почитание. Мы верим в то, что Матерь Божия не откажет им в помощи и в безграничном милосердии будет верной заступницей тех, кто обратится к ней с искренней молитвой. Если же, паче чаяния, икона попадет в руки неверующего, то наша покорнейшая просьба не уничтожать ее, а передать ее дальше тому, кто с радостью и благоговением ее примет. Мы верим в то, что такой поступок неверующего зачтется ему при великом Расчете за содеянное на земле.

Святое событие Рождества Христова с самых древних лет оказало большое влияние на церковное искусство. Уже в римских катакомбах можно видеть изображение Пресвятой Девы Марии с Богомладенцем на руках, написанное в профиль и перед Ними — волхвы, приносящие дары. Это — зарождение всем нам хорошо известного

ВЫСТАВКА МАРКА ШАГАЛА В МЮНХЕНЕ

(Окончание с 18-й стр.)

Русская культура (искусство, литература) немислима сегодня без имен таких русских евреев, как Марк Шагал, Исаак Левитан (а кто лучше сумел передать душу русского пейзажа?), Лев Шестов, Семен Франк (православнейший из всех русских философов, по выражению Н. С. Арсеньева), Осип Манделштам, Леонид и Борис Пастернаки и пр., и пр., и пр. Последним упомянем Александра Галича. Имен тех, кто нам хорошо известны, но кто еще там, упоминать, по понятным причинам, не будем.

Выставку Шагала в Мюнхене посетило более ста тысяч человек.

Это была уже вторая выставка. Первая была 19 лет тому назад, в 1959 г.

Александр Цуриков

классического образа Богоматери с Христом Спасителем на руках. Изображение волхвов, как второстепенное, отпало, и остались только — Богородица и Христос. Потому подавляющее большинство икон изображает Матерь Божию в профиль. Потому Христос обычно изображается 2-х летним младенцем по возрасту, изведенному от волхвов (Мф. 2, 16).

В старину в сельских храмах, небогатых иконами, в день праздника Рождества Христова на середину церкви для поклонения выставлялась икона Божией Матери со Христом Младенцем, как изображение Рождества, и величание Праздника пелось перед этой иконой.

Поэтому и мы, поздравляя наших читателей с Рождеством Христовым, посылаем им иконку с изображением Пресвятой Богородицы с Богомладенцем на руках, принадлежащую кисти известного русского иконописца эмигранта Софронова.

Ввиду наступающего праздника Рождества Христова мы считаем своевременным поместить в нашем журнале полный текст того, сравнительно малоизвестного пророчества о рождении Христа, которое изрек за 900 лет до того во вдохновенных и высоко художественных строках ветхозаветный пророк — царь Соломон:

«Когда все окружало тихое безмолвие, и ночь в своем течении достигла середины, сошло с небес от Царственных Престолов на середину погибельной земли всемогущее Слово Твое, как грозный воин. Оно несло острый меч, неизменное Твое поведение, и ставше наполнило все... Оно касалось неба и ходило по земле...» (Прем. Сол. 18, 14—17).

Этот текст вдохновил поэта А. К. Толстого на его строки:

Она — в смиреннии глубоком...
А Он, готовясь с миром в бой,
Глядит вперед, и ясным оком
Голгофу видит пред Собой.

Максимилиан Волошин

РУСЬ ГЛУХОНЕМАЯ

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся корчами объятый.
— «Изьди, дух глухонемой!» —
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел —
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал:

«Сей род упорен:
Молитвой только и постом
Его природа одолима».

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украив твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и воду,
О камни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: Приди...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: — «Бес изьди!».

6 января 1918 г.

ЗДЕНКО АНТИЧ

Еврокоммунизм — угроза или вызов?

Прошло два года после конференции европейских коммунистических партий в Восточном Берлине в августе 1976 года, а тема «Европейский коммунизм» не сходит со страниц европейской прессы и является объектом горячих дискуссий широкой общественности. Поэтому вполне уместно перефразировать знаменитую английскую фразу: «Призрак бродит по Европе — призрак еврокоммунизма». Вероятно дебаты на эту тему — политические и научные, страстные и корректные продолжатся еще много лет.

ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ УТВЕРЖДЕНИЯ

Уже сегодня обе оценки этого феномена резко отличаются друг от друга. Можно сказать, что обозначилось два противоположных мнения. Одно — «пессимистическое», оценивающее эту новую форму коммунизма как большую опасность и считающее все, что с ним связано только видоизмененной тактикой мирового коммунизма с целью скорейшего захвата им власти в свободном мире. Другое — «оптимистическое», предполагающее в еврокоммунизме новое доказательство происходящей постепенной эволюции в сторону демократизации коммунистического движения. На эту тему высказались уже многие западные политики и государственные деятели. Так, примерно год тому назад, бывший министр иностранных дел США Генри Киссинджер с убеждением повторил уже известное мнение об еврокоммунизме, что «Если допустить коммунистов в странах Запада и в особенности в Италии, Франции и в Испании, играть авторитетную роль, то это послужит ослаблению всего Западного союза».¹⁾

В то же время канцлер Австрии Бруно Крайский — политик, которого никак нельзя упрекнуть в наивности по отношению к коммунизму, сказал: «Если европейские коммунистические партии для усиления своего значения... считают правильным обратиться к демократии и признать правильными ее принципы и учреждения, то это большой успех демократии, так как это происходит из желания победы на выборах...»²⁾ а не насильственным путем.

РАЗЛИЧНЫЕ ОЦЕНКИ НА ВОСТОКЕ

И на Востоке, в странах, находящихся во власти коммунистических партий, оценка еврокоммунизма весьма различна. Например, стоит напомнить о статье, опубликованной примерно год тому назад в советском еженедельнике «Новое Время», в которой еврокоммунизм жестоко осуждается как «диверсия реакционных и империалистических кругов, ставящих себе задачей расколоть коммунистическое движение».³⁾ С другой стороны, югославские коммунисты видят в еврокоммунизме не только подтверждение правильности их пути в построении социализма, но и новую стратегию социалистической политики в высококоразвитом промышленном обществе.

Чтобы еще явственнее подчеркнуть особенность этого феномена, нужно добавить, что и мнения ведущих диссидентов в коммунистических странах весьма разнообразны. Так, ведущий польский диссидент, философ Лешек Колаковский (Leszek Kolakowsky), оценивает еврокоммунизм весьма скептически и это несмотря на то, что вожди еврокоммунизма Сантьяго Карильо (Santiago Carillo), Энрико Берлингуэр (Enrico Berlinguer) и Жорж Марше (Georges Marchais) отказались от принципа «диктатуры пролетариата» и выступают за демократические реформы. По словам Колаковского они попрежнему остаются предста-

вителями того движения, которое опирается на могущество советского империалистического государства».⁴⁾

Югославский диссидент Милован Джилас (Milovan Djilas) рассматривает ситуацию более дифференцированно — он допускает возможность постепенной демократизации партий, примкнувших к еврокоммунизму. Он подчеркивает, что три компартии: итальянская, французская и испанская объявили себя независимыми от Москвы. При этом испанская компартия дальше других продвинулась по пути демократизации, за ней следует итальянская, а французская не претерпела каких-либо изменений.⁵⁾

ИДЕОЛОГИЧЕСКИ-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА

Перед тем, как более основательно разобраться в еврокоммунизме, необходимо выяснить некоторые основные вопросы. Что такое еврокоммунизм? Чем он отличается от коммунизма советского типа? Каковы его политические цели и какую политическую стратегию он собирается применить для их достижения? Отвечая на эти вопросы, нужно подчеркнуть, что какой-либо специальной идеологии еврокоммунизма не существует. Еврокоммунисты, также как и «другие» компартии, опираются на учение Маркса и Энгельса и их конечной целью поэтому является коммунистическое бесклассовое общество. В то же время еврокоммунизм отличается от «правовального» коммунизма своей оценкой пост-капиталистического общества, своей стратегией захвата власти, а также концепцией построения социализма. Кроме того, еврокоммунисты больше не верят в то, что Советский Союз является лучшим образцом воплощения социалистической идеи. Поэтому они так решительно отказываются повторять советский опыт и отрицают советскую стратегию социалистической революции и этот факт имеет большое политическое значение.

Общего движения или организации, именующей себя еврокоммунистической,⁶⁾ не существует. То, что сегодня называют этим словом — это совпадающие или очень похожие позиции компартий Италии, Испании и Франции, а также с некоторыми отклонениями компартий Англии, Швеции и Греции. Эти позиции были приняты или съездами отдельных компартий или на совместных конференциях представителей этих партий и опубликованы в форме манифеста.

Хотя Сантьяго Карильо и испанская КП считаются сегодня ведущими в еврокоммунизме, итальянская КП пошла в своей идеологической программе наиболее далеко. Тезисы, разработанные КПИ, известны сегодня под собирательным названием «еврокоммунизм». Важно указать, что это случилось не вчера, а еще в начале 20-х годов, когда была основана КПИ, Антонио Грамши (Antonio Gramsci) — один из основателей партии и Пальмиро Тольятти (Palmiro Togliatti) — ее многолетний руководитель, разработали ряд идеологическо-политических тезисов, которые могут считаться началом еврокоммунизма.

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ГРАМШИ⁷⁾

Уже вскоре после Октябрьской революции, Грамши указал в своей блестящей брошюре «Тюремные записки», что социалистическая революция в странах Запада не мо-

¹⁾ „Das Schisma steht noch aus“, „Spiegel“, 2. 5. 1977.

²⁾ Интервью Милована Джиласа, данное корреспонденту «АРД» (первая телевизионная программа ФРГ) Роберту Франку.

³⁾ Обозначение «еврокоммунизм» принимается Сантьяго Карильо безоговорочно. Позиция Берлингуэра и Марше в этом вопросе осторожнее.

⁴⁾ Смотри также статью Адольфа Гампеля (Adolf Harnpel) «От диктатуры к гегемонии пролетариата», Politische Studien, München, Nr. 235, 1977.

¹⁾ The New York Times, 10. Juni 1977.

²⁾ Интервью Бруно Крайского, данное Западно-Берлинскому телевидению 13 июня 1977 г.

³⁾ «Новое Время», 23 июня 1977 г.

жет совершиться, если следовать русскому примеру.⁸⁾ Он уже тогда пришел к выводу, что «в России государство — это все, в то время как общество находится в начальной стадии развития. На Западе же существует действительное равновесие между государством и обществом. Государство является чем-то вроде внешнего крепостного рва, окружающего целую систему внутренних (общественных) укреплений и валов». Поэтому Грамши не верит в эффективность революционной вооруженной борьбы в условиях Запада, как это было в России, но считает возможной лишь «затяжную позиционную войну», т. е. верит в постепенное изменение общества, причем структура этого общества должна быть использована для установления новых социально-экономических взаимоотношений. По мнению Грамши, в этой «позиционной войне» за преобразование общества, руководящая роль должна принадлежать рабочему классу. Но в отличие от России, этот процесс должен происходить не в форме «диктатуры пролетариата», а в виде «гегемонии общества». «Новое общество будет создаваться рабочим классом, крестьянами, средним городским слоем и представителями свободных профессий, т. е. всеми общественными силами, находящимися под гнетом монополистического крупного капитала».⁹⁾ Руководящая роль рабочего класса в этом боевом союзе будет основываться не на принципе власти и силы, а на интеллектуальном и моральном преимуществе этого передового одаренного класса. Таково мнение Грамши.¹⁰⁾

Основными орудиями для преобразования общества из капиталистического в социалистическое должны быть не государственный аппарат и власть, а Советы трудящихся, основанные на широкой демократической основе при всеобщем участии. Эти Советы должны основываться на самодисциплине и солидарности трудящихся и представлять их от самой низшей до самой высшей социальной ступени. Хозяйственные и политические функции Советов при этом сольются в одно целое.

Эти три идеологическо-политические концепции являются и сегодня, спустя более пяти десятков лет, политической платформой компартии Италии: а) постепенное изменение структуры общества, б) широкий союз общественников трудящихся в органы власти нового общества. К этому несомненно добавить и критический «Меморандум» Пальмиро Тольятти, опубликованный в 1964 г., незадолго до его смерти, в котором он впервые подверг критике советское руководство, выступив против доминирующей роли Советского Союза во всемирном коммунистическом движении, и выдвинул принципы «независимого пути» и «полицентрализма».¹¹⁾

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ КОМПАРТИЙ

Развитие компартий в Западной Европе, а также события в Восточной, доказали правоту компартии Италии в ее идеологическом разногласии с Советским Союзом. Поэтому не удивительно, что компартии Франции и Испании постепенно принимают идеологические и политические взгляды КПИ. К этим основам принадлежит также новая оценка демократического пути как метода захвата власти. Эти новые направления особенно заметны у КПИ. Уже в декларации 1956 года перечисляются все основные элементы «Итальянского пути к социализму».¹²⁾

Французские коммунисты впервые опубликовали свою точку зрения в 1966 году в брошюре «Путь Франции к со-

циализму» и в манифесте «За прогрессивную демократию — за социалистическую Францию», опубликованном и утвержденном в декабре 1968 года.¹³⁾

КПИсп. собрала и опубликовала свои концепции в «Программе-Манифесте» в 1973 году. Утверждение этой программы состоялось на 2-м конгрессе партии в 1975 году. Основные принципы новой оценки политической демократии декларировались не только отдельными компартиями, но также и тремя партиями сообща, например в публикации в 1975 г., а также в выступлениях делегатов КПИ, КПФ и КПИсп. на коммунистической встрече на высшем уровне в Вост. Берлине в 1976 году.

В общей резолюции КПИ и КПИсп. в июле 1975 г. было специально упомянуто, что: «Возможность образования социалистического общества требует предпосылки существования в наших странах убеждения, что это произойдет при развитии и полном применении демократических принципов. Оно должно содержать признание и гарантию свободы отдельных граждан и коллективов, гражданский характер государства и его органов, партийный плюрализм, основанный на свободном диалоге, независимость профсоюзов, свободу совести, свободу слова и культурной, научной и художественной деятельности».¹⁴⁾

В декларации КПИ и КПФ в ноябре 1975 г. сказано, что социалистическое общество должно гарантировать все свободы, независимо от того «являются ли они завоеванными буржуазно-демократической революцией или результатом столкновений отдельных народов последнего века, которые возглавлялись классом трудящихся». Далее в документе сказано: «Под сказанным подразумеваются свободы мысли и слова, прессы, собраний, организаций и демонстраций, передвижения, включая выезд за пределы государства и возвращение, охрана частной жизни, свобода совести, полная свобода образования групп и принадлежности к любым философским, культурным и художественным направлениям, включая свободу открыто высказывать свои убеждения».

КПФ и КПИ подтвердили принцип плюрализма политических партий, право на существование и деятельность оппозиционных партий, свободу создания и смены большинства и меньшинства, гражданский характер и демократическую систему управления... Они также подтверждают право свободной деятельности профсоюзов; большое значение они придают развитию демократии на промышленных предприятиях, в особенности участию рабочих в управлении с правом решающего голоса.¹⁵⁾

Значение этой декларации заключается в том, что основные политические свободы буржуазной демократии впервые действительно признаются ценной частью социалистического общества, причем они являются лучшей предпосылкой в борьбе за социализм.

Общее развитие западноевропейских компартий и следующая из него новая оценка политической демократии имеет историческое значение. С одной стороны они создают политическую программу, которая противоречит концепциям Советского Союза, концепциям, которые обычно декларируются компартиями, принадлежащими к Варшавскому пакту. Таким образом, можно сказать, что в рамках еврокоммунизма происходят изменения, которые в будущем создадут оригинальный западноевропейский коммунизм, идущий на идеологический разрыв с коммунизмом московского типа.

ОПАСНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

С другой стороны несомненно, что вышеописанное происходящее развитие и цитированная декларация сокра-

⁸⁾ Selections from the Prison Notebook of Antonio Gramsci, Lawrenci Wishart, London.

⁹⁾ «Борба», Београд, 24. 7. 76.

¹⁰⁾ Selection from Antonio Gramsci, Op. cit. Также Альфонса Дальма: „Der Italokommunismus“, Eurokommunismus, Edit. Intervrom AG, Zürich.

¹¹⁾ Rimascita, Roma, N. 34, 5. 9. 64.

¹²⁾ Elementi per una dichirazione programatica del partito comunista italiano, L'Unita, Milano, 14. 10. 1956.

¹³⁾ La Marche de la France au Socialism, Paris, 1966, L'Humanité, 7. 12. 1968.

¹⁴⁾ L'Unita, 12. 7. 1975.

¹⁵⁾ L'Unita, 18 ноября 1975. Больше на эту тему у Гейнца Тиммельмана (Heinz Timmermann): «Еврокоммунизм — вызов Востоку и Западу», Deutschland Archiv, декабрь 1976 г.

тили противоречия между западноевропейскими компартиями и либеральной буржуазией. Таким образом, создались предпосылки для образования союза левоориентированных политических сил. С течением времени это развитие несомненно вызовет двойные осложнения. Еврокоммунистам придется доказывать свои демократические убеждения, чтобы сохранить свою способность к союзу с либералами. Осовремененно возникают и затруднения у консервативных и христианских партий, которым, особенно в романских странах Европы, придется считаться с возникающим сильным социалистическим блоком, обладающим новой политической стратегией и тактикой.

ИСТОРИЧЕСКО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БАЗА (HINTERGRÜNDE)

Для углубления проводимого анализа нельзя не упомянуть еще несколько исторически объективных и политически субъективных фактов, имевших влияние на развитие еврокоммунизма. Дело в том, что основной вопрос остается еще неразрешенным: является ли новое политическое развитие, приводящее к еврокоммунизму, только следствием политически субъективных решений, которые сегодня кажутся нужными, но уже завтра могут быть отменены или же перед нами логическое заключение объективно-исторических, социальных и хозяйственных преобразований, ставших в Западной Европе в течение последних десятилетий политически-социальным фактором.

Одним из таких факторов, играющих после Второй мировой войны в Европе и во всем западном мире исключительно важную роль и неожиданно проявившем невероятное жизнеупорство и твердость при одновременной эластичности, является т. н. капиталистический мир. Этим термином обозначен тот общественный порядок, который построен на парламентской демократии и на свободном рынке. Нельзя забывать, что эта общественная форма не только преодолела тяжелый хозяйственный кризис 30-х годов, но и восстановила разрушенную во время войны Европу и добилась невероятных успехов в повышении продуктивности хозяйства и развитии технологии. Система социальной динамики привела к уменьшению классовых противоречий, а система социального страхования позаботилась о том, чтобы слабые, больные и безработные всегда имели право на обеспечение обществом прожиточного минимума. Этой системе удалось справиться с задачей не только дать работу прибл. 20 миллионам немецких и беженцев из Восточной Европы (после войны), но и интегрировать их в западноевропейской экономике. Еще сегодня, в период хозяйственного упадка (Rezession) в Зап. Европе работают примерно 5 миллионов рабочих из европейского юга и юговостока, из Ближнего Востока и Сев. Африки.

Все это — исторические факты политически сильно влияющие на психологические процессы и интеллектуальные разногласия в среде западноевропейских коммунистов. Здесь нужно сказать, что Москва и послушные ей коммунистические партии Зап. Европы уже 50 лет ждут, когда свободная, или, как они говорят, капиталистическая общественная система попадет в тяжелый внутренний кризис, начнет разлагаться изнутри и в конце концов совсем исчезнет.

НАПРАСНЫЕ НАДЕЖДЫ

На ожидании этих событий основывается не только т. н. научный марксизм, но и советская и общекommунитическая политическая стратегия послевоенного периода. Эти мысли, опубликованные Сталиным в его тезисах под заглавием «Основы ленинизма», стали обязательной литературой партийных кадров. Основная мысль этих «тезисов» такова — развитое капиталистическое общество умирает, оно вступило в последнюю фазу своего существования, названную Лениным «империализмом». Оно обречено на гибель, т. к. внутри него развились три роковых противоречия:

- а) Противоречие между трудом и капиталом..., ведущее рабочий класс к революции;
- б) Противоречия между различными финансовыми группировками и империалистическими правительствами в борьбе за сырьевые базы и чужие территории, и
- в) Противоречия между несколькими «цивилизованными» нациями и сотней млн зависимых колониальных народов.¹⁶⁾

Сталин пришел к выводу, что «империализм не только сделал наступление революции неизбежным, но и создал наивыгоднейшие условия для прямого нападения на крепость капитализма».¹⁷⁾

ИРОНИЯ ИСТОРИИ

Эта насмешка истории заключается в том, что сегодня, 60 лет после Октябрьской революции и 50 лет с того времени, когда Сталин «разъяснил» учение Ленина и провозгласил его догмой коммунистической стратегии, три вышеназванные противоречия проявляют себя на много чаще в Советской империи, чем в т. н. капиталистическом мире. Не на Западе, а в пределах коммунистической системы, происходят восстания рабочих, как признак или следствие величайших внутренних противоречий: в Германской Демократической Республике в 1953 году, в Польше и Венгрии в 1956 г., в Чехословакии в 1968 г., повторно в Польше в 1970 и 1976 гг. Это почти регулярное явление. Взаимоотношения между империалистической властью и поработенными народами нигде в мире не достигли такой остроты и недоверия, как под властью Сов. Союза. Также и противоречия отдельных центров социалистического мира, как напр. между Сов. Союзом и Китаем и между Сов. Союзом и Румынией, своей остротой и безапелляционностью несравнимы ни с чем, происходящим на Западе. Сравнение ленинских тезисов об империализме с сегодняшней мировой ситуацией ясно показывает насколько эти тезисы устарели и опровергнуты жизнью. Это является концом ленинского мифа, учения, трактуемого о безошибочной революционной стратегии в империалистическую эпоху капитализма. Коммунисты романских европейских народов достаточно раумны, чтобы осознать противоречия между марксистско-ленинской догмой и реальностью.

Одновременно с укреплением и стабилизацией западноевропейского общества, хозяйственной экспансией, прогрессивной социальной политикой и все усиливающейся демократизацией политических и хозяйственных структур, ярко выдвигается постоянное уменьшение классовых различий. Растущий жизненный стандарт, новые развития в области технологии производства и связанного с ним роста автоматизации, не только численно сократило рабочий класс, но также в корне изменило его политические функции. Постоянно увеличивается значение группы т. н. свободных профессий (Dienstleistungsgewerbe). Эта социальная прослойка, численно превышающая число рабочих в современном промышленном предприятии, представляет, не только с социальной точки зрения, переход к среднему классу буржуазии, но явно показывает стремление к слиянию с этим классом. Тоже самое можно сказать и о квалифицированных рабочих.

Чтобы победить на выборах, европейские компартии должны получить голоса не только служащих, торговцев и ремесленников, но и мелких предпринимателей и «бизнесменов». Это заставляет еврокоммунистов не только выступать с соответствующими измененными выборными обещаниями, но и с кардинально измененными программами, причисленными согласно демократическим правилам. Это одна из причин, по которой в декларации КПИ в ноябре 1955 года содержится обещание «гарантировать все свободы», безразлично, являются ли они «достижениями бур-

¹⁶⁾ И. В. Сталин, Проблемы ленинизма, Москва, 1954.

¹⁷⁾ Там же.

жуазно-демократических революций или результатом народной борьбы нашего столетия.¹⁸⁾

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ИГА КОМПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Кроме вышеописанных больших общественных перемен в Зап. Европе, сыгравших свою историческую роль и оказавших бесспорное влияние на перемену программ западных компартий, на них повлияли также и события в коммунистических странах, особенно в Сов. Союзе. Полная несостоятельность советской системы почти во всех областях построения социализма не осталась неизвестной руководителям коммунистических партий западно-европейских стран. В эпоху величайшего распространения средств информации было бы и бессмысленно скрыть многочисленные неудачи. Особенно невозможно было бы скрыть разоблачения XX партсъезда: количество жертв сталинских чисток и неслыханное попрание прав человека.

Характерно, что процесс изменения основных взглядов начался в первую очередь в КПИ и КПИсп, причем можно точно проследить и установить, как начался и как проходил этот процесс; — настолько четко он отражен во всех действиях партийных органов и в официальных декларациях. В рядах КПФ такое изменение произошло сразу, так, как если бы на это был какой-либо приказ или принуждение. На это имеются свои основания. КПФ образовалась из сильного национального лево-якобинского течения. Уже перед Второй мировой войной это была сравнительно сильная партия с 72 депутатами в парламенте. Во время войны партия включилась в организацию сопротивления против германской оккупации. В этот период политика партии соответствовала интересам Франции, а Сов. Союз был не только социалистическим отечеством трудящихся, но и союзником Франции в борьбе с германской военной машиной. Этим объясняется, что КПФ в своей политике сегодняшнего дня опирается на события, связанные с французской историей, которая в этом государстве играет большую роль, и поэтому компартия Франции дольше других остается в повиновении Москве. После войны КПФ становится самой сильной политической силой Франции. В ноябре 1946 г. она насчитывает в своих рядах более 900 000 человек и получает на выборах более 5 миллионов голосов, т. е. 28,6% от общего количества. Историческое развитие, национальные особенности и политические успехи не создали необходимости пересмотра благожелательного отношения французов к Сов. Союзу и связанного с этим изменения в отношении членов КПФ к «социалистическому отечеству».¹⁹⁾

ПОЛОЖЕНИЕ КПИ и КПИсп.

Совершенно иначе создавалось положение КПИ и КПИсп. Обе партии должны были после победы фашизма уйти в подполье. Руководящие политики бежали за границу, частично в Сов. Союз. Там некоторые из них, став членами руководящей фракции Коминтерна, проводили по поручению Сталина под прямым руководством Димитрова, Пальмиро Тольятти, Долорес Иббарури и Сантьяго Карильо чистки среди итальянских, испанских и др. западноевропейских товарищей; сначала на территории Сов. Союза, а потом и в Италии и в Испании.²⁰⁾

Обе романские компартии испытали одинаковую участь. Они обе проиграли политическое сражение, обе были после этого почти уничтожены и кадры обеих подверглись сталинской чистке. Это могло быть причиной того, что пережившие чистки вожди итальянской и испанской компартий стали впоследствии инициаторами политиче-

ского освобождения от Сов. Союза. Большой поворотный пункт имел место только после XX съезда, на котором Хрущев произнес свою знаменитую, развенчивавшую Сталина речь. В том же году на VIII съезде КПИ было положено основание десталинизации, при этом с полной поддержкой Тольятти. На этом съезде впервые обратил на себя внимание молодой Энрико Берлингуэр (Enrico Berlinguer). С того дня он, опираясь на авторитет Тольятти, изучает базирующийся на традициях социализма италокоммунизм и выдвигает на обсуждение ряд практических политических предложений.

1957 ГОД И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

В этом году произошло еще два исторически знаменательных события, особенно важных для дальнейшего развития еврокоммунизма. Первый коммунистический «еретик» и оппонент Сталина — Иосип Броз-Тито одержал в Москве знаменательную победу, явившуюся результатом продолжительной драматической борьбы за десталинизацию в странах, подчиненных Москве. В общем коммюнике, подписанном по окончании государственных и партийных совещаний, подтверждалась точка зрения Белграда от 1955 года, в частности — провозглашенные установки о «взаимном уважении суверенитета, равноправии и невмешательстве во внутренние дела». И это как основной принцип, «практическое применение которого во взаимоотношениях все увеличивающегося числа правительств и стран, дает возможность продуктивного сотрудничества».²¹⁾ Таким образом, Москва впервые должна была письменно и торжественно признать за другой коммунистической партией право на полную самостоятельность и равноправие в государственных и партийных отношениях. Это было не только началом зарождения знаменитых тезисов Тольятти о полицентризме, разработанных им позже, в 1964 г. в «Ялтинском меморандуме», но и попыткой теоретически обосновать произошедший позже откол албанских и китайских коммунистов, а также упорное стремление румынских коммунистов добиться большей национальной независимости.

Другими крупными событиями 1956 года были рабочие восстания в Польше и в Венгрии. Тольятти был вынужден солидаризоваться с выступлением Сов. Союза в этих двух государствах, но эти события привели к особенно серьезным внутренним конфликтам в итальянской, испанской и французской компартиях. Из КПИ и КПФ были исключены сотни руководящих интеллектуальных членов партии за подпись под манифестом, протестующим против подавления венгерского восстания. Венгрия была всего лишь одним из многих примеров того, как Сов. Союз демонстрировал перед всем миром свои стремления к гегемонии и империализму. Последующие события в Чехословакии и в Польше ясно показали, что произошедшее не было случайной ошибкой системы, а, напротив, было проявлением стремления к гегемонии и империалистических стремлений могущественного государства. В КПИ, КПФ и КПИсп. еще сегодня, в 1978 году, не забыто вторжение войск Сов. Союза и государств Варшавского пакта в Чехословакию: «Мы никогда не переставали выражать наш протест против мер, которые должны были испытать граждане и коммунисты Чехословакии из-за их политических убеждений... День 21 августа — не забыт...» — стояло в редакционном комментарии газеты «Унита» по случаю годовщины занятия Чехословакии.²²⁾ Испанские коммунисты реагировали еще энергичнее. Член ЦК КПИсп. Сантьяго Альварес опубликовал по этому случаю заявление, что «испанские коммунисты видели в „Пражской весне“ тот тип социалистического общества, который мы, на основании наших конкретных условий и опыта, желаем иметь в Испании».²³⁾

¹⁸⁾ L'Unita, 12. 7. 1975.

¹⁹⁾ См. также Joseph Rovin „Die kommunistische Partei Frankreichs (Компартия Франции), Euro-Kommunismus AG, Издательство Edition interfrom, Zürich, 1977.

²⁰⁾ Alfons Dalma, Op. cit.

²¹⁾ Jugoslovenski pregled, Белград, март 1957.

²²⁾ L'Unita, 21. 8. 1977.

²³⁾ Mundo Obrero, N. 11, 1. 5. 1968.

ДРУГИЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

Внутренний раскол, проявившийся в польских и венгерских, а позже и в чехословацких событиях, не удалось в дальнейшем ликвидировать. Последующие годы показали, что образовавшаяся пропасть еще углубилась. Еврокоммунисты, поддержанные югославской и, частично, румынской партиями, стремятся модифицировать и даже совсем отменить идеологические тезисы, привязывающие их к Сов. Союзу, как к образцу построения социализма. При этом в первую очередь дело идет о расшифровке термина «*пролетарский интернационализм*», возведенного Сталиным еще в 1927 году в центральный догмат коммунистической идеологии, требующий *обязательной лояльности* всего коммунистического движения по отношению к Сов. Союзу. Следовательно: «*Интернационалистом может быть только тот, кто готов безоговорочно, без колебаний и без каких-либо условий выступить в защиту СССР*». ²⁴⁾ Другими словами это означает, что все, что Сов. Союз в пределах своей власти и вне их считает правильным и полезным для революции, должно признаваться и защищаться. Эта сталинская расшифровка «пролетарского интернационализма» была для западноевропейских компартий и для партий Югославии и Румынии слишком узкой и связывающей. Быть интернационалистом означает, по их мнению, — обязательство солидарности по отношению ко всем антиимпериалистическим силам, в которые включаются и национальные освободительные движения стран третьего мира, коммунисты в западных странах и социалистические государства. Московская интерпретация понятия «*пролетарский интернационализм*» была отклонена еще и потому, что она отягощалась претензиями на идеологическое и политическое руководство.

История действительно сыграла, по Гегелю, гениальную шутку на восточно-берлинской конференции европейских компартий, которую советское руководство старательно организовывало, с целью преодолеть возникшие идеологическо-политические разногласия и усилить свою позицию руководства, и на которой западноевропейским компартиям, совместно с югославской и румынской, удалось добиться и торжественно утвердить свое право на независимость, самостоятельный путь построения социализма и собственную политическую стратегию. Больше того, во время тяжелых, продолжавшихся двадцать два месяца переговоров, западные компартии (КПИ, КПФ, КПИсп., британская и шведская КП) настолько сблизилась с румынской и югославской КП, что сегодня их можно называть «Блокотом автономистов», в отличие от верных Москвы «Централистов». ²⁵⁾

Советское руководство перенесло это тяжелое поражение не моргнув глазом, но перешло немедленно после конференции в контр-наступление. Сначала вспомнили о сталинской интерпретации «*пролетарского интернационализма*» и отправили виновникам интенсивные предупреждения об опасности «ревизионизма». Не прошло еще и года после восточно-берлинской конференции, как секретарь ЦК Чехословакии Василь Билак (Vasil Bilak), известный как один из главных противников еврокоммунизма, выступил в союзе журналистов Чехословакии с тяжелыми обвинениями по адресу западных компартий. Еврокоммунизм оказался для него ничем иным, как «*некой попыткой буржуазии расколоть международный коммунизм по географическому признаку, привести все в движение, чтобы в результате разрушить единство нашего движения*». ²⁶⁾ Несколькими днями позже московский пропаганд-

ный аппарат начал кампанию против ген. секретаря КПИ Исп. Сантьяго Карильо: в еженедельнике «Новое Время» был подвергнут жестокому осуждению принцип «еврокоммунизма», как он формулируется в книге Карильо «*Еврокоммунизм и государство*». Согласно «Новому Времени» эта формулировка служит противопоставлению компартий Запада и социалистических государств и «*дискредитации социализма в коммунистических государствах*». ²⁷⁾

Острота и размер полемики показали, какой глубины достигло разногласие западно-европейских компартий с КП СССР в основных идеологических и политических вопросах. Три большие партии Зап. Европы, поддержанные югославской и румынской КП, не согласны отказаться от завоеванных ими позиций. Сов. Союз, опасаясь, что тезисы еврокоммунизма могут послужить *политической платформой внутренней оппозиции* в Сов. Союзе и в других восточноевропейских странах, т. е., стать собирательным импульсом оппозиции, настаивает на конфронтации. Так как Сов. Союз вынужден теперь примириться с существованием раскола с компартиями Европы, этот вызов Сов. Союзу может привести общеевропейское развитие к неожиданным результатам.

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА И ЕВРОКОММУНИЗМ

Еврокоммунизм стал за эти годы признанным фактом в Европе. Невольно становится вопрос, придут ли КПФ и КПИ в ближайшее время к власти? Ясно, конечно, что в обеих странах компартии не могут добиться большинства. Даже больше — по примеру Португалии можно предполагать, что на левом политическом крыле социалисты во Франции окажутся сильнее коммунистов. Социалисты располагают в данное время примерно 30% голосов, а коммунисты, потеряв в последние годы многих сторонников, опираются только на неполных 20% избирателей. При опросе избирателей, произведенном брюссельской комиссией Европейского Содружества, выяснилось, что только 12% опрошенных отдадут свои голоса коммунистам на предстоящих выборах в Европейский Парламент. Также необходимо учесть, что во Франции в данное время нарастает сильная антикоммунистическая волна, благодаря которой сенсационные неожиданности вполне возможны.

Положение в Италии совершенно иное. Там все еще продолжается усиление КПИ. В течении *последних тридцати лет* число избирателей КПИ возросло с 5 до 12 миллионов. КПИ является не только самой многочисленной партией, но она отличается от других дисциплиной и послушанием своих членов, выдержавших испытания в ситуациях полных противоречий. Отделения и ячейки партии находятся не только в каждом предприятии и округе страны, но даже в каждом жилом квартале больших городов. Гегемония в области культуры, требуемая по теории Грамши, практически почти достигнута. Руководящая роль коммунистов в итальянских профсоюзах за последние 10 лет качественно значительно улучшилась. Главной и сильнейшей опорой коммунистического влияния в Италии является *растущее участие КПИ в провинциальных органах управления*, и в решающих политических инстанциях, включая самые высшие. Это положение действительного государства в государстве выдвигает КПИ над всеми другими компартиями Западной Европы. Такой концентрации силы при выгодном стратегическом положении КПИ добилась *двойной стратегией*. В течении 30-ти лет партия сделала все возможное, чтобы с помощью дедмагии, забастовок, требований повышения заработной платы и падения рабочей дисциплины разрушить хозяйственную структуру страны. Теперь, с недавних времен, она рекламирует себя конструктивной силой, без участия которой возрождение хозяйства невозможно. В области общественной безопасности партия способствовала *развитию радикальных тенденций и ослаблению административной власти и судопроизводства*. Марио Черви (Mario Cervi) сказал по этому поводу: «Коммунисты сегодня за

²⁴⁾ Собрание сочинений Сталина, т. 10, 1952.

²⁵⁾ Смолри: Kevin Devlin, The Challenge of Eurokommunism, в: Problems of Communism, Jan. Febr. 1977, Vol. XXVI.

²⁶⁾ Виктор Майер: «Билак о еврокоммунизме», Frankfurter Allgemeine Zeitung, 20. 6. 1977. Больше на эту тему у Бориса Левицкого: „Zur Auseinandersetzung m. d. Eurokommunismus i. d. UdSSR“, Bundes Institut für ostwissenschaftliche und internationale Studien, Köln, 1977.

²⁷⁾ Neue Zürcher Zeitung, 25. 6. 1977.

порядок, но нельзя забывать о многих других, для которых их партийный символ все еще означает революцию. Они не скупятся на устные обещания, но не дают согласия на решительные действия против террористов. Эта нерешительность передается по политическим каналам правительству...»²⁸⁾

Этой нерешительностью замыкается круг идеологии и тактики. По мнению австрийского публициста Альфонса Дальма, итальянские коммунисты сами находятся в этом круге.²⁹⁾ По его словам получается, что Берлингуэр и его товарищи «испуганы силами, которые они сами разбудили. Они стоят в страхе перед размерами лавины, которую они сами вызвали». Берлингуэр стоит перед решением: взять власть и ответственность в стране и потерпеть фиаско из-за реакции национального международного хозяйства и политики. Так блестяще начавшийся чилийский эксперимент Альенде (Allende) с его трагической развязкой, еще свеж в памяти итальянских коммунистов. Должен ли Берлингуэр обратиться за помощью к Сов. Союзу и к Восточной Европе — к странам, которые сами во всем нуждаются? Должен ли он, мысля в идеологических категориях, следуя Грамши, придерживаться «медленной революции через гегемонию», или же заняться удалением ленинских метастаз?

СУТЬ ПРОБЛЕМАТИКИ

Суть всей проблематики заключается в том, что партия, построенная на ленинских принципах, несмотря на все заверения, не в состоянии быть демократической. Пока она остается ленинской, до тех пор она будет вести «двойную игру» и этим разрушать демократическое «*fair play*» и демократическую основу общества. Поэтому мы считаем совет Милована Джиласа (Milovan Djilas), который всегда был оптимистом в оценке еврокоммунизма, данный им Берлингуэру, крайне удачным: «Пробным камнем еврокоммунизма является его способность повернуть курс на 180° и таким образом систематически отмежевать-

ся не только от сталинизма, но и от ленинизма». Польский диссидент Лешек Колаковский (Leszek Kolakowski) приходит к тому же выводу в том, что касается ленинских основ партийной жизни. Как дальнейшее условие признания правильности еврокоммунизма, он обосновано требует полного обвинения Сов. Союза за его заблуждения, ошибки его гегемонический империализм и деспотию, а не видеть в Сов. Союзе высшую форму общественного порядка.

Независимо от того, в какую сторону в дальнейшем пойдет развитие еврокоммунизма, Западу и демократическим партиям Европы необходимо наблюдать это политическое явление с большим вниманием, чем это было до сих пор. Можно предположить, что еврокоммунизм, уже благодаря собственной динамике, будет развиваться дальше, причем для этого сегодня все пути еще открыты. Уклонизм Карильо и еврокоммунизм являются для Сов. Союза чреватых последствиями событием. Поэтому Западу рекомендуется серьезно отнестись к этому конфликту и считаться с возможностью обострения положения в будущем. Правда, он не может влиять на происходящее, но все же не рекомендуется, только из-за отсутствия внимания, проспать очередной раскол мирового коммунизма. Как оказалось, советский блок не отличается стабильностью, наоборот, он оказался мало устойчивым.

Необходимо, чтобы свободные народы и демократические партии стран Зап. Европы следили за тем, как держат себя коммунисты в Риме, Париже и в Мадриде в своей ежедневной политической практике. Например: за какие законы они голосуют, за какие нет. Во-вторых, никто из демократов не должен уклоняться от дебатов с еврокоммунистами, наоборот, пройдя идеологическую подготовку, они должны вступать с еврокоммунистами в открытые критические дискуссии, чтобы заставить их открыть свои планы по поводу свободы, демократии, государственного строя, защиты граждан от произвола правительства и, что самое важное, отношения к Сов. Союзу. От этих больших идеологических дискуссий, которые мы должны провести у нас самих, зависит наше будущее и будущее наших детей. Эти идеологические конфронтации являются необходимостью нашей эпохи. В чью пользу будет результат — зависит исключительно от каждого из нас.

²⁸⁾ Alfons Dalma, Op. cit.

²⁹⁾ Из статьи Альфонса Дальма: «Об итальянском коммунизме».

ВЛАДИМИР ИЛЬИН

Проблематика Льва Толстого

Буквально все обрываются на Льве Толстом. И это по причине его полипериодизма и многостилия. Некоторые позорно скандалятся — особенно представители крайних социально-политических течений. Кажется всего только один не оборвался. Этот один — Константин Леонтьев — автор самой замечательной книги о Толстом: «Анализ, Стиль и Веяние». И это может быть по той причине, что было чему у этого гениального человека отозваться на гений Льва Николаевича Толстого: могучий жизненный порыв — то, что Анри Бергсон называет «*Élan vital*», литературно-творческий и мыслительский гений, стихийное тяготение к красоте, в том числе и к народной, религиозная встревоженность, подогретая пророческим пафосом, ужас перед смертью, аристократический «гран-сеньерский» дух. Но во всем прочем — какая противоположность и особенно какая противоположность судьбы, впрочем и эта противоположность более спектакулярного, внешнего характера. Где-то на большой глубине судьбы, великого старца земли русской и «великого изгоя земли русской», лучшего критика Толстого и его лучшего ценителя — сходятся. Ибо Константин Леонтьев, в противоположность его тьмо-численным противникам, предтечам будущего большевизма, был главным и единственным просвещенным и понимавшим дело ценителем великого русского романиста, если

не считать М. Н. Каткова, в журнале которого «Русский Вестник» единственно только и мог печататься Лев Николаевич. Вход во все другие журналы ему был наглухо закрыт, благодаря уже и тогда царившим условиям красного литературного критического террора. А что тогдашние нигилисты народники были прямыми предтечами большевиков, это в наше время утверждали не какие-нибудь «реакционеры», но ни более ни менее такие, стоящие вне всяких подозрений, писатели как Г. Алданов и К. Мочульский. Религиозной тематикой и вообще мирозерцания и мыслительской сферы у Льва Николаевича Константин Леонтьев не касается или почти не касается, находя совершенно справедливо, что и сфера искусства, сфера красоты, занимает у Толстого такое гигантское и совершенно автономное положение, что ее одной вполне достаточно, чтобы сделать из Толстого то, что он есть.

Это Константин Леонтьев открыл, что когда Толстой менее всего думает о красоте, именно в рассказах из народного быта — он и дает самое лучшее. Граф Лев Николаевич Толстой прежде всего гран-сеньер. Н. А. Бердяев совершенно прав. По складу своего ума Толстой, как принято говорить и думать — «рационалист». Различие между Н. А. Бердяевым и Толстым то, что Толстой, чтобы там он не говорил и чтобы о нем не говорили, прежде всего и

после всего художник, Бердяев прежде всего и после всего — мыслитель. Этим может быть и объясняется то, что Толстой, хотя и избрал на долгое время своим художественным объектом так наз. «критику» (какую и чего — это безразлично) все же смотрит (сознательно или бессознательно — это тоже безразлично) на нее как артист и обходится с ней тоже как артист, то есть глубоко произвольно, причем к произволу артиста здесь еще присоединяется произвол гран-сеньера, часто даже крепостника-феодала с разбойничьими привычками. Вся разница с прежними феодалами та, что он с объектами своих (интеллигентских «антифеодалных») антипатий обходится жестоко по крепостнически самодурно, ни мало не рационально и делая только вид, что пользуется услугами разума, которому единственно и доверяет. Но на самом деле разум у него на побегушках и служит верным рабом приживалом у этой могучей стихийно земной воли и у этих властных аристократических инстинктов.

Бедные неумные «толстовцы» и не догадывались, что они все же приживалы и пяткочесатели у гениального артиста-барина и что им готовилась и готовится самая жалкая судьба и что в историю они войдут смешными хромыми ослами, на которых воссел одно время, пробовавший «исправить» Евангелие Христово властный аристократ, воссел, но потом испугался и поспешно слез и пошел куда глаза глядят, ибо им овладел в последний раз приступ страха смерти — перед подлинной и близкой смертью. Да и вообще смерть — это было то, что своеобразно вдохновляло Толстого в течение всей его долгой жизни, внешне — счастливой, внутренне глубоко несчастной. Вдохновляло как на художественное творчество так и на философские размышления. Это «таналогическое» (смертное) вдохновение, где у него так много общего с Чайковским, с которыми его также сближает уход в народ, в народную стихию для избавления от смертных ужасов — вполне соответствует и двум его философско-метафизическим любимцам — Шопенгауэру (с Кантом) и Буддой. С Паскалем Толстого сближает также как и г Гоголем «нигилистическое» отношение к временным ценностям культуры перед лицом вечности, ужас перед смертным молчанием бесконечных ледяных пространств, что приводило в содрогание Фета и Тютчева, — тоже любимцев Толстого и едва ли не на той же почве ужаса перед «ничто». Кстати у Фета есть целая поэма на эту тему (собственно и несколько поэм). Они то особенно и привлекали внимание автора «Смерти Ивана Ильича». Толстовцам этого никогда не понять покуда от «толстовства» они не обратятся к самому Толстому. Но этого они никогда не сделают по причине своей крайней мелкотравчатости, бескрылости и бездарности (последнее — в особенности, это то, чем они сближаются с русским «радикализмом» и «марксизмом», в свою очередь весьма и по той же причине тяготевшему к «толстовщине»).

Одна из главных тем в анализе жизни и творчестве Льва Толстого — это история того, как он заболел толстовщиной и как он стал выздоравливать от нее, и как ушел от нее, и как эта толстовщина преследовала его при жизни, и как она не дала ему умереть по настоящему, как она продолжает следовать за Толстым черной тенью в толстовщине радикальной русской интеллигенции, в марксизме. Сюда же относится злорадство по этой причине у врагов Толстого и радость по этому поводу мнимых друзей Толстого — опять таки в особенной степени среди официальных представителей советско-русской литературной критики по сей день.

По вполне понятной причине мы обратим особое внимание на последнюю сторону дела, так как это составляет предмет нашего особого интереса, усугубляющегося тем, что анализ (и психоанализ) патологических и антропологических деформаций и неправд в этой области поможет нам искать путей того самого освобождения Толстого, к которому великий старец в предсмертные дни и часы стремился с нарастающей силой и настойчивостью.

Насколько психоанализ по методу Фрейда, Юнга и Адлера может быть прямолинейно и безощадно приводим к марксистам и интеллигентам толстовцам, настолько операция должна производиться осторожно по отношению к самому Толстому.

Вещи познаются из сравнения. Величайшие гении России и ее величайшие умы — Достоевский и Толстой. Обратимся к их сравнительному анализу у Ник. Алекс. Бердяева в его гениальной книге «Мирозозерцание Достоевского»:

«... поразительна противоположность Достоевского и Толстого. Достоевский был глашатаем совершающейся революции духа, он весь в огненной динамике духа, весь обращен к грядущему. И вместе с тем он утверждал себя почвенником, он дорожил связью с историческими традициями, охранял исторические святыни, признавал и историческую церковь, и историческое государство. Толстой никогда не был революционером духа, он — художник статический — устоявшегося быта, обращенный к прошлому, а не к будущему, в нем нет ничего пророческого» (можно даже сказать, что он левит взбунтовавшийся против своего «левитства», и потому к нему прикованный и обреченный на неминуемое возвращение к нему, — В. И.). Далее продолжает Бердяев о Толстом, что «он бунтует против всех исторических традиций и исторических святынь, с необычайным радикализмом отрицает историческую церковь и историческое государство, не хочет никакой преемственности культуры». (Какой-то антитолстовец назвал это зло и жестоко «робинзонадой». — В. И.).

«Достоевский изобличает внутреннюю природу русского нигилизма. Толстой сам оказывается нигилистом, истребителем святынь и ценностей. Достоевский знает о совершающейся революции, которая всегда начинается в духовной подпочве. Он прозревает ее пути и ее плоды. Толстой не знает, что началась в духовной подпочве революция и ничего не подозревает, но он сам захвачен одной из сторон этого революционного процесса как слепец. Достоевский пребывает в духовном и оттуда все узнает. Толстой пребывает в душевно-телесном и потому не может знать, что совершается в самой глубине, не предвидит последствий революционного процесса. Искусство Толстого, быть может, более совершенное чем искусство Достоевского, его романы — лучшие в мире. Он великий художник ставшего. Достоевский обращен к становящемуся. Искусство становящегося не может быть так совершенно, как искусство ставшего. Достоевский более сильный мыслитель чем Толстой, он более знает, он знает противоположности. Толстой же не умеет повернуть голову, он смотрит вперед по прямой линии. Достоевский воспринимает жизнь из человеческого духа. Толстой же воспринимает жизнь из духа природы. Поэтому Достоевский видит революцию, совершающуюся в глубине человеческого духа. Толстой же прежде всего видит устойчивый, природный строй человеческой жизни, ее растительно-животные процессы. Достоевский на своем знании человеческого духа основывает свои предвидения. Толстой же прямолинейно бунтует против того растительно-животного человеческого духа, который он исключительно видит. И для Достоевского оказывается невозможной моралистическая прямолинейность Толстого. Искусство Толстого есть Аполлоновское. Искусство Достоевского — Дионисовское искусство...».

«Толстой всю жизнь искал Бога, как ищет его язычник, природный человек, от Бога в естестве далекий. Его мысль была занята теологией и он был очень плохим теологом. Достоевского мучит тема не столько о Боге, сколько о человеке и его судьбе; его мучит загадка человеческого духа. Его мысль занята антропологией, а не теологией. Он не как язычник, не как природный человек решает тему о Боге, а как христианин, как духовный человек решает тему о человеке. Поистине вопрос о Боге — человеческий вопрос. Вопрос же о человеке — божественный вопрос и может быть тайна Божия лучше раскрывается через тайну человеческую, чем через природное обращение к Богу вне

человека. Достоевский не теолог, но к живому Богу он ближе чем Толстой, Бог раскрывается ему в судьбе человека» (стр. 18—21).

Этим Бердяев хочет сказать, что Достоевский есть подлинно христианский экзистенциалист.

Однако к острым и безусловно верным соображениям Н. А. Бердяева надо присоединить нижеследующие размышления. Прежде всего то, что говорит Н. А. Бердяев о Толстом вполне оправдывает отлучение Толстого от Церкви — и остается только удивляться, что это отлучение последовало так поздно. Во вторых — у Л. Толстого никогда не было конфликтов с Достоевским вроде тех, что были у него с Владимиром Соловьевым или с Николаем Федоровым, и, где последние два не щадили резких слов и выражений для осуждения автора плоской — надо сознаться откровенно — «Критики догматического богословия». А между тем эта «критика» и ей подобные вещи нулевого значения для литературы и крайне отрицательного для общей умственной культуры (независимо от вопросов вероисповедания) была единственным основанием популярности Толстого в широких кругах радикальной интеллигенции обоих полушарий — включая сюда большевиков, несомненно принадлежащих к этой интеллигенции, именно к ее крайне левому крылу. Художественный гений Толстого был для этих господ, совершенно лишенных здравого критико-эстетического чутья, лишь досадной помехой — и это очень легко доказать соответствующими справками и текстуальными ссылками.

Однако не менее легко доказать, что сам Толстой, в период наибольшего обострения своих нигилистических нападок на культуру, вполне разделял (временно, конечно) ненависть русской «писаревщины», «чернышевщины» и «добролюбовщины» к красоте и воевал с нею варварски и беспощадно. Разница была однако та, что у Толстого эта война с красотой спасающей мир (по дивному и гениальному выражению Достоевского) превратилась в самоотрицание, в почти что самоубийство, в то время как отрицание красоты со стороны «товарищей», нигилистов и большевиков было самораскрытием и самоопределением их грязных и безбожных душ. Ясно, что артистическая природа Толстого со вложенными в него задатками народного бытового консерватизма благочестия должна была рано или поздно восторжествовать. Оно так и случилось. Уже в таких произведениях, как «Хозяин и работник», «Корней Васильев», «Чем люди живы», «Три старца» и др. произведений, вызывавших восхищение такого компетентного в литературно-критическом и в церковно-религиозном отношении как консервативный и блестяще одаренный Константин Леонтьев — эти произведения последнего периода показывают возвращение к вековому укладу благочестиво устроенной русской души, где совесть и бытовое церковное благочестие соединены в один прочный сплав. Уже недалеко то время, когда полный треволги по поводу своих внецерковных и антицерковных блужданий, он напишет одно из своих последних писем Бирюкову, где посоветует ему ходить в церковь и с гневом отвергает всю популярно-научную, «просветительски» безбожную и сек-

тантскую литературу, которая составляет альфу и омегу русского радикализма и большевизма, и где Алдановы, Маклаковы, Вишняки и проч. составляют одно целое с большевизмом. Союз великого артиста консервативной складки с этой нигилистической и умопомрачительно бездарной и плоской мелюзгой мог быть не надолго, мог быть лишь чрезвычайно непрочным и поверхностным, случайным: говоря углубленно — его вообще и не было вовсе; было временное и случайное перекрещивание путей. И это очень хорошо показано с большим мастерством, с убедительностью и литературной мощью И. А. Буниным в «Освобождении Толстого».

С массой убедительных текстов и ссылок мастерски вкрапленных в основной текст книги величайший мастер русской прозы XX века показывает, что творческий многолетний путь Толстого был путем непрерывных и мучительно титанических усилий всестороннего освобождения. Освобождения от терзавшей его стихийными страстями плоти, от общих мест и трафаретов, от пошлостей и условностей большого света; от толстовцев и интеллигентов — Маклаковых, Алдановых, Бирюковых, Чертковых, от страха смерти, от сомнений — и все это ради входа в живую конкретную вечность живого личного человеческого духа, не абстрактного, не духа «философов и ученых», выражаясь языком любимого Толстым Паскаля, но духа живущего в Церкви и в ею созданной культуре.

«Когда читал Ваши статьи о Толстом, вспомнил ночь в Крыму, Гаспре, когда я один сидел около тяжело больного Льва Николаевича. Мы, врачи, тогда почти потеряли всякую надежду, и сам он, по моему, убежден был в неизбежности конца. Он лежал и, казалось, был в полузабытьи с очень высокой температурой, дышал очень поверхностно и вдруг слабым голосом, но отчетливо произнес: «От Тебя пришел, к Тебе вернусь, прими меня, Господи, — произнес так, как всякий просто верующий человек». (Свидетельство доктора И. Н. Альтшуллера в письме к И. А. Бунину в «Освобождении Толстого», стр. 255).

А вот что пишет молодой, полный сил и начинающий свой юный полет, великий гений о юродивом Грише, типичном образе церковно-народной святости и как бы олицетворение всей верующей, молящейся и ясновидящей России:

«О, великий христианин Гриша! Твоя вера была так сильна, что Ты чувствовал близость Бога, твоя любовь — так велика, что слова сами собою лились из уст твоих — ты их не проверял рассудком. . . И какую высокую хвалу ты принес Его величю, когда, не находя слов, в слезах повалился ты на землю» («Детство и отрочество», стр. 35).

Эти слова Толстого, произнесенные на крайних полюсах его жизни, являются исчерпывающим ответом радикальным интеллигентам, толстовцам и большевикам, пытающимся на «проходных» кощунствах Толстого что-то основать и перенести на душу великого страдальца гения (всякий гений — крестоносец) свою грязь, свою ложь, свои непотребности и свою пошлую мелкобесовскую вражду к Богу и Его Церкви.

ЕВГЕНИЙ ВАГИН

Встречи диссидентов в Турине

(ВПЕЧАТЛЕНИЯ УЧАСТНИКА)

После прошедшего с большим успехом прошлой осенью Венецианского Биеннале, посвященного «культурному диссидентству в восточноевропейских странах», подобное собрание (точнее — целый ряд встреч) состоялось в Турине, с 26 апреля по 9 мая с. г. Организатором этой внушительной демонстрации восточноевропейского инакомыслия была туринская «Газзета дель пополо», которая пользовалась помощью (советами и материалами) организаторов последнего биеннале в Венеции. Программой этого нового

мероприятия включала в себя выставку произведений неофициального советского искусства, персональную выставку чехословацкого художника Иржи Колара и, самое, на мой взгляд, интересное — выставку-обозрение: «Культурное диссидентство в СССР. Литературные документы и Самиздат».

Расположенная в залах палатцо Мадама — одного из прекраснейших туринских дворцов начала XVIII века — эта выставка представляла собой наиболее полное собра-

ние оригинальных документов подпольной, «самиздатской» литературы, когда-либо показанных на Западе. Разумеется, и не только на Западе: пройдет еще немало времени, прежде чем подобные выставки будут возможны у нас на родине. Тем сильнее были впечатления тех, кто в свое время принимал непосредственное участие в «изготовлении» этих документов (так пишут в своих протоколах следователи КГБ), их распространении, передаче на Запад. Поистине, впечатление было такое, будто приоткрылись архивы КГБ, и мы увидели какую-то часть духовных сокровищ, которые они скрывают: часть подлинной духовной истории России последних пятнадцати-двадцати лет!

Не говорю собственно о литературе, которая размножается и распространяется Самиздатом: большое собрание этих книг можно видеть в специальном зале. Это изданные за границей на русском языке сочинения А. И. Солженицына, А. Д. Сахарова, Абрама Терца-Синявского, Г. Владимова и многих, многих других писателей. Здесь же — произведения русских мыслителей конца XIX — начала XX века, которые и сейчас вносят свой весомый вклад в дело национально-религиозного возрождения в России: Н. Бердяева, о. С. Булгакова, С. Франка, Л. Шестова, конечно, Вл. Соловьева. Помимо русских оригиналов, показаны многочисленные западные переводы (главным образом, итальянские), исследовательские труды, посвященные диссидентским проблемам, «второй культуре». Здесь особенно следует назвать продукцию миланского кооперативного издательства «Матренин двор», которое вот уже несколько лет специализируется на издании литературы, посвященной новейшей русской культуре.

Но самое ценное и интересное — документы Самиздата. Оригинальные фотографии, знакомые по журналам и книгам, дают реальное, зрительное впечатление о героях и мучениках оппозиционного движения последних десятилетий. Мы видим портреты политзаключенных, выполненных в лагере художником Ю. Е. Ивановым-Сиверсом; подлинные фотографии А. Солженицыны, А. Д. Сахарова, И. В. Огурцова; целый ряд участников религиозного сопротивления. Много документов религиозного Самиздата: рукописи, заявления верующих, компл. журналов («Вече» и «Земля» В. Осипова, «Московский Сборник» Л. Бородин, «Хроника литовской католической церкви» — на языках литовском и русском, «Бюллетень Совета родственников узников евангельских христиан-баптистов в СССР» и др.). Конечно, богато представлены материалы к будущей истории «Хроники текущих событий» и деятельности московской Группы содействия выполнению Хельсингских соглашений в СССР. Выставлены в витринах некоторые документы по делу Социал-Христианского Союза (ВСХСОН). И снова видим: фотографии неофициальных религиозных собраний, Открытое письмо патриарху Алексию православных священников оо. Г. Якунина и Н. Эшлимана, материалы Христианского Комитета защиты прав верующих. Столь значительное место, уделенное религиозной теме в советском инакомыслии, представляется вполне оправданным и закономерным, верно отражающим основную тенденцию последних нескольких лет.

Серия встреч диссидентов открылась 26 апреля собранием, посвященным теме «Марксизм — социализм — диссидентство». Среди участников дискуссии были впервые приехавшие в Италию Владимир Буковский и генерал П. Г. Григоренко. Интервью, которое на следующий день дал П. Г. Григоренко «Газета дель popolo», представляется мне в высшей степени интересным и знаменательным. Он рассказал о происходящем в Советском Союзе национально-религиозном возрождении, и сказал, что с его точки зрения религиозное инакомыслие является самым важным и перспективным. В другом своем интервью, данном еще в США, П. Григоренко так ответил на вопрос — правда ли, что он обратился в христианство: (обратный перевод с итальянского)

«Я не обратился. Просто вернулся к вере моих предков. Меня крестили сразу же после рождения и в детские годы

воспитывали в духе веры в Бога. Затем я отошел от этого, что было ошибкой. Теперь эта ошибка исправлена: благодаря благотворному влиянию о. Димитрия Дудко я снова стал верующим и церковным христианином. Перед нашей поездкой в Америку мы с Зинаидой Михайловной обвенчались (до этого состояли только в гражданском браке). Почему это православный? Из верности традиции, потому что и православие составляет часть нашей истории...».

Специальное собрание — «круглый стол» — посвященное теме «Верующие и неверующие в борьбе за права человека», состоялось во вторник второго мая; я был приглашен именно на эту встречу. Мне кажется (и это не только мое личное мнение), что это была одна из самых интересных встреч всего туринского «биеннале».

Вел беседу за круглым столом известный протестантский деятель, редактор журнала «Религия в коммунистических странах», Майкл Бурдо. Первым выступил профессор университета в Триесте Джованни Кодевилья, эксперт по религиозному законодательству в Советском Союзе (совсем недавно в издательстве «Матренин двор» вышла его последняя книга «Религиозные общины в СССР. Новое советское законодательство»). Отметив все более широкое распространение религиозного Самиздата в странах восточной Европы, он сказал, что основной смысл диссидентства видит в защите духовных ценностей, что оно является моральным и культурным обновлением, имеющим большое значение и для стран Запада. Диссидентство является альтернативой существующему режиму, подчеркнул Д. Кодевилья, но — не в политическом смысле. И потому оказывать ему всестороннюю поддержку — долг западных христиан.

Далее слово было предоставлено А. Э. Краснову-Левитину, который в своем выступлении остановился на новейшей истории религиозного инакомыслия в Советском Союзе. Начинать надо с Хрущева, а не с Ленина — сказал он; именно Хрущев стал возобновителем забытой уже традиции антирелигиозного движения, практически порвавшим с конкордатом, который Сталин заключил с православной Церковью. Опять Россия увидела варварское закрытие церкви, усилилась пропаганда безбожия, московский патриархат вступил в новую фазу коллаборационизма. Но специфика этого исторического периода заключается в том, что Церковь молчания — перестала молчать, обрела голос. Левитин говорил о «бурном протесте народных масс при закрытии церкви», о появлении религиозного Самиздата, к которому на первых порах заграница была совершенно равнодушна. Первые проявления религиозного Самиздата он отнес к 1957 году, когда стали распространяться произведения Вадима Шаврова, а затем и другого человека, «в прошлом обновленца, не скрывавшего своих социалистических убеждений, наполовину еврея» — самого Левитина-Краснова. В 1958 году он выступил с публичным опровержением измышлений некоего Долумана, «порвавшего с религией», и далее его статьи «стали распространяться по всей России». Вслед за тем стали известны работы Б. Талантова.

При явном одобрении всего зала, переполненного молодежи, Левитин темпераментно говорил о «поражительном равнодушии Запада», когда начали закрывать церкви и монастыри, и московский патриархат объяснял, что, дескать, они закрываются сами по себе... Исторической датой он назвал 13 декабря 1965 года — этим числом датировано Открытое письмо патриарху Алексию Глеба Якунина и Николая Эшлимана. Предполагалось вначале, что Обращение подпишут 12 священников, но в конце осталось только двое. С этим письмом религиозный Самиздат «перешагивает границы»; «на нас обратило внимание русское демократическое движение».

Отличительной чертой последнего периода Левитин считает «полное слияние религиозного движения с демократическим» и «самое широкое распространение религиозного Самиздата». Он отметил приток новых сил — молодых людей из коммунистических, атеистической семей (Е. Барабанов, Л. Регельсон, А. Огородников).

Особенное ударение Левитин-Краснов сделал на четко обозначившемся, по его мнению, «объединении с другими религиозными формациями» православных: появлении наряду с официальным экуменизмом, русского истинного экуменизма, иными словами «внутреннего экуменизма»: впервые в истории Русской Церкви. Вместе с тем началась и «широкая религиозная проповедь»: о. Д. Дудко и некоторых других православных священников, имена которых можно называть только «с опаской». Тем самым «начинается миссионерство» — утверждал докладчик; Церковь, которая до того была «закрытой», теперь открывается. Свое выступление Левитин закончил патетическим призывом к итальянской молодежи: «Боритесь за религиозное обновление мира! За то, чтобы религия шла во главе демократии и всех народов!».

Вслед за Левитиным говорил я. Привожу текст своего короткого выступления.

«Перед тем, как отвечать на вопросы, предложенные участникам настоящей беседы, я хотел бы сделать несколько вступительных замечаний.

Немаловажным мне представляется то, от кого исходит инициатива совместных акций — верующих и неверующих, и какую цель они преследуют. Известно, например, что так называемое «движение за мир» приглашает к совместному участию верующих всех исповеданий, что существует особое «христианское движение за мир» — и, к сожалению, многие на Западе принимают это за чистую монету. Между тем, совершенно ясно, что в таком, инспирированном официальными лицами, «движении», христиане, незаметно для себя, становятся инструментом политической демагогии и служат целям, далеким от миролюбия и истины.

Борьба за права человека в СССР, объединяющая верующих и неверующих, представляет собой активность независимой общественности, ее невозможно обвинить в политической инструментализации. Это борьба за освобождение человеческой личности от гипноза тоталитарной идеологии, она является основой для создания предпосылок перехода к свободному, правовому государству, где равными правами реально будут пользоваться как верующие, так и неверующие граждане. Единственной платформой такого сотрудничества на настоящем этапе является максимальная терпимость, в том числе и конфессиональная. Идеальной «моделью» может служить здесь советский лагерь для политзаключенных, где, как мне кажется, закладывается духовный фундамент для подлинного единства всех верующих, независимо от их исповедания, а равным образом и неверующих борцов за свободу человеческого духа.

I. Первый и основополагающий принцип, который не могут не разделять верующие и неверующие участники борьбы за гражданские права — это **безусловное признание достоинства человеческой личности.**

Позвольте мне процитировать фрагмент одного Самиздатского документа — Программы Социал-Христианского Союза (1964 год) — где выразительно подчеркивается значение этого объединяющего принципа:

«Борьба в современном мире не исчерпывается и не определяется только экономическими интересами социальных классов, она гораздо шире и глубже: это решительное столкновение двух противоположных концепций человека — христианской и антихристианской.

Идет духовная борьба за личность. Перед человечеством два пути: свободное обращение к Богу и принятие Его заповедей, и тогда открываются все силы и красота человека, — или отпадение от Бога, и тогда сатанократия, растворение личности в стихийных силах, рабство у материи, вырождение сознания вследствие потери истинных целей и смысла жизни».

Христианская религия высшей и абсолютной ценностью признает каждую человеческую личность, и на этой аксиоме строится сотрудничество верующих и агностиков.

Вторым важнейшим принципом является **безусловное уважение свободы.** Но свободы понимаемой как долг и от-

ветственность. Для религиозного сознания естественно понимать свободу как крест (по выражению Достоевского). Кажется, это понимание во многом утрачено на Западе, где свободы слишком много, и потому не ощущается столь остро, как нами, ее уникальная ценность. Одна из важнейших задач в сотрудничестве верующих и неверующих — воспитание к свободе и для свободы.

Поскольку и человеческая личность и концепции свободы не могут развиваться в безвоздушном пространстве, особенное значение приобретает принцип **духовного патриотизма**, который должны разделять, как мне кажется, и верующие, и неверующие. Этот принцип лаконично и точно выразил Александр Пушкин — в стихах, которые цитировал и прекрасно интерпретировал русский религиозный философ С. Франк:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

Принцип духовного патриотизма должен оберегать нас как от крайностей слепого национализма, так и от актуальной опасности интернационализации.

Борьба за права человека в СССР с точки зрения властей — «политика»: за это людей арестовывают, сажают в тюрьмы и лагеря. Пусть будет так; но мы хотим, чтобы это была «христианская политика», как говорил Владимир Соловьев, или — «моральная политика», как предпочитают выражаться наши неверующие союзники. Признание принципов уважения личности, уважения свободы и духовный патриотизм — то, что отсутствует в практике тоталитарного коммунистического государства — и обеспечивает, с моей точки зрения, нравственно-религиозный характер нашей борьбы.

II. Лучшей иллюстрацией совместных действий верующих и неверующих представляется мне тесное сотрудничество Христианского комитета защиты прав верующих в СССР и Хельсинкской группы, отраженное в целом ряде документов. Замечательно и то, что многие члены Хельсинкской группы (А. Гинсбург, Звиад Гамсахурдия и др.) — верующие христиане.

Названные лица, как и многие другие борцы за права, в настоящее время находятся под следствием, в тюрьмах и концлагерях. Защита таких людей — первостепенная задача всех участников оппозиционного движения в СССР, как неверующих, так и верующих. И, действительно, мы видим это на практике.

Так, в борьбу за освобождение лидера Социал-Христианского Союза (ВСХСОН) **Игоря Огурцова**, борьбу, которая ведется вот уже несколько лет, существенный вклад внесли великий христианин А. И. Солженицын и великий гуманист акад. А. Д. Сахаров. Оба они неоднократно (последний раз в ноябре прошлого года на Сахаровских слушаниях в Риме) высказали требование об освобождении Огурцова, несправедливо и бесчеловечно осужденного в 1967 г. на двадцать лет заключения.

Наконец, характерным примером совместных действий верующих и неверующих являются общие голодовки, заявления протеста за колючей проволокой, в лагере.

III. Диссидентство и, шире, участие в оппозиционном, освободительном движении, несомненно, является важнейшим фактором, активно способствующим религиозному углублению и общественному созреванию верующих. Могут утверждать это положительно как участник Социал-Христианского Союза — нелегальной организации молодых христиан, действовавших в Ленинграде и других городах Сов. Союза в 1964—1967 годах. Практическая наша деятельность заключалась, главным образом, в размножении и распространении (среди единомышленников) религиозно-философской и политической литературы, запрещенной в СССР. Пришедшие к христианству, к вере в зрелом возрасте, на студенческой скамье, именно в процессе нашего подпольного существования, религиозно переживая общественные и социальные проблемы (что традиционно для

русских) мы становились, так сказать, зрячими христианами, открытыми всей сложной нашей современной действительности. Наши антимарксистские, антикоммунистические взгляды формулировались и углублялись на религиозном основании; мы опытным образом, на опыте, познавали радикальное развитие христианского и марксистского мировоззрений; мы пришли к твердому, окончательному убеждению, что единственно христианская доктрина является положительной альтернативой тоталитаризму любого типа. Лагерный опыт только укрепил нас в нашей вере».

Далее выступил редактор «Вестника Русского Христианского Движения», автор капитальной монографии «Христианство в СССР» проф. Н. А. Струве. Он говорил по-французски. Н. Струве выразил свое несогласие с некоторыми положениями Левитина-Краснова. Он считает, что религиозное инакомыслие существовало все 60 лет коммунистического режима, что все эти годы все христиане были в известном смысле — «диссидентами». Ибо в этой абсолютно тоталитарной стране христианство — и только оно — было единственным островом свободы. В этих условиях христианин, подобно художнику, защищал право быть «иным», по выражению Синявского, защищал самого себя. Нет необходимости быть диссидентом, чтобы защищать права человека — сказал Н. Струве, ибо права человека, это душа всякой нации, и сотрудничество верующих и неверующих в борьбе за них совершенно естественно, хотя и имеет свою диалектику. Его блестящая речь была встречена аплодисментами всего зала.

После него говорил итальянский журналист и эксперт по еврейскому вопросу в СССР (издатель и редактор специального бюллетеня, посвященного этой проблеме) Л. Тас, повторивший то, что он утверждал и на венецианском биеннале: что наиболее гонимым религиозным меньшинством в Советском Союзе являются евреи. В подтверждение он привел многие случаи дискриминации, которым подвергаются лица еврейской национальности, и с тревогой отметил общее ухудшение положения диссидентов в последние годы, что усиливает желание эмигрировать за границу.

Майкл Бурдо коротко остановился на вопросе о религиозных меньшинствах в СССР, подчеркнув, что порой эти «меньшинства» насчитывают многие миллионы — как, например, буддисты. Верующим буддистам в советских среднеазиатских республиках посвящены материалы в последнем выпуске журнала «Религия в коммунистических странах».

В заключение выступил редактор журнала «Руссия Кристиана» падре Романо Скальфи, которого хорошо знают все молодые итальянские католики, и дон Джанни Баджет-Боццо, последняя книга которого называется «Католики и письмо Берлингуэра». Они говорили о диссидентстве в итальянском контексте, анализируя историческое и актуальное значение этого религиозно-культурного феномена. Падре Романо Скальфи подчеркнул, что у советских инакомыслящих и молодых католиков — общий метод: «путь создания нового общества». Он много говорил об экуменических тенденциях, которые считает господствующими и определяющими в нынешнем религиозном диссидентстве. Об осуществляющемся сегодня пророчестве Вл. Соловьева говорил также и Д. Баджет-Боццо.

После выступлений всех участников «круглого стола» началась дискуссия, затянувшаяся далеко за полночь.

Вопросов было великое множество, самых разнообразных. Наиболее острыми, с моей точки зрения, были вопросы о сегодняшней (так называемой «восточной») политике Ватикана, и о соотношении христианства и социализма. Краснов-Левитин резко осудил примиренческую и недальновидную политику монсеньора Казароли, имеющего неверное представление о советском правительстве и его истинных целях. Он привел пример из Салтыкова-Щедрина, герой которого убедился на опыте, что попытка приручить гиену — дело несостоящее и дурно пахнущее... На вопрос о социализме и христианстве, который был задан мне, он также захотел ответить, и долго говорил о несовершенствах капиталистической системы, где существуют богатые и бедные. То, что существует в СССР — это не социализм, — сказал Левитин, — так же, как инквизиция — не христианство. Я отметил, что для меня совершенно ясна абсолютная непримиримость христианского мировоззрения с социализмом в любой форме, что я не верю ни в какой «социализм с человеческим лицом». Замечу, что итальянская молодежь, как правило, с энтузиазмом встречает именно такие ответы.

В заключение скажу несколько слов об откликах прессы на это наше собрание. Одна статья в «Геззета дель пополо» имела характерное название «Пророчество и дипломатия». С похвалой отозвавшись о явлении экуменизма (боюсь, имелся в виду «официальный» экуменизм, по терминологии Краснова-Левитина!), автор статьи написал: «Религиозный патриотизм», о котором настойчиво говорил Вагин, ничто иное как утопия, наименее вероятная из всех; если же не невозможная, то самая опасная. «Опасность» автор видит в том, что режим уже использовал патриотические чувства, что привело автоматически к уменьшению свободы: имеются в виду события Второй мировой войны. Должен отметить неточность перевода: я говорил не о «религиозном», а о «духовном патриотизме», что совсем не одно и то же.

Прочитую еще одного автора — известного левого журналиста Пьеро Синати: «Есть различия и среди русских: Турчин и Алексеева определяют себя социалистами, ищут более традиционное политическое пространство, которое не становится от этого менее эффективным; они демонстрируют со всей ясностью, что они не хотят рвать никаких связей с западной левой. С противоположной стороны Евгений Вагин, один из основателей важнейшей подпольной группировки 60-х годов — Социал-Христианского Союза Освобождения Народа — пользуется языком и категориями, далекими и чуждыми нашей культуре и нашему времени (говоря об СССР, Вагин употребил слово с а т а н о к р а т и я, (господство силы зла))».

Ничего особенно странного для меня в таком отклике нет — поскольку он исходит от симпатизирующего социалистическим тенденциям иностранца, не русского. Хуже, и печальнее, когда подобную позицию разделяют наши соотечественники, здесь, в эмиграции или на родине. Ибо в таком случае «сотрудничество верующих и неверующих» оказывается не более, как мечтой и теоретизированием. Но и среди людей Запада даже и в «наше время» — позорного оппортунизма и соглашательства с силами зла — есть много таких, которые не забывают о нашем общем христианском прошлом, на котором только и можно строить здоровое и свободное будущее. В этом, думаю мне, и состоит главный смысл нашей туринской встречи.

ИЕРОМОНАХ ХРИЗОСТОМ

Обновленческий раскол. Его возникновение и бесславный конец (1922—1946)

Нелегко писать об обновленчестве. Для молодого поколения оно, как будто, представляет мало интереса. Если оно об нем еще что-либо знает, то знает это по рассказам старших. Нам же, сознательно пережившим все эти события, очень трудно судить об этом феномене спокойно, *sine ira et studio*, объективно, беспристрастно. А между тем только так и следует описывать эту страшную пору церковной жизни России, пору, когда православие на Руси чуть было не потеряло свою каноническую основу, когда Русской Православной Церкви — по меткому выражению митрополита Антония (Храповицкого) — угрожала серьезная опасность превратиться «в беспоповскую секту» (Ср.: Архиепископ Никон (Рклицкий). Жизнеописание Блаженнейшего Антония, митр. Киевского и Галицкого, Нью-Йорк, т. 6, стр. 166).¹⁾

Мне кажется, было бы весьма полезно каждому, интересующемуся церковной жизнью в России, ознакомиться подробнее со всем этим периодом послереволюционной русской церковной истории, чтобы извлечь из этого также уроки для правильного понимания и оценки положения Русской Церкви и в наши дни.

Такая возможность, возможность основательно ознакомиться с феноменом обновленчества, его историей, его деятелями, его методами борьбы против Русской Православной Церкви и ее тогдашнего возглавителя, известного своей благостью и своим благочестием Святейшего патриарха Тихона († 1925), первоначальными успехами обновленчества, его ошибками и просчетами и в конечном счете его полным крахом, дана теперь всем, читающим по-русски. Институтом «Glaube in der 2. Welt», находящемся в Кюснахте близ Цюриха, издан в этом году капитальный труд на эту тему под заглавием «Очерки по истории русской церковной смуты». Этот труд состоит из трех томов, изданных в одной книге, и составляет в общей сложности более тысячи страниц. Авторы его — Анатолий Левитин (писавший часто под псевдонимом Краснов) и Вадим Шавров.²⁾ Имя Анатолия Левитина-Краснова широко известно уже давно также и читателям эмиграции, а также и иностранцам, т. к. его статьи и интервью, появлявшиеся на иностранных языках, а особенно книга «Лихие годы», пользовались у них большим успехом.

Несмотря на то, что Краснов-Левитин, человек вообще склонный к парадоксам, мечтавший «примирить непримиримое», сочетать христианское мировоззрение с очищенным от атеизма марксизмом, сам долгие годы был усердным обновленцем, даже был рукоположен известным про-

поведником Александром Введенским, возведенным обновленцами в митрополиты, в диаконы, несмотря на то, что и в этой книге его обновленческое прошлое чувствуется, все же он старается по возможности описывать события и давать характеристики обновленческих возглавителей и активистов по возможности объективно; он не скрывает их нечестных, часто глубоко возмутительных действий против патриарха Тихона и верных ему епископов. Также неоднократно подчеркивает он безусловно существовавшую связь между рядом видных обновленческих деятелей и советской тайной полицией (ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ). В то же время, он не чернит все обновленчество огульно, изображая всех обновленцев поголовно предателями, распутниками или даже безбожниками, как это нередко имело место на страницах зарубежной прессы; он строго различает людей, увлекшихся идеями, или людей недостаточно мужественных, от сознательных беспринципных карьеристов, от предателей Церкви и своих собратьев. Это стремление к объективности следует особенно положительно отметить, т. к. без него историческая работа потеряла бы свою ценность.

Краснов-Левитин также оценивает весьма положительно одного из главных представителей тихоновской ориентации, митр. Сергия (Страгородского),³⁾ который впоследствии был патриархом († 1944), нередко дискредитируемого в эмиграции. Упомянув о некоторых его высказываниях, смутивших верующих, авторы книги добавляют: «И все же, несмотря на все сказанное, мы преклоняемся перед патриархом Сергием и с глубоким уважением относимся к его памяти. Он был человеком глубокого благочестия и человеком глубоко преданного Церкви» (т. 1-й, стр. 168). Вполне корректно также именует Левитин, возвратившийся в 1946 г. в лоно Русской Православной Церкви, обновленчество — расколом, а сторонников патриаршей церкви — православными.

То, что страшная опасность, которая грозила русскому православию от обновленчества, была своевременно остановлена, а затем совсем упразднена, представляет собою огромную заслугу приснопамятного патриарха Тихона. Ему русский православный народ верил безгранично, и потому не соблазнился, когда он делал заявления, казавшиеся ему непонятными, сознавая, что патриарх их делал лишь из любви к Церкви, из отеческой заботы о ней, сознавая их необходимость. Тогда понимали это и в эмиграции; сам митрополит Антоний (Храповицкий) призывал верующих зарубежья не смущаться словами Святейшего Патриарха, не всегда понятными им. (Ср. его призыв: «Не надо смущаться!», Архиеп. Никон. Жизнеописание Блаженнейшего Антония, т. 6-й, стр. 165—168). После же кончины патр. Тихона никто из возглавителей Русской Православной Церкви не пользовался таким всеобщим безграничным доверием, что и повлекло за собой последующие расколы, как в эмиграции, так и в России. Но

¹⁾ Митрополит Антоний (Храповицкий), умерший в 1936 г., принадлежал к числу выдающихся иерархов дореволюционной России; он был политически очень правых взглядов, богословски — довольно смелый в своих высказываниях. При выборе кандидатов в патриархи на Соборе 1917—18 гг., он стоял на первом месте. Поле конца гражданской войны он эмигрировал вместе с Белой Армией в Константинополь и потом в Югославию. Возглавлял Зарубежную Церковь. В 1927 г. отошел от митрополита Сергия, после его декларации от 29 (16) июля 1927 г., считая дальнейшее подчинение ему, как заместителю патриаршего местоблюстителя, неприемлемым. Архиепископ Никон Чикагский и Флоридский посвятил ему свой многотомный труд: «Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого», Нью-Йорк.

²⁾ Анатолий Левитин и Вадим Шавров: «Очерки по истории русской церковной смуты» — трехтомное издание института „Glaube in der 2. Welt“, Zürichstraße 155, Postfach 142, CH-8700 Küsnacht, Schweiz. I-й том — 294 стр., 4 фотографии; II-й том — 338 стр., 4 фотографии; III-й том — 419 стр., 4 фотографии; цена — 50 нем. марок.

³⁾ Митрополит Сергей (Страгородский), потом патриарх Московский и всея Руси, был одним из учнейших иерархов Русской Православной Церкви. После кратковременного уклонения в обновленчество он принес покаяние патриарху Тихону и проводил очень твердую линию в отношении обновленцев. После кончины патриарха Тихона (1925 г.) и ареста митрополита Петра (Полянского), бывшего с августа до декабря 1925 г. патриаршим местоблюстителем, он стал по распоряжению митрополита Петра заместителем патриаршего местоблюстителя. В июле 1927 г. издал декларацию с призывом к добросовестному повиновению советской власти. Во время войны выступал с призывами помогать красной армии одержать победу.

горько бывает читать такие статьи, в которых критика современного руководства Московского патриархата заходит так далеко, что она превращается также в критику патриарха Тихона, которого упрекают в том, что он первый начал пытаться спасти Русскую Церковь при помощи лжи (Русское Возрождение, 1978, № 1, статья о. Глеба Якунина, стр. 111—115). Конечно, нельзя отрицать известную преемственность в линии современной патриархии, восходящую к посланиям патриарха Тихона в последние годы его патриаршества. Но совсем несправедливо на этом основании набрасывать тень на столь светлую личность, как покойный Святитель Тихон.

В книге Левитина и Шаврова об обновленчестве читатель найдет богатейший материал, собранный авторами по этому вопросу. Инициатором этого труда был известный исповедник митрополит Мануил (Лемешевский).⁴⁾ Он был одним из главных борцов против обновленчества, и его успехи в этой области граничили почти с чудом. Петроград находился тогда почти целиком во власти обновленцев, когда иеромонах Мануил был в 1923 г. хиротонисан патриархом Тихоном в епископа города Луги, викария Петроградской митрополии. После расстрела Петроградского митрополита Вениамина (Казанского)⁵⁾ в августе 1922 г. эта епархия находилась в крайне тяжелом положении. Подлинной причиной расстрела митрополита было его открытое выступление против покровительствуемых большевиками обновленцев. Верные патриарху викарии или находились в тюрьме, или были крайне запуганы. После освобождения патриарха Тихона из заключения (в конце июня 1923 г.) он направил в Петроград новорученного епископа Мануила, и тот в течение нескольких месяцев «отвоевал» у обновленцев почти весь Петроград, после чего он, конечно, попал в ссылку на Соловки. Много ссылок перенес митрополит Мануил в течение своего служения, но они его не сломили. Усердно собирал он богатейший материал по истории послереволюционной церкви; много внимания он уделил и истории обновленчества.

Спустя много лет, уже когда митрополит Мануил был правящим архиереем в Самаре (Куйбышеве), он поручил Левитину в 1960 г. писать историю обновленчества и все написанное присылать ему на просмотр. Хотя митрополит Мануил был, конечно, ярым противником обновленчества, а Левитин оценивал его, и после своего возвращения в Православную Церковь значительно снисходительнее, их совместное желание сохранить для грядущих поколений правдивое изображение истории обновленчества привело к созданию этой книги.

Книга, как уже было сказано, состоит из трех томов. Первый охватывает период времени от возникновения первых групп, которые можно было рассматривать, как предшественников будущего обновленческого движения, вплоть до заточения патриарха в мае 1922 г. Второй том доходит до кончины Святейшего Тихона. Третий том описывает события после его кончины вплоть до полного исчезновения обновленчества в 1946 г.

В наши дни уже многие забыли, что обновленчество, или как оно в начале обычно называлось «Живая Церковь», не составляло единого строго ограниченного церковного объединения или единой церковной организации. Оно состояло первоначально из более крупных и более

⁴⁾ Митрополит Мануил (Лемешевский) неоднократно арестовывался и ссылался за свою ревностную душепастьерскую деятельность. Еще в 1940 г. он был арестован, но в 1945 г. освобожден. Он был назначен архиепископом Оренбургским. Его последняя кафедра была в Самаре (Куйбышев), на которую он был назначен в 1960 г., туда к нему и приезжал Левитин. Свободное время он посвящал составлению описания истории Церкви после революции.

⁵⁾ Митрополит Вениамин (Казанский) был расстрелян — официально за организацию сопротивления изъятию церковных ценностей в 1922 г. — подлинную причину следует искать в его санкциях против живогерничества.

мелких групп, объединенных враждебностью к т. н. «тихоновщине» или «староцерковничеству», т. е. к канонической Русской Православной Церкви, и готовностью «принять» советский режим и его социальную программу. Они были вначале объединены вокруг ВЦУ, т. е. Высшего Церковного Управления, самочинного учреждения, обманом получившего от уже находившегося в заключении патриарха Тихона разрешение временно разбирать бумаги патриаршей канцелярии до прибытия в Москву назначенного патриархом его заместителя, Ярославского митрополита Агафангела (Преображенского).⁶⁾ единомышленника патриарха. Это незначительное само по себе разрешение обновленческие вожаки истолковали как передачу им патриархом всей полноты церковной власти, что было, конечно, наглым образом верующих. Они же позаботились о том, чтобы митрополит Агафангел не смог приехать.

Во главе ВЦУ был сначала поставлен архиерей еще дореволюционной хиротонии Антонин (Грановский). Он был обновленцами возведен в сан митрополита. Это был человек очень умный, замечательный знаток Ветхого Завета, но совершенно неуравновешенный, почти помешанный, невероятный грубиян и ругатель.

Озлобленный против дореволюционной церкви, в которой он довольно длительное время был отстранен от кафедры и заполнял в это время свой досуг дрессировкой медведя, с которым он любил ходить по улицам и даже делать визиты, епископ Антонин перенес свою ненависть и на послереволюционную иерархию, видя в ней душителей и утеснителей народа и его свободы.

В основном обновленческое движение разделялось вначале на три главные группы:

1) Собственно «Живая Церковь», возглавлявшаяся Петроградским священником Владимиром Красницким, бывшим черносотенцем, перекинувшимся к большевикам; это была одна из самых жутких личностей среди вожаков обновленчества. Красницкий не останавливался ни перед какими мерами, чтобы достигнуть своих целей и погубил доносками не мало честных представителей духовенства. Он ориентировался на белое духовенство, ненавидел монашество. Сам епископ Антонин критиковал его и его группу жесточайшим образом. «Живая Церковь», по его мнению, представляла собой «ассенизационную бочку русской церкви» (т. 1-й, стр. 116).

2) «Церковное Возрождение», возглавлявшееся упомянутым выше епископом Антонином. Еп. Антонин защищал монашество от нападков «Живой Церкви»; он делал ставку на церковный народ; был противником женатого епископата, введенного обновленцами. С другой стороны он производил наиболее радикальные литургические реформы, что отпугивало от него многих.

3) СОДАЦ (Собор Общин Древле Апостольской Церкви) не играл вначале почти никакой роли; но когда к нему присоединился известный проповедник Александр Введенский,⁷⁾ ставший у обновленцев митрополитом, СОДАЦ стал играть важную роль в обновленчестве. Александр Введенский, ведший чрезвычайно успешно диспуты против атеистических ораторов, приобрел благодаря этому большую популярность у обновленцев. После того, как произошел раскол среди обновленчества, и как «Церковное Возрождение», так и «Живая Церковь» обособились

⁶⁾ Митрополит Агафангел (Преображенский) был правящим архиереем в Ярославле, после перехода оттуда епископа (будущего патриарха) Тихона в Вильну. Он был настроен как и патриарх. Отойдя временно от митрополита Сергия, он затем примирился с ним и умер 16 (3) октября 1928 г.

⁷⁾ В начале Александр Введенский оставался протоиереем. «Собор» обновленцев в 1923 г. возвел его в сан архиепископа Крутицкого. Затем он получил титул митрополита, но формально возглавил обновленчество только после начала советско-германской войны; его титул стал в это время весьма пышным: «святейший и блаженнейший первоиерарх Московский и всех Православных Церквей в СССР». (Левитин и Шавров, т. 3-й, стр. 378).

от него, порвав с ним даже общение, Введенский стал бесспорным ведущим лицом в обновленчестве, а, начиная с 1941 г. и до 1946 г. был даже его формальным возглавителем. После его смерти в 1946 г. исчезла единственная тогда обновленческая община — церковь Пимена Великого (в Москве), и обновленчество перестало существовать.

Кроме этих трех главных групп существовали еще мелкие группировки, о которых, вероятно, мало кто знал. Левитин и Шавров описывают и их; но, конечно, главное внимание они уделяют трем основным группам.

И «Церковное Возрождение», и «Живая Церковь» вскоре после их отделения от общего обновленческого потока стали исчезать и к концу 20-х гг. исчезли вовсе. Несмотря на это в книге им уделено довольно много внимания. особенно еп. Антонину и его сторонникам, также и в тот период времени, когда их насчитывалось совершенно ничтожное число. Это объясняется тем, что авторы видят в еп. Антонине человека с выдающимися идеями, которые могли бы быть использованы церковью в будущем. Но как раз в оценке епископа Антонина сами авторы расходятся: Левитин оценивает его значительно положительнее, чем его соавтор Шавров. Последний дает ему довольно отрицательную оценку.

Чтобы придать своим незаконным, антиканоническим действиям хотя бы внешность каноничности и легальности, а также чтобы облегчить правительству возможность расправы с законным патриархом Тихоном, главари обновленчества решили созвать «собор», который объявил патриарха Тихона лишенным всякого священного сана и даже монашества. Его объявили мирянином — Василием Белавиным. В глазах широчайших масс верующих, глубоко почитавших патриарха, как страдальца за Русскую Церковь, этот собор остался навсегда «разбойным собором». Несомненно, он и подготовлялся и проводился с помощью советских «органов безопасности», изымавших по большей части нежелательных депутатов. Как раз объявление «собором» патриарха Тихона лишенным сана явилось для обновленцев смертельным ударом, хотя они тогда этого даже не почувствовали. На это правильно указали авторы книги (т. 2-й, стр. 116).

Освобождение же патриарха Тихона из заключения и занятая им после этого более примирительная политика в отношении советской власти выбили окончательно почву из под ног у обновленцев. После нескольких заявлений патриарха, в которых он ясно выразил желание найти *modus vivendi* с советской властью, обновленцам было уже

труднее клеймить всех «тихоновцев», как контрреволюционеров и натравливать на них советские «органы безопасности». Начался массовый сдвиг в пользу патриарха; приходы один за другим приносили «тихоновским» архиереям покаяние в грехе раскола и возвращались в лоно православия. Потери обновленцев были огромны. Чтобы спасти то, что еще можно было спасти, преемник еп. Антонина,⁸⁾ возглавитель обновленчества митрополит Евдоким быстро переориентировался: он отбросил все живоцерковнические крайности, иногда затрагивавшие даже православные догматы, переименовал ВЦУ в Священный Синод и вообще старался придать обновленчеству по возможности православную окраску. Отчасти это ему удалось и обновленчество не исчезло уже тогда, но осталось в явном меньшинстве по сравнению с православием.

После смерти патриарха (7. 4. / 25. 3. 1925 г.) обновленцы надеялись опять существенно укрепить свои позиции, но этого не произошло. Преемники патриарха Тихона, митрополиты Петр (Полянский) и Сергей (Старгородский) проводили в отношении обновленцев и дальше линию патриарха. В 30-х гг. также и правительство потеряло интерес к обновленчеству; оно убедилось, что народ в своем подавляющем большинстве от него окончательно отвернулся. Когда в кошмарном 1937 г., во время дикого разгула «ежовщины» были ликвидированы тысячи православных церквей и расстреляны или брошены в лагеря массы православного духовенства, то не были пощажены также и обновленцы. Они также жестоко пострадали от страшного разгрома. Во время германско-советской войны, когда руководство патриаршей церкви было эвакуировано в Симбирск, туда же был отправлен и возглавитель обновленчества Введенский. Там автор книги Левитин имел возможность вести с ним долгие беседы и узнать от него множество мало известных подробностей, весьма ценных и интересных для истории обновленчества, которые он и использовал в этой книге. Это одна из причин того, что эта книга, написанная чрезвычайно живо и интересно, смогла стать ценнейшим пособием для изучения эпохи обновленческого раскола, вероятно, для ряда поколений.

⁸⁾ Еп. Антонин умер 14 января 1927 г., покинутый и забытый почти всеми; он все же достиг известного примирения с обновленческим Синодом, который он до того именовал «христуобийственным поповским синадрином». Он был похоронен обновленцами.

А. МАКРИДИ

Милосердный самарянин в африканских дебрях

Десятилетие смерти Альберта Швейцера совпало со столетием его рождения, но мало кто об этом вспомнил; в грохоте террористических взрывов остались неуслышанными голоса швейцеровских почитателей.

Сколько их? Никто не подсчитывал и меньше других этим интересовался сам Швейцер. Он не был вождем, не нуждался в признании и не искал популярности, паче — славы. Он не был отшельником, как иные считают, не чуждался людей, но не любил растворяться в цивилизованной толпе, предпочитая жить среди дикарей и животных.

Швейцер прожил до девяноста лет в африканских дебрях, из которых отлучался все реже. Был здоров, но девяносто есть девяносто и смерть его не могла показаться неожиданной. Откуда же щемящее чувство потери,

многих до сих пор не покидающее? Повидимому, из потребности в нравственной опоре не только на идею, но и ее живое воплощение. Таким воплощением, воплощением забытой нравственности и зажегся Альберт Швейцер маяком в сумерках прошлого столетия, просяив во мраке нынешнего. Светом своего одинокого подвига, как предтеча Солженицына, он напомнил о том, что даже в наше время не обязательно кривить душой. Наблюдая его жизнь, все понимали, что это не просто — не кривить — но возможно, и этого примера уже хватало, чтобы стали выпрямляться спины, уставшие под гнетом постоянных уступок лжи; уступок, вымороченных, так называемой борьбой за правду.

Заслуга Швейцера не столько в том, что он сделал, хотя это и больше того, что можно требовать от одного чело-

века, сколько в том, что делают и делают разбуженные им люди. Пусть их еще не достаточно, важнее то, что они не переводятся. И если они привлекут к себе хоть долю того сочувственного внимания каким пользовался сам Швейцер, то и это замедлит распространение сатанизма успешнее самых красноречивых заклинаний.

Строго говоря, Швейцер не оставил по себе ничего нового. Он только подверг придирчивому обыску построенные до него философские лабиринты и стер густую пыль с корневой сущности христианства, но сделал это так смело, с такими искренностью и простотой, что застиг врасплох и поставил в тупик адептов умозрительного исповедания Христа, за что, как полагается, и был иным из них зачислен в еретики.

В задачу статьи не входит оправда-

ние или защита Швейцера, но справедливость требует признать, что независимо от степени своих вероятных заблуждений, Швейцер заметно отличался ото всех предшествовавших ему и современных ревизионистов действием, неотделимым от слова. Слитность того и другого составляла наибольшую достопримечательность всей его долгой жизни и евангельский упрек «вера без дел мертва есть» к Швейцеру отнести никто не может.

Он был на редкость цельно и гармонично внутренне построен. Это не слуга; если он и не переставал никогда самосовершенствоваться, то непринужденно, не видя в этом самоцели. В основных же чертах толкователем огромного творческого наследия Иоганна Себастьяна Баха.

Бог наградила его прямым, как солнечный луч, умом и зоркой совестью не знавшей сна. Он не раз повторял, что «спокойная совесть — выдумка дьявола». Разносторонняя одаренность вкупе с целеустремленностью паломника решительно во всем, к чему его влекло, позволила ему вскоре по достижении совершеннолетия стать доктором трех наук и признанным во всем мире толкователем огромного творческого наследия Иоганна Себастьяна Баха.

За блестяще защищенную диссертацию о Тайной Вечере и о Канте, он удостоился звания доктора богословия и философии. Консерваторию он окончил со званием свободного художника и за издание капитального труда о Бахе получил третье звание доктора, доктора искусствования.

Соперничая в таком раннем развитии со столь же талантливым, но противоположным по мировосприятию современником своим, несчастным Отто Вейнинггером, в одном отношении, Швейцер превзошел Моцарта: последний начал играть с шести лет, а Швейцер с пяти.

Сын малоимущего лютеранского пастора, Альберт с юности привык сам себя содержать и даже помогать семье; сперва уроками, позже концертами. Его выступления в Европе сопровождался неизменным успехом, привлекая все больше публики. О нем заговорили, как о будущей знаменитости и музыка не только кормила молодого ученого, но и сулила ему большой почет. Он и пришел, только не с той стороны, с какой ожидался.

С детских лет самобытно религиозный, Швейцер стал задумываться над этическим смыслом существования, отвергая модное для того времени дарвинское «наслаждение жизнью». Реалист Швейцер отлично знал себе цену, чему не мешала родившаяся с ним скромность идеалиста. Напротив, она побуждала его, осознание своих талантов претворять в благодарность к Тому, Кто таланты ему дарует. Зарывание их или растрату Швейцер всегда считал одним из наименее простительных нарушений Божьей воли.

Одновременно, его смущали те человеческие страдания, каким он нигде не мог найти достаточно убедительных для себя объяснений и от которых сам он, до поры — до времени, был убежден. Противоречие это не ново; редкий философ на нем не спотыкался. Но если одних оно толкает к крайностям, других к пассивному смирению перед неисповедимостью Воли, то Швейцер причислил к тому подавляемому меньшинству, у которого благодарность за себя, через неловкость перед неудачниками приводит к осознанию долга им помогать; долга, продиктованного той же волей.

Еще в студенческие годы, после утреннего раздумья в солнечное воскресенье, Швейцер спокойно решил: за все, чем отметил его Творец, заплатить Ему служением людям там, где они в этом больше всего нуждаются. И назначил себе срок для подготовки к такому служению — 10 лет, Швейцеру было тогда двадцать.

Но строить и усовершенствовать органы, в чем он так же проявил себя выдающимся мастером, или улаживать меломанов баховскими fugaми Швейцер почел недостаточным, а откупная благотворительность его не привлекала, и некоторое время он чувствовал себя на распутье, пока не натолкнулся на газетную заметку о бедственном положении негров во французском Конго, вымиравших от острой нехватки медицинской помощи; редко кто соглашался из благоустроенной Франции ехать в гиблые заповедники страшных болезней.

Швейцер нашел то, что ему было нужно и сразу решил переселиться в Африку, чтобы лечить негров. Но он был доктором чего угодно, только не врачевания и подвиг Швейцера начался с того дня, когда на берегу экзотической реки, под открытым небом он сделал первую операцию, операцию грыжи чернокожему старику, а с того, когда к великому удивлению профессоров, трижды доктор снова появился в университете для изучения медицины, к которой у него не было ни малейшего призвания.

Решением в тридцать лет снова сесть на школьную скамью для того, чтобы по окончании курса похоронить в Африке свои таланты, карьеру, обозначившуюся обеспеченностью и быть может, самого себя, Швейцер сбил с толку всех, кто его знал; если уж он так печалует о дикарях, то не проще ли, без ущерба для собственного благополучия и не поступаясь удобством и привычками в налаженной жизни, жертвовать на чернокожих то, что он может уделить из своего заработка музыканта, известного уже теперь и вероятно знаменитого в недалеком будущем? Нет, негры тут не при чем!

И пока участливые люди подбирали ключ к загадочному ларчику, Швейцер окончил университет с на-

градой и четвертым званием доктора, доктора медицины. На это ушло семь лет. Семь лет непрерывного противоборства сну и переутомлению, потому что Швейцеру пришлось совмещать учебу с работой не только для оплаты образования, но и для накопления средств, без которых осуществить намеченные планы было невозможно.

Борьба за осуществление этих планов, признанных фантастическими всеми, кроме самого Швейцера, продолжалась после университета с косностью, рутинной и недоверием, а порой и откровенной враждебностью чиновников, отказывавшихся понять порыв бесприбыльного человеколюбия, искавших за ним скрытые цели. Немец, посвятивший себя служению, в конце концов, интересам Франции, на первых же порах встретил тупое сопротивление самих французов в лице бюрократов и духовенства, опасавшихся еретического влияния бесприбыльного лютеранина на население, подопечное католической миссии. И только после упорных хлопот и письменного обещания ограничиться врачебной деятельностью, Швейцер добился, наконец, разрешения на поселение во французской колонии для устройства госпиталя своими средствами.

В сложное и изнурительное путешествие с тяжелыми ящиками, набитыми хирургическими инструментами, бальем, лекарствами и хозяйственной утварью, Швейцер пустился в сопровождении одной только молодой жены. И был счастлив, когда убогий пароходик, курсировавший от случая к случаю по реке Огоуе, лавируя между стадами бегемотов, доставил его и выгрузил в лес экваториальной Африки на милость туземцев и диких животных, среди которых рогатая гадюка была не самой диковинной и опасной.

Негры встретили пришельцев хмуро, с подозрением. Желаящих лечиться у белого шамана поначалу не находилось и это позволило Швейцеру начать постройку закрытого помещения. Для него использовались местные ресурсы, то есть все, что природа дарила столь же щедро, сколь равнодушно отнимала разрушая. Но после того, как Швейцеру удалось преодолеть «расовый предрасудок» черных, на него как из рога изобилия высыпались проказа, трахома, тропическая малярия, дизентерия, дурная, сонная, слоновая и другие не менее опасные болезни.

Работая, себя не помня, от зари до зари, Швейцер главную трудность, однако, находил не в этом; негры оказались ужасными пациентами, их беспечность и суеверие превосходили все, что Швейцеру приходилось встречать и порой приводили его в отчаяние. Негру нельзя было доверить лекарство для регулярного приема; возможность поправиться без проволочки он видел в том, чтобы лекарство,

полученное на неделю, проглотить сразу. Негры срывали с себя бинты специально для того, чтобы шрамы и рубцы остались поглубже, потому что они составляли предмет мужской гордости и достоинства, служили чем-то вроде орденов. Больным не удавалось объяснить смысл диеты и они отказывались верить в выздоровление, пока Швейцер не показывал какого-нибудь червячка, якобы извлеченного из под кожи.

В довершение всего этого и многого другого, пациенты настойчиво требовали плату за лечение...

Избалованные щедротами природы, трудолюбием негры тоже не отличались. Найти помощников было трудно, найдя, заставить работать — еще труднее, а уговорить окончить работу оказалось почти невозможным; тут уж требовались хитрость и уловки!

С ростом популярности Швейцера, расширялся круг его обязанностей и ответственности. Например, Швейцер и сам не заметил, как и с какого момента он стал общепризнанным судьей. Недоразумений между неграми было много и разрешать их не всегда удавалось, но приговоры почти во всех случаях исполнялись беспрекословно. Если дело касалось спорной охотничьей или рыболовной добычи, Швейцер требовал и получал за судопроизводство и «судебные издержки» треть для госпитальной кухни.

Шаг за шагом преодолевая все трудности, добрая половина которых оказалась непредвиденной, Швейцер добился осуществления основного плана, и если не больницу в строгом смысле, то надежный стационар и амбулаторию большой пропускной способности создал таки, на что потребовался год.

Но все, что было создано предельным напряжением духовных и телесных сил, ценой неизбежного переутомления, все это рухнуло с первых выстрелов начавшейся в Европе Первой мировой войны. Поднявшаяся закону, французские власти лишили Швейцера, как немецкого подданного, не только права врачебной практики, но и свободы. Его с женой интернировали и перевезли под арестом во Францию, где обрекли на томительное бездействие, отягощенное семейным несчастьем: его мать, на улице их родного городка, растоптала насмерть проскакавшая конница.

Все нелепости и противоречия войны заставили Швейцера с особым вниманием сосредоточиться на поисках нравственных основ христианской культуры. Еще в Африке, перед отъездом, он вкусил горечь плодов посещения им просвещения и не сумел ответить дикарям на вопрос о том, как война между христианами согласуется с христианским учением. Не смог не потому, что ответов не было или он их забыл, а потому, что ни один из них его как философа, богослова и

просто прямолинейного человека, та-того же как и его ученики, не удовлетворял...

По окончании войны, Швейцер вернулся в Германию, домой, больным и душевно измученным, и по собственному выражению, чувствовал себя «монстой, закатившейся под стол». Ему казалось, что все его забыли и больше он никому не нужен. Но к счастью, это только казалось. Первым вспомнили шведы, предложившие прочесть цикл лекций. Лекции сразу вызвали живой отклик, главным образом, со стороны европейской студенческой молодежи. Швейцер возобновил и литературную деятельность, и концертную. Он воспрял, расплатился с долгами и снова стал копить для возвращения к своему африканскому детищу, и как только обстоятельства позволили, поспешил в Ламбаренэ, но нашел там только развалины; белые муравьи и проливные дожди, хозяйничавшие семь лет, не позволили и думать о починке, все нужно было строить заново. И Швейцер вторично приступил к постройке амбулатории, больницы и лепрозория.

На этот раз работа спорилась и была закончена быстрее; помогали опыт и возобновление связи с наиболее толковыми неграми. Кроме того, книги и лекции об Африке привлекли европейцев, приехавших помогать; среди них оказались врач, несколько сестер и даже плотник.

Швейцер, как и раньше, спал не больше четырех часов в сутки, чтобы высвободить, хоть ночное время для литературных и музыкальных занятий. Члены Всемирного Баховского Общества прислали своему бессменному председателю в подарок из Паррижа маленький орган, построенный с учетом всех особенностей экваториального климата в Африке. Швейцер считал его самым дорогим подарком за всю свою жизнь. Между органом и рабочим столиком, а также под койкой, прятались лопаты, кирки, заступы, пилы и другие инструменты, уберегавшиеся от воровства только здесь.

Тут же, в домике Швейцера, жили разные, выведенные им животные и птицы, в том числе пеликан, денденской промышлявший на воде, а к вечеру возвращавшийся на ночное дежурство. Роль сторожа он исполнял добровольно, по собственной инициативе и все в поселке знали, что к Швейцеру можно попасть только до шести вечера, а позже, пеликан из под крыши, «не взирая на лица», клонет в голову всех, кто попытается пройти к хозяину непрошенным гостем. Таким образом, благодарная птица обеспечила своему спасителю уединение для философских сочинений, которые он подвешивает к потолку после того, как антилопа Леонэ съела первый лист, оставленный на столе.

Швейцер не только любил животных, но и уважал их. Он настаивал

на том, что попечению о животных давно следовало выйти за пределы личного к ним отношения; что попечение это следует понимать, как общественный долг и что человечество только тогда получит право считать себя культурным, когда научится в государственные сметы включить ассигнования на содержание бесплатных ветеринарных больниц. Сам Швейцер не только просил негров принести к нему для лечения больных и раненых диких зверей и птиц, но всякий раз, когда они это делали, чем-нибудь их вознаграждал.

Все это было бы неосторожно считать чудачеством. Не был чудачеством и случай, когда Швейцер нарушил расписание своих занятий и продолжал писать до тех пор, пока не проснулась лежавшая на его левой руке больная кошка. Швейцер считал, что все люди в большом долгу у животных.

Швейцер не любил политики и ею никогда не занимался, но это не помешало ему безошибочно предугадать начало второй мировой войны, что и спасло Ламбаренэ от вторичного разорения, потому что Швейцер вовремя съездил в Европу чтобы заказать продовольствие и лекарства, запасы которых с натяжкой, но хватало на все годы войны. На этот раз, Швейцера никто не посмел тронуть.

Ко времени окончания войны Швейцеру исполнилось семьдесят лет, но по мере убывавших сил, он продолжал работать до самой смерти, все реже отлучаясь из Африки, ставшей для него особенно дорогой после смерти жены, скончавшейся в возрасте пятидесяти семи лет, из которых больше половины она прожила в Ламбаренэ.

Умер Швейцер, оплаканный прежде и горше остальных, неграми, которым он посвятил почти всю свою сознательную жизнь, и для которых в течение полувека был не только целителем, но и учителем, судьей, хозяином и даже чернорабочим. Африканские негры до сих пор чтут память своего настоящего благодетеля, в отличие от фарисействующих провокаторов, уже тогда начавших демагогически спекулировать «черным вопросом» в стремлении к далеко поставленным скрытым целям. Этих проходивцев Швейцер презирал тем глубже, чем искренней жалел негров.

Их отношение к Швейцеру выразилось в таком случае: как-то выведенный из себя чудовищным легкомыслием его питомцев, он воскликнул: «Дурак я, что связался с вами!». С этим неожиданным и вдумчиво согласился черный санитар: «На Земле, доктор, вы действительно большой дурак»... Зная негритянский способ выражения чувств и мыслей, Швейцер, разумеется, не обиделся; негр хотел сказать, что он — Швейцер — не от мира сего. Но негр ошибся.

Ценность Швейцера, как личности, состояла именно в том, что при всех его наредкость выдающихся талантах, силах и высокой духовности, в основной своей сущности, он никогда не переставал оставаться обыкновенным человеком. И исключительность его заключалась не в талантах, талантливых людей, все-таки, больше, чем цельных. В Швейцере, по недосмотру что ли, природа сохранила то, что другие давно утратили, в первую очередь, непринужденную сопротивляемость лжи и соблазнам. Он отличался устойчивой психикой, и отсутствием малейшей склонности к бесплодным увлечениям. Его решения и поступки продиктовались спокойным чувством долга божьего человека. И несмотря на вероятность заблуждения, раньше научных и почетных званий, Швейцер заслужил звание высшее — Христианина. Им он был не только по крещению, но по рождению, по натуре. Во всю свою жизнь он ни разу нравственно не споткнулся, не отклонился в сторону, веря только одной путеводной звезде — Вифлеемской.

Именно на этом пути он добивался исчерпывающей ясности в определенных нравственных основ христиан-

ской культуры; это и помогло ему найти искомое в «Почитании жизни». По Швейцера, человек, сорвавший стебель для того, чтоб, поиграв им, бросить, принципиально свершил уже какой-то грех, но никакого греха нет в том, что крестьянин накопил воз сена для хозяйства.

Швейцеровское «Почитание жизни», это христианское противопоставление тому действительному пренебрежению чужой жизнью, какое получает все большее распространение под вздорную болтовню гуманистов о свободе, равенстве, братстве, в свою очередь, давно противопоставленных христианству. Философия Швейцера — это усилие воспитать в людях, вернуть им чувство наибольшей ответственности перед всем, что дышит. Это, если так можно выразиться, *прикладное христианство*, без подачек или «авантюризма самопожертвования». Это, наконец, любовь; не созерцательная, не пассивная, а динамическая в соединении с чувством долга.

Швейцер перед смертью писал: «Все, что за девятнадцать веков сходило за христианство, только начало, полное ошибок; настоящее христианство впереди».

Оставляя на совести автора такое

мнение, хочется почтительно склониться перед памятью самого честного философа кончающегося века, которого еще при жизни величали, после Баха и Гёте, «третьим великим немцем».

Алберт Швейцер является автором следующих философских и богословских трудов:

Die Religionsphilosophie Kants (Религиозная философия Канта), Tübingen, 1899, I. C. V. Mohr.

Das Abendmahlsproblem auf Grund der wissenschaftlichen Forschung des neunzehnten Jahrhunderts u. der historischen Berichte (Проблема Евхаристии), 1901, I. C. V. Mohr.

Geschichte der Leben-Jesu — Forschung (История исследования жизни Христа), 1906, I. C. V. Mohr.

Kultur und Ethik (Культура и Этика), 1925, München, C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung.

Das Christentum und die Weltreligion (Христианство и мировая религия), München, C. H. Beck'sche V. V.

Verfall und Wiederaufbau der Kultur (Падение и возрождение культуры), München, C. H. Beck'sche V. V.

КАК ИЗ НАС ДЕЛАЛИ «СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА»

(О НОВОЙ КНИГЕ ВЛАДИМИРА БУКОВСКОГО)

Как это часто бывает с русскими авторами, книга Владимира Буковского появилась раньше русского на немецком языке. Выходящая в Бонне ежедневная газета «Die Welt» опубликовала в июльских номерах ряд отрывков из новой книги В. Б. «Wind vor dem Eisgang» (Ветер перед ледоходом), изданной в издательстве Ullstein (Уллштейн) в Берлине.

Первое впечатление от книги в пользу автора. Так это всегда бывает, когда говоришь с Буковским или слушаешь его доклад или читаешь его статью. Впечатление неизменно подкупающее в его пользу, благодаря присущей ему правдивости и искренности, а также и скромности повествования. Но и прочтя книгу и основательно обдумав ее содержание, нельзя не признать ее большое значение. Нам кажется, что особенно ценно подробное, подкрепленное рядом примеров из лично пережитого, описание методики создания «советского человека», наличие которого необходимо для дальнейшего существования Советского Союза.

Книга автобиографическая. Перед глазами читателя проходит жизнь Буковского от ранних детских лет до высылки из Советского Союза. Подробно описана школьная жизнь, т. е. вернее методика калечения детских душ и вколачивания в них так называемой идеологии. Идеологии, в которую уже в школьном возрасте больше

не верят, но зато делают вид, что верят. Горе тому, кто не хочет участвовать в этой лживой игре! Что об этом говорит В. Б. в своей книге?

«Советским детям не полагается никакой самостоятельности, они должны делать только то, что им сказано. Резвость, озорство, подвижность — естественные свойства нормально развитого ребенка — советская школа стремится истребить в корне, действуя нудными выговорами, наказаниями и натравливанием родителей на детей. Никому не дают остаться самим собой, всех стремятся переделать, перевоспитать, как в заведении для малолетних преступников. Это вызывает отчаянное сопротивление молодых организмов, своеобразный протест против непризнания их личности. А поскольку формально все проводится через учителя, то его изолированное положение надзирателя вызывает к нему естественную ненависть. Возникают примерно те же отношения, что в «Бурсе» Помяловского, когда учителя и ученики — смертельные враги и класс травит учителя, как только может, он же норовит их наказывать или унижать, чем только возможно. Нужно добавить, что учителя, как и врачи, у нас самая низкооплачиваемая профессия, поэтому в учителя идут по нужде когда человеку нелегко больше устроиться, да еще неудачники или неспособные к более квалифицированной работе...»

... Особенно были мне противны гуманитарные предметы: история, литература, даже география. Они настолько пропитаны идеологией, что от них ничего не остается. Не то чтобы эта идеология в то время вызывала у меня какие-нибудь серьезные возражения, но она делала предметы убийственно скучными. В самом деле, что интересного в истории, если все это — сплошная классовая борьба и постепенный переход к социализму? Оставалось только запомнить даты каких-то сражений, восстаний и годы жизни выдающихся революционеров...»

Дальнейшая обработка школьной молодежи проводится пионерской организацией. Ученики, ставшие пионерами, постепенно втягиваются в административную работу. Они делают как бы уже начальством, представителями власти: «... И всем нам давались общественные поручения: выпускать стенгазету, делать доклады, подтягивать отстающих, а главное — воспитывать других и друг друга, прорабатывать двоечников и нарушителей дисциплины. То есть, сами того не заметив, мы оказались — в нашей традиционной вражде учеников и учителей — на стороне учителей, что было противозачинственно и как-то подло. С точки зрения класса, это было предательством.

Получалось какое-то раздвоение: с одной стороны, как и весь класс, мы дразнили учителей и старались на уроке сделать им шкуру, с другой стороны, на сборах мы должны были осуждать тех, кто это делал, должны

были доносить на них публично. Некоторые из нас таким образом становились просто ябедниками и возбуждали всеобщую ненависть. Большинство же — лгали и лицемерили, приговаривались, что ничего не знают и не видят. Все мы, однако, должны были осуждать нарушителей».

Эта постоянная ложь, постепенно и незаметно делающаяся неотъемлемым содержанием жизни, является основной чертой так называемого «советского человека», несомненно являющегося одной из основных опор Советского государства:

«Не того (советского человека — прим. ред.), которого изображали на плакатах или в советской литературе, а того, который существует на самом деле, у которого нет ни чести, ни гордости, ни чувства личной ответственности, который может один на медведя с рогатиной ходить, а мимо милиции идет — робеет, аж пот его прошибает. Который предаст и продаст отца родного, лишь бы на него начальник кулаком не стучал».

Одним из не менее существенных качеств «советского человека» является полное понимание своей пакостности, своей способности на любой мерзкий поступок если этого от него пожелает «малиновый околыш». Не очень приятно, даже только себе самому, в этом сознаваться. Поэтому для подавления этого тайного голоса собственной совести выдумываются всевозможные отговорки. Вот некоторые из них:

«— Служить надо России, коммунисты когда-нибудь сами собой исчезнут. (Это особенно распространено у ученых и военных).

— Служить надо вечному, создавать непреходящие ценности науки и культуры, а «мышьяк возня» протестов отрывает от этого служения.

— Ни в коем случае не протестовать открыто — это провокация, это только озлобит власти и обрушит удар на невинных.

— Открытые протесты играют на руку сторонникам твердого курса в Политбюро и мешают «голубям» проводить либерализацию.

— Открытые протесты мешают успехам либерализации, которых можно достичь с помощью большой политики и тайной дипломатии.

— Протестовать по мелочам — только раскрывать себя. Нужно затаиться. Вот когда придет решающий момент, тогда да! — а пока замаскируемся.

— Только не сейчас, сейчас самый неподходящий момент: жена рождает, дети болеют, сначала надо диссертацию защитить, сын в институт поступает... (И так далее — до конца жизни).

Как бы ни была совершенна система создания «советского человека», но и она повидимому не всегда работает бесперебойно. Иногда бывают осечки.

Одной такой осечкой оказался Владимир Буковский. Интересно, что такие «осечки», подвергаясь преследованиям, обычно не складываются оружием, а наоборот, ожесточаясь, пренебрегая личной безопасностью, еще с большей критикой относятся к провозглашаемым «истинам» и сомневаются в «незыблемых кумирах». Так это произошло с Буковским:

«Я жаждал правды и, естественно, начал читать все подряд, что попадалось. Конечно же, одним из первых попался мне в моих потемках Владимир Ильич Ленин. Ах, дорогой наш Ильич, сколько он завел в потемки, сколько дал оправдание их преступлений! Мне же он дал свет. Воистину, зажглась в моих отчаянных сумерках лампочка Ильича... Не удивительно, что существуют на свете десятки марксистско-ленинских партий, и все — истинные! У него просто не было принципов, кроме одного: всегда подвести теоретическую базу под какое-то свое конкретное решение. Эта вот беспринципность и называется ленинской диалектикой. Философия чрезвычайно удобная для жуликов, но никогда не спасавшая их от расплаты...

... И все-таки я извлек много пользы из чтения Ленина. Прежде всего, это живая история преступлений большевиков, та самая история, которую они теперь упорно скрывают.

... С большим интересом стал я читать дальше — и перечитал всех социалистов-утопистов, каких только мог достать. И был удивлен до крайности — ведь все их утопии действительно у нас осуществились! То есть так осуществились, как это и возможно среди людей. Мы просто оказались самыми прилежными и последовательными исполнителями этих утопий. Заметьте — все эти теории предполагают каких-то особенных людей, которым идеально государство будет нравиться, людей только честных, объективных, заботящихся об общем благе, — интересно, куда у них все подлецы подевались? Для этого новое государство нужно изолировать от внешних влияний — вот вам и железный занавес.

В любой утопии государство создается волей какого-нибудь мудреца, этакое Дедушки Ленина, давшего людям добрые законы. Люди почему-то с радостью соглашаются принять эти законы. Вчера еще не хотели, а сегодня, как один, радуются, — словом, вчера было рано, завтра будет поздно. Если же какая-то их часть не согласна — значит, гражданская война?

Жители утопического государства должны полностью забыть прежние привычки, традиции и законы, всю прежнюю историю — стало быть, цензура, запрещенные книги и тому подобное. Для пущей объективности и беспристрастия все блага жизни рас-

пределяются поровну чиновниками — вот и бюрократия. Кампанелла в «Городе Солнца» предлагает даже подбор супружеских пар поручать особым чиновникам — то-то есть где поживиться взяточникам!

И, наконец, самое главное положение всех утопистов: считается, как само собой разумеется, что люди, родившиеся и выросшие уже при новых порядках, будут совсем другими, такими, какие нужны для этого строя. Вот их основная ошибка: они всерьез считают, что человек рождается на свет пустым, как сосуд, и податливым, как воск, а потому — утверждали они — не будет больше преступности, недовольства, зависти и злобы.

Удивительная, наивная и бесчеловечная вера всех социалистов в силу воспитания превратила наши школьные годы в мучение, а страну покрыла концлагерями. У нас воспитывают всех — от мала до велика, и все должны воспитывать друг друга. Соборания, митинги, обсуждения, политинформации, надзор, проверки, коллективные мероприятия, субботники и социалистические соревнования. Для самых трудновоспитуемых — тяжелый физический труд в концлагерях, тот самый, к которому Толстой стремился. А как еще строить социализм? Все это мне, пятнадцатилетнему пацану, уже было понятно. А спросите и сейчас любого западного социалиста: что делать при социализме с неподходящими людьми? Воспитывать — ответит он».

Новая книга Владимира Буковского выйдет в конце этого года в Нью-Йорке.

Это несомненно будет очень ценная и нужная книга, которая многим поможет разобраться в сложной паутиной Сов. Союза.

С. О.

О КНИГЕ ПРОТООИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА КИСИЛЕВА

Два года тому назад в Нью-Йорке вышла из печати книга протоиерея Александра Киселева под заглавием «Облик генерала А. А. Власова» с подзаголовком «Записки военного священника.*) Об этой книге русская зарубежная печать дала весьма положительный отзыв, но как свидетелю описываемых о. Александром событий возникло и у меня желание сказать об этой книге свое мнение.

О генерале А. А. Власове в послевоенной русской зарубежной и иностранной печати написано было очень много и друзьями и врагами его движения, как и о нем самом, отчего диапазон освещения личности генерала

*) Книга вышла в издательстве: Put Zhizni, St. Seraphim Foundation, Inc. 322 West 108 St. New York, N. Y. 10025, USA. Library of Congress Card N. 76-50910.

получился большой. Но среди всего написанного о Власове, книга о. Александра занимает особое место. Я бы сказал, что она единственная в своем роде, она ближе всех подходит к истине.

Пользуясь тем, что он хорошо знал описываемых им лиц и их деятельность, автор пишет о них, главным образом, языком фактов — коротко, ясно, без лишних слов — только то, что видел и знал. Если же он прибегает к ссылкам, то это мнения авторитетов, близко стоявших к делу. И, конечно, как мастер слова, автор излагает свои мысли с такой точностью, что в его освещении герои оживают, а события вырисовываются выпукло и красочно. Даже тридцатитрехлетний период, отделяющий нас от описываемых им событий, нисколько не повлиял на свежесть его красок. Но это всего лишь внешняя сторона особенности этой книги.

Характерная ее черта — в анализе весьма сложных русских национальных политических и государственных вопросов, которые вызвали к жизни такое явление, как выступление русских военнопленных во время войны против коммунистов. Это выступление психологически было подготовлено террористическими методами властвования коммунистов и являлось продолжением бесчисленных крестьянских и рабочих восстаний на Родине, которые коммунисты жестоко подавляли. Это выступление, независимо от того, что оно возникло на стороне воюющего врага, было патриотическое, народное, массовое, возникло стихийно, и схлестнулось с жестокой гитлеровской агрессией и его свирепыми мероприятиями. Народ очутился между двумя врагами и в этом заключалось его несчастье. В этом его горе. О. Александр переключается со своими соотечественниками, находившимися в германском строю, за колючей проволокой, у фабричного станка. Он старался всячески помочь им, чем мог и в конце концов решил окунуться в их жизнь и, накинув на плечи плащпалатку, став в ряды Второй дивизии РОА, вышедшей из Мюнзингена в поход. (В то время, за исключением урапатриотов, принимавших коммунистов за «своих», вся остальная эмиграция относилась к РОА как к своей национальной армии и делила с ней горе и радость). Все психологические нюансы национального и патриотического характера, толкавшие русских людей взяться за оружие, приведены и обоснованы отцом Александром, и это большое достижение, поскольку есть еще немало любителей прибегать в оценке тогдашних событий к мерилам, выработанным в нормальное время.

О. Александр озаглавил свою книгу «Облик генерала А. А. Власова», но в тексте он вышел далеко за рамки этого заглавия, а конкретно описал всю историю Власовского движения, гене-

ралов В. Ф. Малышкина, Ф. И. Трухина и М. А. Меандрова, о котором он пишет с особой симпатией; он коснулся почти всех главных событий в истории КОНРа (Комитета Освобождения Народов России), хотя главное место отведено А. А. Власову, начиная со дня его знакомства с генералом на крестинах младенца и кончая последними печальными днями в мае 1945 года. В его описании Власов не только главный герой книги, но он любовь и надежда всех тех, кто тогда считал себя русским, национальный герой той эпохи. Героями, может быть, уже рождаются, но требуется соответствующая обстановка для их выявления. Для Власова такой обстановкой послужила минувшая война. Мы все помним первые катастрофические месяцы войны для Красной Армии. Власов был один из немногих командиров, который, благодаря блестящей подготовке доверенных ему частей, оказал германским войскам упорное и подчас успешное сопротивление и сумел провести организованное отступление. Когда Галиция была оставлена ему была поручена оборона Киева, который он оставил только по приказу Сталина, прорвав неприятельское окружение. При обороне же Москвы в конце 1941 года, командуя армией на самом трудном секторе обороны (где ожидался удар немцев), он на только отразил удар врага, но и контр-наступлением отогнал его до Гжатска. Это была первая серьезная победа над германской армией и послужила опровержением мифа о ее непобедимости. Когда Власов очутился в плену, то несмотря на то, что гитлеровская агрессия на востоке шла вразрез с его идеей русского освобождения, он, всего лишь пленный генерал, дерзнул кликнуть клич соотечественникам, не боясь неоднократных угроз со стороны Гитлера и его приспешников передать его в распоряжение Гестапо. Правда, Власова поддерживало сильное течение антигитлеровцев из среды командного состава германской армии.

Однако, пишет ли о. Александр о Власове как о человеке, о военачальнике или политическом деятеле, он редко говорит о нем с точки зрения своего личного впечатления, а, как сказано, пользуется языком фактов, выявляя его духовный облик из его слов и действий, в его выступлениях, беседах, и, наконец, когда все погибло, в его стремлении в последний момент взять всю ответственность на себя, самому ответить за всех, отстоять любимые им войска от грозившей им выдачи.

Нельзя обойти молчанием и такие художественные картины в книге о. Александра, как обнародование Манифеста, или выступление Второй дивизии из Мюнзингена. Книга написана захватывающе и от нее трудно оторваться, а для будущих историков

она послужит очень серьезным и ценным материалом по изучению одного из этапов русской антикоммунистической борьбы.

К. Кромиади

САХАРОВ О ЕВРОКОММУНИЗМЕ

Обсуждение этой темы было бы не всесторонним без упоминания интервью Андрея Дмитриевича Сахарова датской журналистке Д. Хаастод, выдержки из которого мы приводим ниже и которое было опубликовано в датской газете «Юлландс Постен» и частично перепечатано в «Русской мысли» № 3207 от 8. 6. 1978:

«... Я не в состоянии дать оценку партийным программам тех, кто называют себя „еврокоммунистами“ и утверждают, что они против диктатуры. Но все их декларации останутся пустыми фразами, если они реально не докажут, что активно участвуют в борьбе за права человека... Им следовало бы занять недвусмысленную позицию по вопросам освобождения политзаключенных в СССР и других странах советского блока, бороться за истинный прогресс и открытость общества в тоталитарных социалистических странах... Это станет возможным лишь при условии, если еврокоммунисты преодолели свой страх быть обвиненными в „антисоветизме“ и „сотрудничестве с реакционными силами“. Коммунисты Запада смогли бы сыграть важную роль при разоблачении мифа советской пропаганды о т. наз. прогрессе в Советском Союзе...

„Международная Амнистия“ занимается делами 400 политзаключенных в Советском Союзе. Помогая им и их семьям, еврокоммунисты могли бы доказать всему миру, что они действуют в соответствии с прокламированными принципами».

ХЕДРИК СМИТ: «РУССКИЕ»

1971—1974 года Хедрик Смит провёл в Москве главным корреспондентом газеты «Нью-Йорк Таймс» и за блестящие корреспонденции удостоен премии Пулитцера. Появление его книги «Русские» было справедливо отмечено всеми ведущими газетами. Автору блестяще удалась поставленная им самим себе задача: рассказать американцам о русских как о людях, с их заботами, проблемами, радостями. Он пытается их понять, и поняв, передать свое знание западному читателю. Его книга как бы путеводитель по советскому быту, который противопоставляется фальшивой официальной приветливости. Основная тема — повседневные проблемы: трудности городского транспорта, квартирный вопрос, стояние в очередях за продуктами и за всем, что «дают», неувязки с семейным бюджетом. И вот, несмотр-

ря на известную внешнюю суровость и замкнутость, русские в кругу людей, которым они доверяют, превращаются в приветливых, теплых, щедрых и гостеприимных людей. Книгу Хедрика Смита можно смело рекомендовать каждому зап. европейцу или американцу, имеющему желание узнать «кто такие эти русские?». Книга вышла на английском и немецком языках.

Акафистик, издат. «Жизнь с Богом», Foyer Oriental Chretien, 206 Avenue de la Couronne, 1050 Bruxelles, напечатан на тонкой бумаге, 704 стр., с многочисленными репродукциями икон, включает 30 акафистов. Один из них принадлежит священнику Г. Петрову, погибшему в коммунистических застенках в сороковых годах.

«Религия в борьбе идей», канд. фил. наук Э. И. Лисавцев, Политиздат, Москва, 1975. Брошюра предназначена для пропагандистов научного атеизма, для преподавателей и студентов

вузов и организаторов атеистической работы. В итоге Лисавцеву не удается опровергнуть данные западных советологов. Его критика ограничивается малоубедительными общими утверждениями о том, что якобы результаты социальных исследований указывают на уменьшение числа верующих.

International University Book Exchange Service, 80 East 11 Street, New York, N. Y. 10003, Etats Unis скупает русские архивы, письма и документы видных деятелей науки и культуры.

И. М. Боголепов: «В отпущение за Мадрит», изд-ство «Посев», Франкфурт/Майн, ФРГ, 2 тома, 800 стр., 34.— нем. м., 1978. Автор — бывший советский эксперт по международным вопросам. Книга, посвященная памяти трагически погибшей жены-друга Мадрит, дает анализ полувековых взаимоотношений между СССР и Западом. Автор в своих выводах считает обе, распространенные на Западе, установки неправильными и пагубными:

либо термоядерная руссофобия, либо просоветская игра в поддавки.

Сборник «Памятники Отечества» историка С. Семенова, изданный в Москве, подвергся жестокой критике Александра Шимаро, договорившегося на страницах журнала «Наука и религия» до того, что:

«Большинство памятников давней истории и древней культуры по существу увековечивают память об отрицательных сторонах дореволюционной истории: о религиозном дурмане и церковном засилии; о классовом общественном устройстве, основанном на эксплуатации трудящихся масс». («Наука и Религия», № 6, 1973, стр. 17).

Фотоальбом Е. Башета «Russland 1904—1924» прекрасно иллюстрирует историю России с начала русско-японской войны до смерти Ленина. Из 300 снимков большая часть показывается впервые. Книга в твердом переплете, 280 стр., цена 69.— нем. м. Заказы через Buchverlag A. Neimanis, Bauerstr. 28, 8000 München 40.

Г. А.

Бывает и такое

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ СЛУЧАЙ

Случайно, на распродаже, купил по дешевке книгу с тремя повестями Антуана де сент-Экзюпери, издат. Худож. литературы в Москве, 1977. С интересом читал — и вдруг остановился. В повести «Военный летчик» говорит автор о человеке и культуре: «Веками моя духовная культура сквозь людей созерцала Бога», — Бог напечатан с большой буквы! И дальше тоже: Солженицын, похоже, ошибся, когда писал, что коммунисты пожалели одну большую буквочку, заставляя писать Бог с малой буквы. И все мы ошибались, говоря, что по воле богомерзкого Ленина в советской письменности слово Бог пишется с малой буквы. А в этой книге не так: по крайней мере со страницы 320-й слово Бог раз пятнадцать напечатано с большой буквы. Автор пишет: «В человеке почитали Бога», «Люди были братьями в Боге» — и везде с большой буквы!

По ошибке или недосмотру такое не бывает. На 60-м году диктатуры на такую идеологическую диверсию не решился бы ни один советский редактор. В чем же дело? Неужто было решено отнестись к французам с особым уважением, показать им свою «культурность»? Для такого решения пришлось наверное провести десяток совещаний ответственных товарищей, даже обратиться за разрешением в ЦК партии. Случай, что и говорить, исключительный!

РАЗЗУДИСЬ ЯЗЫК!

За годы эмиграции мы отвыкли от размашистых советских агитационных выкриков, обычно ни по правде, ни по логике не лезущих ни в одни ворота. Но в последнее время эта отчаянность стала попадаться и в эмиграции. Читаю, например, в газете «Новое русское слово» (2. 7. 78) статью Я. Давашева о «Полярных конкистадорах XX века». В ней такой перл: «Река Колыма... впадает в Ледовитый океан, где в ее устье находятся Кресты Колымские — место извечной каторги царской России».

Извечной — это что, от Владимира Мономаха или немного позже? Кресты в устье Колымы (немного выше устья) были сложены в 17 веке землепроходцами, как пу-

тевой знак. Там была деревня рыбаков, а в годы колымских лагерей — рыболовецкий лагпункт, на котором чекисты, из карьерных побуждений, спровоцировали восстание (были перестреляны все заключенные пункта). Каторги раньше там не было и быть не могло: царскому правительству забираться на такие кулички с каторгой не было ни малейшего смысла. Как бы оно стало в те времена снабжать каторжан? Оно же не было «советским правительством» и считало, что осужденных надо кормить и содержать в тепле.

Каторга в России возникла в первой половине XVIII века (позже, чем в Западной Европе, но там цивилизация и в этом плане о Европе у нас не говорят: мы привыкли порочить только самих себя). Места ее, «остроги», известны — на Шилке, в Нерчинске и т. д. На Колыму даже в ссылку посылали редко, обычно дальше Лены не ссылали. С конца прошлого века в России было две каторжных тюрьмы: «централы» Александровский, недалеко от Иркутска, Орловский, в Орле. В Соловках и других лагерях иногда встречались бывшие «царские каторжане», — сравнивать «извечную царскую каторгу» с советскими лагерями они не решались: последние несравнимы ни с чем. Был и Сахалин, где каторжане жили скорее на поселениях.

«Попад в эмиграцию, от агитационных дешевок надо отвыкать», — не говорил, но мог бы сказать незабвенный Козьма Прутков.

СЛОВА, СЛОВА...

Вопрос о засорении языка ненужными словами — одна из самых неблагоприятных тем. Непререкаемого арбитра нет, в его роли выступает время, — на его решение тоже требуется время, и много, годы и годы.

Но иногда ненужность слова «бросается в глаза». Так, в последние два-три года, сначала в советских газетах, потом и эмигрантские съезды начинали, появилось взятое на Западе слово «регион». И пошло: регион, региональный (региональный уже было в словаре, наверное из дипломатического обихода) и даже региональный. Почему, зачем, если с давних пор у нас есть равнозначный «район»? Или ме-

сто, местность. Заимствование иностранных слов оправдано только в случаях, если соответствующего ему в нашем языке нет. «Шишков, прости, не знаю, как перевести...» — а тут перевести проще простого. Зачем же нужен лишний регион?..

МОДЕЛЬ

С этим словечком сложнее. Оно постоянно мелькает теперь в статьях на общественно-политические темы. Прежде в соответствующих случаях обычно говорили схема. Например, марксистско-ленинская схема построения общества. Теперь обязательно скажут или напишут: модель. Считается, наверно, что учение звучит. А замечают ли, что не только учение, но и тупее, неподвижнее, мертвее?

Схема — тоже не очень-то идеально, от него — схематизм. Все же схема — слово более гибкое и широкое. Оно оставляет возможность как-то манипулировать включенными в схему понятиями. Модель — другое дело. В ней все части должны быть точно пригнаны, сбиты неподвижно, иначе модель развалится. И вам придется подгонять себя, свою мысль к этой жесткой неподвижности, лишать мысль гибкости, движения.

Предпочитая будто бы «научные» модели, мы, незаметно для себя, заставляем втискивать мысль в жесткие рамки — и отучаемся смотреть пошире и поживее.

КУДА ДУЮТ ВЕТРЫ?

Отвержение коммунизма нашими первой и второй эмиграциями было явное и сомнений тут не было. Но с неко-

торых пор сомнения стали возникать, — после появления в эмиграции «третьей волны». Сказывается это и в терминологии. Так, о науке в Советском Союзе мы обычно говорили, как о порабощенной или закрепощенной, — третьи вводят новый термин: «управляемая наука».

«Управляемая» — звучит куда мягче, о диктатуре и диктаторском строе может и не напоминать. Приемлемее и для западных прогрессистов, слово диктатура в отношении Советского Союза воспринимающих с неудовольствием. Термин «управляемая наука», что и говорить, левым вкусом может потрафлять. Но обязательна ли для эмиграции забота о левых вкусах?

Есть и такая новость в газетной лексике. Мы всегда писали так, что неясности относительно места, откуда происходят нынешние красные волнения и бури не было. Источник нами указывался точно: «штаб мировой революции», иначе говоря, ЦК КПСС и его верховный орган Политбюро.

А теперь постоянно читаешь: Москва усиливает давление, Москва снабжает партизан и террористов оружием и деньгами, Москва расширяет шпионаж, сеет волнения, Москва, Москва... Что за упрямое желание перепутать адрес? Москва старый русский город, бывшая столица русского государства, захваченного коммунистами, — а вы внушаете, что дело вовсе не в коммунистах и их, глядишь, там и нету? Зачем общеизвестное политическое явление переводить в национальный план, снимая с него коммунистическую краску? Лучшей услуги коммунистам сделать нельзя...

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

Став совсем недавно читателем Вашего журнала, я был приятно удивлен, что одним из Ваших постоянных авторов является г-н А. Авторханов. Это имя хорошо знакомо в СССР в среде московской, да, я думаю, и не только московской интеллигенции. В связи с этим я вспомнил свое первое знакомство с этим интереснейшим человеком: прочтение книги «Технология власти».

Это было в 1970 году. Мне через энные руки — из портфеля в портфель — был передан увесистый пакет с несколькими сотнями листов фотобумаги. О размере шрифта можно судить по тому, что формат страницы был приблизительно равен игровой карте. На протяжении нескольких ночей (днем-то — на работу!) мы с женой взахлеб читали книгу. Нам нужно было не только прочесть ее срочно, чтобы отдать владельцу, но одновременно снабжать прочитанными за ночь страницами десятков наших верных друзей. А потом мы, встречаясь, заговорщицки перемигивались и спрашивали друг друга: «Ну, как тебе Ханыч?! — Да, это — гигант!»...

Для меня прочтение этой книги было равносильно тому, как близорукий впервые надевает очки. И раньше все, вроде бы, видел, а не резко. А тут — все, как есть! Весь скрытый механизм советской власти как под увеличительным стеклом.

Потом, конечно, мы читали и дру-

гие книги А. Авторханова, но воспоминание о первой — самое яркое.

Мне хотелось бы от лица моих московских друзей и, конечно, от себя лично, через редакцию журнала от всего сердца поблагодарить г-на Авторханова за его замечательные книги.

С. Александров

ПРОТЕСТЫ В АНГЛИИ

Консервативный член Британского парламента, Бернар Брейн (Bernar Brain), опубликовал в Таймсе (Times) открытое письмо, в котором он предлагает правительству высказать свое сожаление по поводу состоявшейся выдачи советских военнослужащих, принявших участие в последней мировой войне на стороне Германии против Сов. Союза. Правительству предлагается, признав свою вину в совершенном преступлении и в сокрытии его от английской общественности, обещать, что что-либо подобное в будущем не будет допущено.

Главную вину приписывают министру иностранных дел Идену (Eden), министру-президенту Гарольду Макмиллану (Harold Macmillan) и руководящим чиновникам министерства иностранных дел во главе со статс-секретарем Христорфом Майхэвом (Christopher Mayhew). Последний ввел в заблуждение Эрнеста Бевина (Ernest Bevin), сменившего Идена на посту министра иностранных дел, и парламент, утверждая, что никто не репатрируется в Сов. Союз против своей

воли и применение силы и самоубийства не имели места. Главным противником депортаций был фельдмаршал Александер (Alexander), который в молодости имел возможность познать сущность большевизма, когда он в Прибалтике командовал белогвардейской добровольческой частью, состоявшей из прибалтийских немцев (die baltische Landeswehr). **Воробьев**

СТАРООБРЯДЦЫ В АМЕРИКЕ

Первые старообрядцы прибыли в Америку из Белоруссии, Литвы и Польши в последнее десятилетие прошлого века. Их приток усилился перед первой мировой войной. Оседали они главным образом в Пенсильвании. Часть возвращалась домой, но большинство оседало в районе городов Ири, Эссен, Марианна и Рассельтоун. В 1913 году их было уже около 3000 человек. В Эссене находился первый, и в то время единственный, молитвенный дом. Большинство принадлежало к Поморскому согласию. В 1919 году был построен второй храм в Ири. Пришельцы брались за любую тяжелую работу: рубили и грузили лес, работали шахтерами и землекопами и всюду зарекомендовали себя прилежными и исполнительными. Жили они крайне скромно и вскоре достигли среднего достатка. В 1928 году в городах Эриен и Питсбурге организуются две общины Поморского согласия. В Эриене строится прекрасный храм. В данное время в США имеются четыре общины Поморского согласия в городах: Ири, Марианна (Пенсиль-

вания), Милливилле (Нью Джерси) и Детройте (Мичиган). В Ири организуются съезды общин и молодежи. Издаются календари и религиозная литература. На съезде общин в 1973 г. в Марианне было отмечено снятие клятвенного осуждения старообрядцев, утвержденное Поместным Собором Русской Православной Церкви в 1971 г. и затем Собором Русской Православной Зарубежной Церкви в 1974 году.

В шестидесятых годах в США, с помощью Толстовского Фонда, прибыли казаки — Некрасовцы, еще при Петре I бежавшие в Турцию. Сначала они поселились в центрах русской эмиграции, в районах городов Лейквуда и Патерсона, потом переселились в более тихую долину Уильметт в штате Орегон, где они живут и по сей день. Большинство Некрасовцев скоро овладело английским языком; они хорошие и добросовестные работники.

Последняя большая группа в течение последних 20-ти лет прибыла из Маньчжурии, куда они бежали из СССР и дальше через Китай, Австралию, Бразилию и Орегон на Аляску, где им очень понравилось. В городе Николаевске (Аляска) построена молельня. Сейчас в США проживает около 8000 старообрядцев: в Орегоне около 4000 (часовенники и Некрасовцы); 3750 — в штатах Мичиган, Пенсильвания и Нью Джерси (из них 3500 поморцев и 250 некрасовцев), 275 чел. на Аляске.

А. Беляев

ШКОЛА ИКОНОПИСИ В ПАРИЖЕ

В центре Парижа, на одной из маленьких улочек Латинского квартала приютилась школа традиционной русской иконописи, которой руководит о. Георгий Дробот. О школе ее многочисленные ученики узнали понаслышке, так как о ней нигде не давались объявления. Большинство учеников — не русские и часто даже не православные; видимо, потому, что среди русских эмигрантов и их семейств реже возникает интерес к привычным для них иконам. Мало кто из русских знает, что мир икон — это целое «умозрение в красках», по выражению кн. Е. Н. Трубецкого, и редкие берутся за его изучение.

О. Георгий Дробот — православный священник и иконописец, уже давно состоит членом парижского общества «Икона», объединяющего традиционных русских иконописцев и искусствоведов. Он автор докторского труда по иконологии, как теперь говорят на Западе, и обладает уже многолетним опытом преподавания иконописи. Первые его ученики приходили работать к нему на дом, но в конце концов в его маленькой квартире стало не хватать места. Надо было где-то подыскать помещение, что в Париже дело непростое... Как раз в этот период

среди инославных учеников о. Георгия были католические монахи, которые и предоставили ему возможность пользоваться два раза в неделю их помещением.

Таким образом ученики о. Георгия собираются теперь по пятницам или субботам после обеда на ул. Григория Турского (рю Грегуар де Тур № 18). Урок начинается с молитвы; затем каждый вынимает подготовленную доску или уже начатую работу и берется за кисточку. Начинающие могут получить краткое техническое пособие, отпечатанное на машинке; в ходе работы им помогают советы о. Георгия. Уроки не ограничиваются только лишь чисто техническими указаниями: периодически устраиваются лекции по истории иконописи с проекциями или беседы о смысле икон и правильном понимании иконопочитания. Состав учеников самый разнообразный: среди них много молодежи, есть и ученики парижской Академии Художеств, где традиционная иконописная техника не преподается; есть также пожилые люди, пенсионеры, для которых иконопись стала люби-

мым занятием, так как она удовлетворяет и художественные их интересы, и дает духовную пищу; есть люди разных разных профессий, начиная от юристов и кончая монахами и монахинями. Все они согласны в том, что иконопись обогащает их внутренне и украшает их жизнь. Реже всего — за многие годы существования школы — среди учеников о. Георгия встречались люди, хотевшие стать, так сказать, «профессиональными» иконописцами. Видимо, современный человек ощущает иконописную работу как некоторый вид духовного делания, особую форму духовного становления или духовной дисциплины, отвечающую его внутренним стремлениям.

Остается лишь пожалеть, что эта область не привлекает православных верующих в большем количестве. Живя в Православии, мы часто не даем себе труда *изучить* его и познакомиться со всеми его аспектами. А православная икона ведь как раз и является одним из самых своеобразных и интересных его проявлений.

М. Д.

ВСЕРОССИЙСКАЯ МЕМУАРНАЯ БИБЛИОТЕКА

Ниже мы приводим обращение А. И. Солженицына к русской эмиграции.

Наш век отмечен для России сплошным планомерным уничтожением письменных свидетельств и живых свидетелей. Но и он же отличается от предыдущих сплошной грамотностью. Оттого люди много пережившие и в пожилые годы с досугом имеют возможность изложить на бумаге многое из своих воспоминаний, особенно то, что представляет общественный интерес или познавательный смысл для потомков. Самые «простые» жизни в наше бурное время прикоснулись к чему-то неповторимому, несут в себе важный осколок истории, иногда только этот один человек; но не записав пережитого, не сообщив одноземцам — унесут в беспмятность. Однако большая часть таких воспоминаний обычно не пишется — из неверия в свои силы, из неясности цели. Большая часть уже написанных не принимается в печать по своему обилию и потому что не достигает литературного уровня.

Русский Общественный Фонд, основанный мною три года назад, одной из целей своих ставит собирание всяких личных воспоминаний наших соотечественников с обязательством (от меня и моих наследников) — надежного хранения, постепенной перепечатки и каталогизации их, а как только наступит благоприятное для того время — перевозки их всех в один из городов Центральной России, где они будут соединены с подобными же воспоминаниями людей, проживших всю

жизнь в СССР, и составят вместе с ними Всероссийскую Мемуарную Библиотеку, ступок народной памяти и опыта.

Эта библиотека уже создается и принимает все присылаемые материалы — короткие (2-3 страницы) или просторные (до 1000 и больше страниц), любым образом написанные также и не на русском языке, при любом уровне грамотности — но содержащие материал из жизни нашего народа в XX веке. Воспоминания могут быть отрывочны; могут включать, и это ценно, собственные взгляды, выводы, объяснения авторов, а также (с пояснениями) фотографии упоминаемых лиц, мест и самого автора, в описываемое время или ныне. Среди принимаемых материалов — и письма частных лиц предреволюционного и послереволюционного времени.

Все принятые рукописи Библиотека ставит на учет, аннотирует, составляет к ним указатели по описываемым годам, географическим местам, событиям, лицам — историческим и рядовым, сферам и направлениям жизни. Затем все эти указания размещаются по соответствующим каталогам, и таким образом каждая рукопись оставляет след в разных каталогах, а будущий исследователь новейшей русской истории сможет двигаться систематически по избранной области, как бы выслушивая авторов, уже и умерших, открывая неживую историю в этих неоценимых свидетельствах.

Все воспоминания о революциях и гражданской войне, присланные мне эмигрантами старшего поколения, я, после благодарного ознакомления, передал на хранение в Мемуарную Биб-

лиотеку. Но за пределами нашей родины еще многочисленнее живет эмиграция Вторая, с огромным опытом жизни в первое советское 25-летие (темные для истории 20-е и 30-е годы, коллективизация, преследования всех видов), с опытом советско-германской войны, так называемого «народного ополчения» (почти нигде не отраженная жестокая эпопея!), жизни на территории, занятой немцами, в ост'овских лагерях, в армейских частях, с горьким опытом беженства и послевоенного неустройства в западных зонах при угрозе выдачи НКВД. Весь этот опыт почти неизвестен остальному населению нашей страны и будет представлять величайший интерес — чем позже, тем больше.

Я призываю моих соотечественников теперь же сесть писать такие воспоминания и присылать их — чтобы горе наше не ушло вместе с ними бесследно, но сохранилось бы для русской памяти, остерегая на будущее.

По желанию авторов их истинные имена могут быть вовсе не названы (и сам автор может прислать рукопись под псевдонимом, лишь указав, что имя — не подлинное), либо сохранены в тайне до указанного ими срока.

Мемуары с наибольшей плотностью материала и самого общего интереса будут Всероссийской Мемуарной Библиотекой со временем публиковаться (разумеется, только с согласия автора). Все рукописи приглашаю посылать по адресу:

Alexander Solzhenitsyn
В.М.Б.
Post Office Box 1446
Boston, Mass. 02101
USA

Независимо от Библиотеки, но по этому же адресу (вместо В.М.Б. указать: «Русское Хранение») — Русский Общественный Фонд принимает в долгосрочное хранение любые материалы и архивы, относящиеся к русской истории XX века. При том же благоприятном времени, когда у нас на родине не будет более преследоваться память о нашей истории, — все «Русское Хранение» будет передано в хранилища на территории нашей страны, соответственно теме каждого материала.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

ЯНТАРНАЯ КОМНАТА ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ДВОРЦА

Прусский король Фридрих I подарил в 1717 году русскому императору Петру I для Царскосельского дворца знаменитую янтарную комнату. В 1942 г. Царское село было занято немецкими войсками. При отступлении немецких войск в октябре 1944 г. янтарная отделка комнаты, примерно 45 кв. метров, была упакована в ящики и увезена в Кенигсберг. Здесь след этой драгоценности был потерян.

Некий Георг Штейн, занимающийся

поиском кладов, похищенных нацистами в России и уже имевший на этом поприще успех, обратился к редакции «Sunday Times» с сообщением, что у него имеются новые, еще неизвестные данные о местонахождении янтарной комнаты. Он расшифровал телетайпное письмо, отправленное в январе 1945 года в Берлин, примерно следующего содержания: «Операция „Янтарная комната“ закончена, объект находится в „B.Sch.W.V.“». Исследователь разобрал указанный адрес как:

Х Р О Н И К А

ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

• Ученики консерватории им. С. В. Рахманинова в Париже выступили 23 июня с. г. в отдельных сценах из следующих опер: Борис Годунов, Аида, Кармен, Лючия ди Ламермур, Севильский Цирюльник, Сельская Честь, Отелло, Травиата и Фрейшюц. Певцы были в гриме и костюмах. Руководили концертом М. Давыдова и П. Кенели.

• В конце мая в Париже состоялся концерт, посвященный произведениям Александра Николаевича Черепнина. В первой части концерта выступали: Дениз Ферран-Теле, Нелль и Ивар Готковские и Григорий Евгениевич Гришин; во второй — пианистка Машико Фужисаки, Дмитрий Борисович Маркевич и Питер Кенели.

• 8 июня в Париже состоялся концерт произведений русской музыки Григория Гришина. Для французской публики читались переводы исполнявшихся песен.

• Лауреат международного музыкального конкурса, пианист Валерий Афанасиев, избрал свободу и работает преподавателем по классу пианино в консерватории гор. Брюсселя. Повидимому из-за этого, пианистам Сов. Союза в этом году не разрешено принять участие в музыкальном конкурсе имени королевы Елизаветы в Брюсселе.

• 6 июля, в театре «Ришелье» в Париже, состоялась лекция Сергея Лифаря о балете и социальной структуре общества. Согласно Лифарю, искусство отражает всю жизнь, а балет является результатом соединения пяти областей искусства: танца, музыки, костюмов, декораций и литературы. Завершением классического балета была эпоха «Русских Балетов» Дягилева в начале этого века.

• В августе в Мюнхене состоялась выставка картин знаменитого русского художника Александра Коцебу, скончавшегося в 1889 г. в Мюнхене. Из выставленных картин необходимо отметить: Суворовские походы, сцены из 7-летней войны, Полтавский бой, взятие Нарвы, завоевание Финляндии, Березина.

• В конце июня в Париже, в галерее Жак Массоль, художник Олег Яковлев, прибывший год тому назад из Сов. Союза, выставил свои оригинальные картины, в основу которых входят три гео-

«B-Schacht Wittekind, Volpriehausen». Соляные копи в Фолприхаузене вблизи города Геттингена уже во время войны использовались как хранилище боеприпасов и убежище для ценных библиотек и произведений искусства. В сентябре 1945 года вход «Б» в соляные копи был разрушен взрывом и с тех пор хранилище затоплено. Вполне возможно, что «Янтарная комната» еще и сейчас лежит в затопленной шахте, под толстым слоем соли на глубине 650 метров.

метрические фигуры: круг, треугольник и квадрат.

• Бельгийская академия европейского искусства устроила в мае с. г. художественную выставку, на которой была также показана картина С. Е. Чекуновой «Медитация над лотосом». За эту картину художница была награждена золотой медалью Бельгийской и Французской Академий.

• Собранием «Дружеская встреча» закончился третий год работы Русско-Американского культурно-просветительного общества в Лос-Анджелесе. За год в обществе состоялось 12 вечеров, на которых были прочитаны следующие доклады: проф. В. Г. Хейс — творчество Куприна, проф. О. Б. Матич — «Миф Андрогина», А. В. Славолубов — путешествие по Кении, А. Н. Хирдов — история открытия гробницы Тутанхамона, В. В. Рышко — русский народный костюм, проф. А. Н. Лосский — «Екатерина Великая», В. К. Ордовский — туризм с черного хода, Э. И. Боброва — жизнь и творчество поэта Дмитрия Кленовского, проф. Г. П. Струве — «Владимир Набоков», Т. А. Маслова-Гинх — «Жизнь и творчество Бетховена». Общее число посетителей докладов достигло 700 человек.

• 9 июля состоялся юбилейный 75-й выпуск Устного Журнала в Лос-Анджелесе. С докладами выступили: Н. Ю. Пушкирской на тему «Литературная деятельность императрицы Екатерины II», А. А. Аристова — «От Альп до Рима и обратно».

• 11 мая в Мюнхене, в помещении Русской Библиотеки Толстовского Фонда, по инициативе РНО состоялось собрание, посвященное памяти белых вождей адмирала Колчака и ген. Врангеля. Зал был убран российскими и андреевскими флангами, портретами и стендами, посвященными Гражданской войне. После литии, совершенной преосвященным епископом Павлом, с докладами выступили А. И. Михайловский, говоривший о жизненном пути адмирала Колчака, Л. И. Барат — о генерале Врангеле, после перерыва Г. Н. Циолкович и В. А. Древинг прочли стихи Н. И. Тuroверова и Марины Цветаевой о Белом Движении.

• Профессор Калифорнийского университета в Бёркли, Глеб Петрович

Струве, выступил 12. 5. 78 в РАКПО со своими воспоминаниями о Владимире Владимировиче Набокове.

- Доклад на тему «Причины ухода Менделеева из университета» прочел В. А. Иванов 17 июня на собрании Общества Охранения Русских Культурных Ценностей в зале Морского Собрания в Париже.

- В обращении, подписанном более чем пятьюстами учеными и инженерами Европейского Центра ядерных испытаний в Женеве, два директора, Л. Ван Хове и Д. Адамс, уполномочиваются принять все возможные меры для освобождения Юрия Орлова, которому предоставляется возможность работать в Центре. Председатель французского физического общества, проф. Б. Дрейфус, передал Академии Наук СССР протест против репрессий, которым подвергаются ученые в СССР, в частности Юрий Орлов.

- Датское отделение Международной Амнистии выпустило почтовые открытки с фотографией осужденного в Сов. Союзе биолога Сергея Ковалева, с датским и русским текстами, требующими его освобождения. Ковалев осужден за участие в «Хронике Литовской католической церкви». Желающих отправить эти открытки в СССР просят обращаться по адресу:

Amnestie International — Frederiksborg-gade 1, 1360 Kopenhagen K, Danemark.

- В мае месяце на газету «Новое Русское слово» в Нью-Йорке — единственную русскую ежедневную газету за рубежом, было произведено покушение. Взрывом газа были разрушены линогипсы и другие типографские машины и соседние помещения. Человеческих жертв не было.

- Главный редактор парижской русской еженедельной газеты «Русская мысль», Зинаида Алексеевна Шаховская, передала свои обязанности редакционной коллегии, состоящей из В. А. Допера, С. Н. Милорадовича, К. Д. Померанцева и В. М. Рыбакова. Зинаида Алексеевна не порывает с газетой, а остается почетным редактором. Как таковой, она впервые подписала газету 31 августа 1978 г. Читатели и сотрудники в один голос признают заслуги Зинаиды Алексеевны, добившейся за время ее руководства, что «газета, неизменно сохраняя русский дух, оделась в более современные европейские одежды».

- Открывшийся в Москве 14-й международный конгресс генетиков бойкотуруется учеными Свободного мира, требующими освобождения биолога Сергея Ковалева, осужденного на многолетний срок лишения свободы за т. н. «инакомыслие». Из 2100 приглашенных иностранных ученых, приехало только 380, из этого числа — 281 из стран Восточной Европы. Почти все американские и канадские делегаты конгресса в последнюю минуту отказались принять в нем участие. Эти конгрессы созываются каждые 5 лет. В этом году в Москве, в помещении Московского Ломоносовского университета, при более 3000 участников.

Предвиденные доклады, числом около 1500, делались главным образом советскими учеными, причем, согласно поступившей из Москвы информации, не переводились на европейские языки. По мнению профессора Гейдельбергского университета Фридриха Фогеля уровень большинства докладов оставляет желать лучшего, что объясняется тем, что наука о генетике, еще 20 лет тому назад, была в Сов. Союзе запрещена, т. к. она противоречила марксистскому принципу «среда формирует личность». Отсутствие американских и канадских ученых было особенно чувствительно при обсуждении научных исследований в области новой техники воздействия на наследственные качества.

- Лос-Анджелесский отдел Конгресса Русских Американцев организовал 21. 5. 1978 г. «Русский Фестиваль», собравший около 1200 участников и зрителей. Все помещения Интернационального института были заняты: в большом зале попеременно играл духовой и струнный оркестры, во многих других помещениях находились: выставки картин, книг, рукоделий, буфет, театр марионеток. Выступали смешанный русский хор, под управлением Г. П. Григориева и балетная студия И. Смальцева. Необходимо отметить выставки картин художников Всеволода Ульянова, К. К. Кузнецова и Н. И. Желиховского. Струнный оркестр разведчиков дружины «Нижний Новгород» под управлением Юрия Бугачева выступил в русских костюмах.

- В декабре 1977 г. в Ховелл, Нью Джерси, США, Кубанским казачьим войском за 48 000 долларов куплено здание буддийского монастыря для устройства кубанского войскового музея. В музее будут храниться войсковые регалии, состоящие из знамен, грамот, булав и т. п., а также архива. Регалии были в 1920 г. вывезены из Екатеринодара и сейчас находятся в надежном хранилище в Нью-Йорке. В приобретенном здании — 17 комнат, две из которых будут посвящены терскому и донскому казачеству. Там же будут помещаться: войсковая канцелярия, музей, архив и редакция журнала «Казак». Рядом с музеем находится православная церковь Св. Георгия. По близости находятся два казачьих дома, ферма РОВА и общество «Родина». В состав Кубанского Казачьего войска в данное время входит до 40 кубанских и общеказачьих организаций в Америке, Европе и Австралии.

- Русский старообрядческий поселок Николаевск на Аляске основан всего только 10 лет тому назад. Первыми на место поселения, в дремучую тайгу, прибыли 4 семьи. Уже через 4 года число семей увеличилось до 50. В 1971 г. в поселке было уже более 100 детей школьного возраста. Дорожный департамент построил к 1974 г. дорогу. В новопостроенной школе с первого учебного года ежедневно один урок уделяется русскому языку. В поселке работают 3 верфи для рыболовных шхун. Основное занятие — рыболовство. Общее число судов

превышает 40 и носит название «Рашен флит». В 1975 г. большинство населения поселка стало гражданами США. Акт натурализации провели торжественно с многочисленными русскими и американскими гостями.

- В приходской школе Свято-Покровского храма в Лос-Анжелесе 11 июня состоялся торжественный акт по случаю окончания учебного года. Приветственное слово, в котором он отметил заслуги заведующей школы Тамары Владимировны Горбачевской, произнес священник о. Александр. После акта были художественные выступления учениц и учеников всех классов.

- Скаутмастер Алексей Захарьин и разведчица Татьяна Охотникова (Северо-Американский отдел ОРЮР) награждены медалями «за спасение погибающих» 2-ой степени. Награжденные спасли упавшего в озеро и тонувшего инструктора А. Охотникова. Это произошло во время летнего лагеря в 1976 году.

- В октябре этого года исполняется 30-летие скаутской дружины «Град Китеж», основанной скм. Г. Лукиным в 1948 году в Буенос Айресе, положившей начало Аргентинскому отделу ОРЮР. В настоящее время ст. скм. является П. Уртъев. За этот долгий срок состоялось 27 летних лагерей в Аргентине и в Уругвае. В последние годы было еще 3 отдельных лагеря для детей русского и смешанного происхождения, не говорящих по-русски. За этот же срок было проведено 6 курсов для руководителей, вожатых и нач. отрядов. Всего за 30 лет через скаутскую организацию ОРЮР прошло в Аргентине свыше 500 детей, что составляет значительный процент всей русской колонии в Аргентине. В прошлом году лагеря были организованы в лесу на берегу моря в Уругвае, в этом году — в центральной провинции Аргентины Кордобе. В русских лагерях обыкновенно бывает более 50 чел.

В 1955 году ОРЮР открыл в Буенос Айресе русскую субботнюю школу, которая теперь выросла в начальную школу и гимназию с общим количеством около 70 учеников. В школе и гимназии преподаются Закон Божий, русская история, география, русский язык, русские танцы и песни. В гимназии кроме того преподаются основы политической истории. Занятия в школе и гимназии происходят каждую субботу. После занятий проводятся разведческие сборы, на которых разведчики (каковыми являются все ученики) не только занимаются разными играми и спортивными состязаниями, но и проходят чисто разведческие дисциплины и готовятся к летним лагерям.

Школа и гимназия расположены в большом двухэтажном здании с высокими, светлыми, классными помещениями. Старый деревянный «барак», построенный самими разведчиками четверть века тому назад, отремонтирован и превращен в театральный зал со сценой, раздевалками и залом на 100 мест.

20 лет тому назад при АО ОРЮР был

организован Русский театр для детей, поставивший приблизительно 20 пьес, главным образом русских народных сказок. В некоторых постановках участвовало свыше 60 человек (от 6 до 60 лет).

Два года тому назад основана «Ассоциация Св. Георгия», получившая от аргентинского правительства право «юридического лица» и являющаяся хозяином движимого и недвижимого имущества, находящегося в распоряжении разведческой организации, театра, школы и гимназии. За свое 30-летнее существование АрО ОРЮР (Аргентинский Отдел) неоднократно принимал участие в общественной жизни российской эмиграции в Аргентине, устраивая Дни Непримиримости, участвуя в Дне Русской Культуры, принимая участие в встречах Чудотворного Образа Божией Матери и правящего архипастыря.

• В северном полушарии состоялись следующие летние лагеря Организации Русских Юных Разведчиков (ОРЮР): в Северо-Американском отделе: дружина «Царское Село» — скм. А. Захарьин 1—30 июля (4 недели), друж. «Путивль» — скм. М. Данилевский 24 июня — 8 июля (2 недели), друж. «Киев» и отряд ген. Врангеля — скм. А. Клестов — волчата и белочки — 1—15 июля (2 недели), разведчики и разведчицы 5—20 августа (2 недели), друж. «Нижний Новгород» — скм. Е. Бобров — 5—20 августа (2 недели); в Европейском отделе: лагерь младших — скм. С. Тарасов 29 июля — 12 августа, лагерь старших — инс. Ю. Готсвичков 29 июля — 12 августа.

• Журнал руководителей Сев.-Амер. отдела ОРЮР «Опыт» отмечает в этом году 32-летие своего существования. Журналом руководит скм. С. Тарасов.

• 10 и 11 июня в Мельбурне состоялся съезд руководителей Австралийского отдела ОРЮР. Кроме подведения итогов, обмена опытом и разработки плана работы на будущий год, обсуждался план торжеств по случаю двойного юбилея: 70 лет русского скаутизма и 25 лет ОРЮР в Австралии.

• Дружина «Киев» (Сан-Франциско) провела под руководством скм. А. Кузубова, лагерь для волчат и белочек с общим числом участников в 60 человек. Мальши с успехом прошли очередные испытания, а «мамы» Т. Баранова и Н. Корецкая прекрасно кормили лагерников. В праздник св. Петра и Павла свящ. о. Николай отслужил литургию. Все участники лагеря причастились Святых Тайн.

• В мае 1974 г. в гор. Меплвуд, в Нью-Джерси, была устроена небольшая выставка музея-архива русских скаутов, который пока что находится в доме Олега Олеговича Пантюхова, сына покойного основателя русского скаутизма, Старшего Русского Скаута, О. И. Пантюхова. Этот музей ведет свое начало от созданного в 1915 г. «Музея и библиотеки по скаутизму» при журнале «Вокруг Света», основанного при ближайшем участии О. И. Пантюхова, его близким другом и крупным московским скаут-

ским деятелем В. А. Поповым, который и был редактором упомянутого журнала. Советские власти закрыли журнал и музей. О. И. Пантюхов, покинув Россию в начале 1920 года, стал заново собирать скаутские музейно-архивные материалы. Русские скауты, где бы они ни оказались, включая Советский Союз, посылали О. И. П. открытки, значки, фотографии, сувениры и периодические издания, которые вместе с тысячами писем расположены на полках и в шкафах музея и представляют ценнейший материал по истории русской эмиграции и уникальную коллекцию. Кроме того, этот музей-архив является старейшим из всех скаутских музеев в мире.

• 38-й суворовский лагерь Витязей состоялся в этом году в Альпах с 1 июля по 31 августа, недалеко от Гренобля у местечка Лафрей, в живописной горной местности на высоте 1000 м между двух озер. Лагерь расположен на специально для этой цели приобретенном участке со следующими постройками: церковь, столовая, лазарет, души с умывалкой и уборной, клуб и кухня. Витязи жили в палатках и спали на походных кроватях. В программе: спорт, игры, прогулки, купание и водный спорт, ручной труд, родиноведение, пение. При лагере имеется большая русская библиотека. Перед приемом в лагерь, дети должны были пройти медицинский осмотр.

• 13 августа в Свято-Покровском храме в Лос-Анжелесе была отслужена торжественная панихида по случаю тридцатой годовщины смерти вождей Освободительного Движения Народов России и главнокомандующего Российской Освободительной Армией генерала А. А. Власова и по вождям Белой Борьбы и атаманам всех Казачьих Войск, погибших за освобождение России в борьбе против антинародной и безбожной коммунистической власти, по всем Патриотам-воинам, павшим на поле битвы за Веру и Отечество, погибших в чекистских застенках, в тюрьмах и лагерях, и по всем неисчислимым жертвам большевицкого лихолетия — Имена их, Ты, Господи, веши!

• Отряд имени ген. Врангеля в Пало Алто (США), вместе с Объединением кадет и скаутами дружины «Киев» из Сан-Франциско устроили в день памяти ген. Врангеля всенародную панихиду. Ребята, несмотря на трудности, все почтили память того, чей пример они выбрали своим путеводителем, взяв его имя для своего отряда.

• 26 мая с. г. в Лондоне на 93 году жизни скончалась известная русская балерина Тамара Карсавина, вписавшая своим талантом незабываемые страницы в историю русского балета. С ее искусством связаны такие имена как Фокин, Нижинский («Бог Танца»), Мясин, Лифарь, Дягилев, Стравинский, Дебюсси, Бенуа, Равель. У нее не было неблестящих ролей, но, может быть, наиболее блестящие ею созданные образы были: Жар-Птица, Валерина в «Петрушке», Хлоя, Тамара, Жизель, Сильфида,

Джульета. Свои воспоминания о Мариинском Императорском театре в Петербурге, о жизни вне России, участии в русских балетах, она замечательно описала в книге «Театральная улица», изданной в 1930 году.

• 6 августа группой почитателей поэта и писателя Саши Черного на кладбище города Лаванду (Франция) в присутствии представителя мэрии и корреспондентов многих газет была установлена памятная доска.

• Радио Ватикан передает Божественную Литургию на церковнославянском языке каждое второе воскресенье в 11 час. 30 мин. по московскому времени. Кроме того, ежедневно передачи на религиозные темы в 15.45 и 21.45 по московскому времени. Передачи ведутся в 15.45 на коротких волнах 25,55; 31,10; 41,38 и на средн. волне 238 метров; в 21,45 — на коротких волнах 25,61; 31,17; 41,93 и на средней волне 238 м.

• Приход церкви Св. Иоанна Крестителя в Беркли, Калифорния, отметил 40-летие со дня основания в 1938 году. Празднование состоялось 23 июля 1978 г. Божественную Литургию совершил Врем. Администратор Сан-Франциско и Зап.-Американской Епархии Преосвященный Григорий (Афонский), Епископ Ситкинский и Аляскинский, в сослужении местного и окрестного духовенства, при пении церковного хора.

• 17 октября Советским Союзом будут проданы 35 древних и особенно ценных икон 17 и 19 веков. Продажа состоится в аукционном зале Кристи (Christie's) в Лондоне.

• Архиепископ Серафим Венесуельский обратился во главе группы из 50-ти человек к Организации Христианских Демократов США с просьбой выступить за освобождение христиан, томлящихся в заключении в СССР: Игоря Огурцова, Бориса Евдокимова, Валерия Тимохина и Владимира Осипова.

*Редактирует коллегия
Редактор С. Орлов
Секретарь редакции А. Желнин*

Перепечатка разрешается,
но с указанием источника

Адрес редакции:

SARUBESCHIE

Postfach 860327

8000 München 86

Bundesrepublik Deutschland

Банковский счет № 25.00784.01

Банк: Reuschel & Co.

Ismaningerstr. 98, 8000 München 80

Verantwortlich für den Inhalt
S. Orlov

Druck: „Logos“, München 19, Bothmerstr. 14